

55380

459
SUPPLEMENTUM

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

История, литература, язык и искусство восточных славян

в XI—XVII вв.

SZEGED
1981

SUPPLEMENTUM

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

Slavistische Mitteilungen

Материалы и сообщения по славяноведению

История, литература, язык и искусство
восточных славян
в XI-XVII вв.

Szeged
1981

HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged
A. József Nom.

HU ISSN 0586-3737 Diss. Slav.

Сборник под названием "История, литература,
язык и искусство восточных славян в XI-XVII вв."
содержит материалы конференций, проходивших в
г. Сегеде 24-25 мая 1979 г. и 24-25 мая 1980 г.
Сборник открывается вступительным словом заве-
дующего кафедрой русского языка и литературы
Сегедского университета им. А. Йожефа кандидата
филологических наук Адама Фейера

Уважаемые коллеги !

Все, кто интересуется проблемами русской культуры, убеждены, что эта культура является источником знаний, не приобретаемых ни в какой другой области. И оригинальность, особый национальный характер этой культуры оправдывают наши усилия, направленные на раскрытие ее ценностей.

В то же время мы убеждены, что эта культура по природе своей общепонятна, переводима на язык других культур — она представляет собой не только самодавящее целое, но она является и оригинальным элементом общеевропейской культурной традиции, каждый европейски мыслящий человек должен быть восприимчивым к урокам русской культуры. Поэтому мы можем надеяться на плодотворность наших усилий, направленных на ее изучение.

Мы, венгерские русисты, вместе с тем должны верить в то, что несмотря на сравнительную отдаленность от источников, но используя широкую перспективу, открывающуюся с известного расстояния, с нашей характерной точки зрения, определенной венгерской литературой, не только возможно, но и стоит проводить исследования по русистике. Мы можем найти особый угол зрения, и наш вклад может оказаться полезным для дела русистики. Чтобы быть уверенными в своих силах, мы должны предполагать, что наши исследования в области русистики — в зависимости от уровня проделанной работы — могут быть в не меньшей мере полезными и значительными явлениями венгерской научной жизни, чем исследования в области венгерской культуры. Нам кажется, что не искусственное ограничение круга исследований, а общие основы взглядов и убеждений должны пре-

де всего обеспечить органическое единство венгерской науки.

Уважаемые коллеги! В духе университетских традиций, мы, обучая мысли, и в соответствии с целями обучения разрабатываем наши темы. Все мы чувствуем инспирирующее влияние педагогической практики, на семинарских занятиях мы проверяем на деле свои новые, находящиеся в процессе формирования идеи, и студенты, осознавая или не осознавая этот процесс, работают вместе с нами. Лишь синхронность педагогической и научной работы может быть порукой в том, что студенты получают живой, интересный материал. Нам представляется, что образование, полученное в университете, нельзя было бы назвать высшим, если бы мы довольствовались лишь распространением знаний, и не стремились бы к тому, чтобы по возможности каждый студент мог бы испытать воодушевляющее чувство создания нового, рождения новых знаний. Большинство наших студентов не станут исследователями. В этом отношении наш университет не отличается от любого другого высшего учебного заведения в мире. Мы подготавливаем преподавателей, и нам кажется очень важным, чтобы наши выпускники пробуждали в своих учениках любовь к науке. Если бы мы не надеялись на их деятельность, мы должны были бы опасаться того, что несмотря на настойчивые стремления к знаниям, характеризующие наше общество, и на быстрое распространение знаний, процесс возникновения новых знаний для общественности будет мистифицироваться, и пополнение научной смены иссякнет.

Уважаемые коллеги! Мы хотим пожелать, чтобы, доклады, которые будут прочитаны сегодня и завтра, стали значительными событиями венгерской русистики, и как можно точнее отразили бы

проблемы и достижения университетских исследований. Приветствую докладчиков и всех коллег, которые почтили нас своим присутствием. Искренне желаю, чтобы доклады и дискуссии были полезными и поучительными.

ВЫВОДЫ, СДЕЛАННЫЕ НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НАЗВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЙ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ
В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ

Д. Кришто

В Карпатском бассейне многочисленны те названия населенных пунктов, в которые входит слово Orosz, в качестве названия народности. /Если название поселению было дано немцами - Reuss, если румынами - Ruș./ Сборник¹ названий населенных пунктов типа Orosz-/Reuss-, Ruș-, Rusz-/ включает 74 названия, хотя в него не вошли названия мест, которые имеют своим источником фамилию Orosz, или несомненно возникли позже, в XIX-XX вв. Преобладающее большинство названий 74 поселений можно возвести к средним векам. Венгерские названия встречаются в формах Orosz, Oroszi, Oroszfalva, немецкие - Reussen, Reussdorf, румынские - Ruși, славянские - Ruszka, Ruszkóc, Ruszin. В последнее десятилетие в венгерской историографии предпринимались попытки дать картину расселения русских на территории средневековой Венгрии, в первую очередь на основе названий населенных пунктов, указывающих на русскую народность. Общепринятой стала точка зрения, согласно которой русские уже в X-XI вв. селились в Венгрии. Группы русских расселялись королем в местах, названия которых указывают на принадлежность к русской народности. Считается бесспорным тот факт,

---

¹ Kristó Gyula - Makk Ferenc - Szegfű László: Adatok "korai" helyneveink ismeretéhez I. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica XLIV. Szeged, 1973. 13-14.

что жители поселений Oroszt, Oroszi и т.д. были русскими. В конечном итоге согласно точке зрения современных исследователей факт многочисленности названий типа Orosz-, Oroszi и т.п. уже сам по себе свидетельствует о том, что в средневековой Венгрии русские жили в сравнительно значительном количестве.²

Основная трудность при анализе проблемы заключается в том, что в большинстве случаев – по отношению к 74 названиям – невозможно установить ни непосредственные мотивы наименований, ни время возникновения поселений. Именно поэтому необходимо уделить внимание как общему освещению вопроса мотивации наименований, так и вопросам возникновения отдельных названий. Изучению мотивов наименований не подтверждает существующие выводы венгерской историкографии. Принадлежность к народности является лишь одним из многочисленных факторов при наименовании поселений, источниками названия поселений могли послужить и географическое положение, и имя, принадлежность к народности, род занятий владельца; и имя или род занятий одного из жителей; и церковь, крепость или дворец, построенные в данном месте; и местная ярмарка или взимаемые здесь пошлины. Таким образом, названия поселений не дают полной картины расселенности русских на территории средневековой Венгрии. Известно уже из XI века, что в одном из поселений жили печенеги, но все-таки оно носило название *Taszár*, данное на том

² Melich János: A honfoglaláskori Magyarország. Budapest 1925-1929. 155-157.165.; Mályusz Elemér: A középkori magyar nemzetiségi politika. Századok 1939. 266. 268-270., 273.; Györffy György: Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza I. Budapest 1963. 126, 465, 546, 649.

основании, что его жители были обязаны заниматься плотничеством. В конце XIV в. село³ Šid в комитате Valkó фигурирует как поселение русских /*possessio rutenorum* /, однако его название не указывает на принадлежность к русской народности.³

Переходя к изучению конкретных мотивов отдельных наименований, следует обратить особое внимание на особые случаи параллельных названий, когда разные этнические группы одновременно давали наименования одному и тому же поселению, исходя из разных мотивов. Напр. расположенный в Трансильвании Szerdahely /сегодняшний Mercurea Sibiului / имеет немецкое название Reussmarkt, которое встречается уже в конце XIII в.⁴ Название этого поселения во всех трех языках связано с рынком, но в то же время как венгерское и румынское названия указывают на день еженедельного рынка /среда/, немецкое Reussmarkt по неизвестным причинам связывало рынок и само поселение с русскими. Русские купцы бывали в Венгрии - это можно доказать уже в XIII в.: Согласно фальшивой грамоте 1214 г., свободную ярмарку /*Uberum forum* / в комитате Borsod посещали и

³ Kristó Gyula: Szempontok korai helyneveink történeti tipológiájához. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica LV. Szeged, 1976. 10-14, 64-65.

⁴ Kniezsa István: Keletmagyarország helynevei. Deér József - Gáldi László /szerk./: Magyarok és románok I. A Magyar Történettudományi Intézet Évkönyve 1943. Budapest, 1943. 252.; Coriolan Suciu: Dictionar istoric al localitatilor din Transilvania I. Bucuresti, 1967. 390.

торговцы из России. Поселение перешло к купцам в результате судебного дела, а затем было продано⁵. Связь между Reusmarkt -ом в Трансильвании и пребыванием русских купцов в комитате Borsod указывает на то, что в возникновении названий типа Orosz- - важную роль играли не только королевские расселения. Это подтверждается и дальнейшими примерами. В грамоте 1177 г. говорится о доме русского /domus Ruteni / в комитате Тешес. Возникло предположение, что именно из этого ядра выросло средневековое Oroszi в комитате Тешес.⁶ Едва ли можно принять гипотезу, согласно которой в селах типа Orosz-, Orosz и т.п. жили исключительно, или в большинстве, русские. Очевидно, русское происхождение владельца уже могло быть достаточным основанием для возникновения наименований Orosz-, Oroszi и т.п. Как известно, село Šid комитата Valkó в грамоте 1393г. названо поселением русских, и эта же грамота сообщает, что бывшим владельцем был не оставивший наследников русский /similiter Ruteni /, по имени Михай, сын Петера⁷. Связь между упоминанием поселения как русского и этнической принадлежности бездетно умершего владельца /а возможно уже и предыдущих владельцев/, вероятно, является существенной. Средневековые сведения доказывают также, что собствен-

⁵ Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis VII.
5. Studio et opera Georgii Fejér. Badae 1841. 208.

⁶ Kristó Gyula: Szempontok korai helyneveink történeti tipológiájához, 63.

⁷ Zsigmondkori oklevéltár I. /1387-1399/. Összeállította Mályusz Elemér. Magyar Országos Levéltár kiadványai II. Forráskiadványok I. P.b., 1951. 3021. szám.

ное имя Orosz также могло послужить источником для названия поселений. В 1279 г. в Szemere /комитат Borsod / владел имением человек по имени Orosz /Vruz /. А в 1333 г. по соседству с Szemere находится имение Orosz /Oroz/⁸. На основе этих данных нельзя исключить возможность того, что и другие поселения под названием Orosz носили имя своего владельца.

Большинство из 74 названий типа Orosz-, включенных в список, не относится к наиболее древним названиям, появившимся в XI-XII вв. / в первую очередь названия с последним членом словообразования -falu, -falva, -fa, -dorf и т.п./ Исходя из общих положений и из конкретных примеров, можно установить что и средневековые названия не являются однородными ни по мотивам, ни по времени возникновения. /Особенно нельзя их считать одинаково ранними/. Названия типа Orosz, Oroszi и т.п. возникали в результате пребывания русских купцов в Венгрии, были связаны с именами отдельных русских владельцев, а также с лицами по имени Orosz. Поэтому лишь небольшая часть названий населенных пунктов может быть соотнесена с деятельностью венгерских королей, направленной на расселение русских в Венгрию.

В средние века самое значительное по размерам переселение русских имело место до 1031 года. Эти русские были поселены на западе в пограничной полосе средневековой Венгрии /в окрестностях сегодняшнего Oroszvár ~ Rusovce /, и здесь они играли важную политическую роль, когда отношения между Венгрией и Священной Рим-

---

⁸ Györffy György: Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza I., 796-797.

ской империей превратились во враждебные. Король Иштван I поставил своего сына Имре во главе русских /dux Ruizorum /, охраняющих границы. По всей вероятности, к этой же территории относится и географическое название XII в. *marchia Ruthenorum* /марка русских/.⁹

---

⁹ Részletesebb kifejezését ld. Kristó Gyula: Oroszok az Árpád-kori Magyarországon. *Acta Universitatis Szegediensis de Attilla József nominatae. Acta Historica*. Szeged, 1980. /sajtó alatt/.

К ДОСТОВЕРНОСТИ ОДНОГО ИЗ СООБЩЕНИЙ КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Ф. Макк

Русские летописи относятся к ценнейшим источникам изучения венгерской истории времени правления Арпадов. В них содержатся чрезвычайно важные для нас сообщения, касающиеся не только ранних русско-венгерских связей, но и других направлений венгерской внешней политики. Наша работа посвящена выяснению достоверности одного из сообщений Киевской летописи, указывающего на вооруженные столкновения между Венгрией и Византией в середине XII века. Вопрос о достоверности источника теснейшим образом связан с определением начала венгерско-византийских войн во время правления Гезы II /1141-1162/.

Известно, что между 1148-1152 годами венгерский король Геза II шесть раз оказывал военную помощь своему зятю, волынскому Изяславу в борьбе за киевский престол. В то же время на Балканах столкнулись интересы венгерского королевства с Византией, что привело к военному конфликту. Однако датировка начала военных столкновений между Венгрией и Византией вызывает споры в специальной литературе: его приурочивают то к 1149 г., то к 1150 г.

При исследовании хронологии мы должны исходить из данных Иоанна Киннама и Никиты Хониата, византийских историков, произведения которых являются основными источниками XII века. На основании этих источников можно установить следующее. После того как византийцы при содействии венецианского флота отвоевали у норманнов остров Корфу, император Мануил принял меры для оккупа-

ции и Южной Италии. В период подготовки к этой войне он получил известие о том, что сербы – подданные Византии – восстали под водительством своего князя и совершают опустошительные набеги на пограничные византийские земли. Во время осеннего равноденствия /около 23-ого сентября/ Мануил направил греческий флот в Италию, а сам с отборными войсками вторгнулся в Сербию. Великий жупан Сербии, Урош II /дядя Гезы II с материнской стороны/ укрылся от Мануила в горах. После разорения сербских земель император со своими войсками вернулся в Константинополь, где было устроено роскошное триумфальное шествие ¹.

Поскольку точно известно, что взятие острова Корфу произошло в августе 1149 г., восстание сербов можно приурочить к концу лета 1149 г.² Поднялся вопрос о том, принимали ли венгры непосредственное участие в вооруженном восстании сербов с самого начала. Уже

---

¹ А. Meineke: Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnæ 1835. / в дальнейшем: Epitome/ 101-103. I.A.V. Dieten: Nicetae Choniatae Historia. Corpus fontium historicae Byzantinae XI/1. Series Berolinensis. Berolini et Novi Eboraci 1975. 89-90.

² К датировке событий см. напр.: F.Chalandon: Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile II. Paris, 1907. 145.; F. Ghalandon: Les Comnène Études sur l' empire byzantin aux XIe et XIIe siècles II. Jean II. Comnène /1118-1143/ et Manuel Comnène /1143-1180/. Paris, 1912. /в дальнейшем: Chalandon: 1912. 332. В.Василевский: Из истории Византии в XII в. Союз двух империй /1148-1155/. Труды В.Василевского IV Ленинград, 1930, стр. 47-48. P.Rassow: Zum byzantisch-normannischen Krieg 1147-1149. Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung 1954. 215.; С.Д.Сказкин /отв.ред./: История Византии в трех томах II. Москва, 1967. стр.327. Ј.Кали^h - Б.Ферјанчи^h - Н.Радосеви^h : Византијски извори за историју народа Југославије IУ.Београд, 1971. /в дальнейшем: Извори.стр.22 сноски 37-38.

Киннам указывает, что в это время существовал антивизантийский союз между Венгрией и сербами. По его сообщению немцам /т.е. сторонникам герцога Вельфа VI/, сербам и венграм стало известно, что император Мануил готовится к войне против Сицилии, и они решили напасть на Византию.³ Но ни Киннам, ни Хониат не писали о том, что венгры уже в 1149 г. боролись против Византии. Это "умолчание" источников стало основой господствующего в исторической литературе мнения, согласно которому венгры не принимали участия ни в сербском восстании 1149 г., ни в последующем за ним вооруженном сербско-византийском столкновении, военные же действия между венграми и византийцами начались только осенью 1150 г. на ручье Тара⁴. Согласно другой, менее распространенной, точке зрения между Венгрией и Византией уже в 1149 г. шла война⁵. Эта точка зрения

³ Epitome 101.

⁴ Из исследования вопроса см. напр. К. Грот: Изъ истории Угрии и славянства въ XII в. /1141-1173/. Варшава 1889. стр. 151. Pauler Gy.: A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt I. Bp., 1889. 2. 272, 274.; Chalandon, 1912. 385-387.; P. Lam-
ma: Comneni e Staufer. Ricerche sui rapporti fra Bisanzio e l' Occidente nel secolo XII. Roma, 1954. I. 99.; J. Калин : Рашки велики жупан Урош II. Сборник радова Византолошког института XII. Београд, 1970. 25-28.; Gy. Moravcsik: Bazantium and the Magyars. Bp., 1970. 79-80.; Извори стр. 23. сноска 38,; о географическом положении ручья Тара см. Милош Благојевић : Сеченица /ΣΕΤΣΕΥΙΤΑ/ Стримон /ΣΤΡΙΜΩΝ/ и Тара /ΤΑΡΑ/ код Јованна Киннама. Сборник Радова Византилошког Института, ХУ11/1976/ 65-75.

⁵ М.М. Фрейденберг: Труд Иованна Киннама как истощеский ис -
точник. Византийский Временник 1959, стр. 32.; А.В. Ur-
bansky: Byzantium and the Danube Frontier. New York, 1968.
71.

основана на сообщении Киевской летописи, из которого следует, что 23 августа 1149 г. великий князь Изяслав Мстиславич потерпел поражение от Юрия Долгорукого, занявшего Киев. После этого поражения осенью 1149 г. Изяслав попросил помощи у венгерского короля, у чешского и польского князей. На просьбу Изяслава Геза II ответил отказом, мотивируя его войной с Мануилом: "ратень есмь съ цремь яже боудоу пороженъ а самъ поиду а пакы ли а полкы своя поущо".⁶ Мы полагаем, что сообщение Киевской летописи определенно указывает на имевшее место вооруженное столкновение между Венгрией и Византией. Решающим аргументом, подтверждающим это предположение, является одно из панегирических стихотворений византийского поэта - современника событий - Феодора Продрома. Продром описывает всю историю сербского восстания 1149 г. в соответствии с произведениями греческих историков⁷. Но в ходе изложения событий он говорит о том, что "варварский жупан сербов, располагая союзными войсками венгров" и в союзе с норманнским правителем Сицилии, напал на византийские земли и разорил их. В другом месте произведения поэт указывает на "борьбу сербов и венгров", которая вспыхнула против византийского императора по побуждению норманнов⁸. В специальной литературе возникновение этого стихотворения Продрома связывают с триумфальным шествием Мануила в Константинопо-

---

⁶ Полное собрание русских летописей. т.11, Москва, 1962. стб. 384.; см. также Hodinka A.: *Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai*. Bp., 1916. 107.

⁷ W. Hörandner: *Theodoros Prodromos historische Gedichte*. Wiener Byzantinische Stadium XI. Wien, 1974. 349-360.

⁸ Hörandner: ук. соч. 354. строки 196-204 и 207.

ле, которое произошло на рождество 1149 г.⁹ Этот факт безусловно доказывает, что Продром говорит о венграх в связи с событиями осени 1149 г. На основе вышесказанного можно считать бесспорным участие венгерских войск в столкновении сербов с Византией на стороне сербов, которые пользовались и поддержкой норманнов. Поэтому начало венгерско-византийских войн середины XII в. мы должны приурочить к 1149 г.¹⁰ По всей вероятности, военная помощь Венгрии в этом году имела скромные размеры, и в войне 1149 г. ведущую роль играли сербы под предводительством Уроша II. Можно предположить, что именно поэтому греческие историки умалчивают о венграх.

В связи с вопросом о достоверности сообщения Киевской летописи мы должны прийти к выводу, что стихотворением византийского поэта Феодора Продрома сообщение русского источника полностью подтверждается.

---

9 M. Mathieu: La Sicile normande dans la poésie byzantine. Bolletino del Centro di Studi Filologici e Linguistici Siciliani II. Palermo, 1954.64.; Hörandner: ук. соч. стр. 348, 360.

10 К хронологии венгерско-византийских войн 1149–1155 гг. см. Makk Ferenc: Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontáció kronológiájához. К вопросу о хронологии венгерско-византийских столкновений во время правления Гезы II /1141–1162/ Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica./в печати/.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КИЕВСКОЙ РУСИ XII В.

М. Фонт

Вопрос о политических проблемах в Киевской Руси возник при изучении русско-венгерских политических отношений в XII в. Поэтому мы постарались сосредоточить внимание на тех явлениях внутренней политики Руси, которые оказывали наиболее сильное влияние на политические отношения с другими странами. Одним из таких явлений считается феодальная раздробленность.

Феодальная раздробленность представляет собой не специфическую особенность Древней Руси, ее разные фазисы присущи всем странам средневековой Европы. Она сложилась на тождественной экономической базе средневековых государств. По мнению Д. Кришто¹, феодальная раздробленность является результатом примитивного сельскохозяйственного производства, господства натурального хозяйства, вследствие чего транспорт и информация были слабо развиты. В конечном счете феодальная раздробленность является продуктом малоразвитых производительных сил, которые представляют собой экономический базис первого, так называемого раннефеодального периода феодализма. Существующая же раздробленность хозяйства имеет тенденцию к политической раздробленности.

Изучение феодальной раздробленности на Руси не позволяет ограничиваться лишь пределами XII в. Но предысторию раздробленности мы иллюстрируем лишь некоторыми фактами, не публикуя работу в полном объеме. Многие из историков, так например В.О. Ключевский², А.Н. Насо-

¹ Kristó Gy.: A feudális szétagolódás Magyarországon. Szeged, 1974. /kézirat/ 8.

² Ключевский, В.О.: Сочинения. том 1, Курс русской истории. ч. 1, Москва, 1965, стр.169.

нов³, В.Т. Пашуто,⁴ Б.А. Рыбаков, середину XII в. считают границей государственного единства и раздробленности. На самом деле первый раздел страны произошел уже в 970 г. при Святославе Игоревиче⁶. В начале XI в. Владимир I тоже разделил государство, посадив сыновей на княжение в центры бывших племен. Полное единство восточнославянских земель при Ярославе Мудром также не осуществилось, о чем свидетельствует положение Полоцка и Тмутаракани⁷. На упоминаемые факты указывает и Пашуто⁸ при изложении двойной тенденции, считая возможным проследить ее с начала XI в., в особенности после смерти Ярослава. В понимании Пашуто развитие феодальных отношений продолжается на большей территории, однако экономическое и политическое значение центра /Киева/ падает.

---

³ Насонов, А.Н.: Русская земля и образование ее территории. Москва, 1955, стр. 8.

⁴ Пашуто, В.Т.: Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси. В сборнике "Польша и Русь", Москва, 1974, стр. 9-17 /в дальнейшем: Пашуто 1974/.

⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях и 12-и томах, том I, Москва, 1966, стр. 477-478, ук. часть написана Рыбаковым, Б.А. /в дальнейшем: История I/.

⁶ Повесть временных лет. I. Текст и перевод. Подготовка текста Лихачева, Д.С. и Романова, Б.А. Под редакцией Адриановой-Перетц, В.А. Москва-Ленинград, 1950, стр. 94 /в дальнейшем: ПВЛ/.

⁷ История I, стр. 519; Казакова, Н.А.: Полоцкая земля и прибалтийские племена в X - начале XIII вв. В сборнике "Проблемы истории феодальной России", Ленинград, 1971, стр. 82-91; Алексеев, Л.В.: Полоцкая земля. В сборнике "Древнерусские княжества X-XIII вв." Москва, 1975, стр. 202-239.

⁸ Пашуто, 1974, стр. 11.

В 1054 г. Государство Ярослава Мудрого было разделено на три - приблизительно одинаковые - части. Но к концу XI в. вновь появилась тенденция к объединению государства, которое осуществилось при Владимире Мономахе. Но Киевская Русь при Ярославе и при Владимире - это не одно и то же государство. Ведь к этому времени окрепший класс феодалов стремится к более интенсивному участию в управлении государством, и через города и "коллективно" выражает свои намерения /нпр. 1068 Киев, 1096 и 1102 Новгород/. Интересы феодалов столкнулись при распределении доходов и превращении княжеских владений в наследственные. В том, что этот господствующий класс стал поддерживать стремление великого князя к централизации, играли значительную роль и нападения половцев, и киевское восстание 1113 г., выражающее недовольство народных масс.

Владимир Мономах, будучи переяславским князем, вел успешную борьбу с половцами. Его сильное вооруженное войско - какого требовала постоянная борьба - могло бы послужить залогом для подавления волнений в Киеве⁹. Он был призван на княжение киевлянами, т.е. воспользовался поддержкой феодальной верхушки Киева¹⁰. Это тоже не было безразличным для объединения русских земель. Князей, придерживающихся соглашений княжеского съезда 1097 г. в Любече¹¹, можно было подчинить двумя способами. Первым из них является создание так наз. "семейной коалиции" и привлечение к ней князей из других династий. Дру-

---

⁹ История I, стр. 566.

¹⁰ Об уставе Владимира Мономаха см. Рыбаков, Б.А.: Политические идеи русских летописцев XII в. "Польша и Русь", стр. 18-22.

¹¹ "каждо да держит отчину свою" /ПВМ, стр. 170-171/.

гой возможностью является изгнание князей, не подчиняющихся великому князю, и передача их владений сыновьям. Когда Владимир Мономах вступил на престол, в распоряжении его взрослых сыновей были значительные территории¹², которые стали основой объединения.

При изменившихся к XII веку экономических и политических условиях боярство хотело укрепить свои позиции. Чтобы достигнуть этих целей, им нужен был князь, который был бы зависим от местных условий и поэтому мог бы эффективнее вмешиваться в решения местных конфликтов. Однако объединение, осуществленное на таком базисе, именно поэтому не было прочным. Объединение русских земель в условиях XII в. считалось уже анахронизмом, но в его кратковременном существовании нападение внешних врагов играло значительную роль¹³. Продолжателем политики Владимира Мономаха является его сын Мстислав. Хотя и ему не удалось объединить все русские земли, но единство отцовского государства сохранилось. Во время правления Ярополка /1132-1139/ "семейная коалиция" распалась из-за внутридинастических столкновений, которые привели к тому, что господство Мономашичей в Киеве в 1139 г. прервалось¹⁴. Однако и династия Ольговичей, из которой вышел новый киевский князь, представляла противоположные интересы князей. Сформированные к 40-ым годам XII в. княжества /как нпр. Владимир-Суздаль, Туров, Переяславль, Волынь, Смоленск, Галич, Новгород-Северский и другие/ не имели одинакового поли-

---

¹² История I, стр. 566; Ключевский ук. соч., стр. 192-193.

¹³ История I, стр. 574-576.

¹⁴ Великим князем стал Всеволод Ольгович из Черниговщины.

тического значения, но не требует доказательств тот факт, что ни одно из них не могло своими силами подчинить себе другие. Этим объясняется, что к середине XII в. сложились так наз. "княжеские коалиции", которые часто прибегали к помощи соседних стран, чтобы увеличить свою военную силу. В результате сложились две княжеские группировки, в которые вошли с одной стороны Владимир-Суздаль и Галич, с другой - Волынь и Смоленск, Чернигов же занимал промежуточную позицию.

Вследствие междоусобных войн середины XII в. группировки пошли на компромисс: начиная с 1151 г. два великих князя стояли во главе Руси, один в Киеве, другой - под Киевом, в Вышгороде. По мнению П.П. Толочко¹⁵, "дуумвират" является результатом политического равновесия, которое в конечном счете способствовало укреплению великокняжеского положения Киева и тем самым единству Руси. Возражая мнению Толочко, мы подчеркиваем, что вышеупомянутый компромисс является результатом осознания князьями неосуществимости исключительного и наследственного владения Киевом при сложившихся к середине XII в. соотношениях сил. Начиная с 1151 г. князья больше внимания обращали на свои личные владения, где укрепление личной власти и позиций было вполне возможно. Очевидно, "дуумвират" далеко не способствовал единству Руси. По нашему мнению, в середине XII в. начинается падение Киева: "дуумвират" положил конец его политической гегемонии, а поход Андрея Боголюбского в 1169 г. - экономической; Киев лишь символически остаётся столицей. В последнюю треть XII в. Киев является центром только одного из княжеств, менее организованного, чем другие. Киев подчиняется сначала Владимиру, потом Галичу, а после нашествия татар он и теряет

---

¹⁵ Толочко, П.П.: Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности. "Польша и Русь", стр. 223-234, о "дуумвирате", стр. 229.

свое символическое значение.

В заключение у нас есть несколько замечаний к истолкованию понятия "княжество", поскольку оно имеет особое значение в изучении феодальной раздробленности. Термин "княжество" употребляется в исторической литературе уже при описании политического положения XI в. Но в это время княжество — это земля, находящаяся во владении князя в данный момент, но не являющаяся наследственной. Первым фазисом обособления является превращение князьями "отчины" в наследственное владение. На любечском съезде это было юридически оформлено, несмотря на то, что местами это уже осуществилось /нпр. Полоцк/, местами это превращение лишь формируется /нпр. Галич/. В основном же только после съезда обособление было осуществлено /нпр. Волынь, Суздаль/. Естественно, наиболее острой борьбой сопровождается овладение Киевом, т.е. стремление одной из княжеских династий превратить Киев в свое наследственное владение. Но все это происходит в рамках единства Руси, неизвестно только под чьим руководством оно осуществляется. По нашему мнению, "настоящие" княжества появляются только на стыке XII-XIII вв., и их более правомерно назвать микрогосударствами, поскольку они функционируют как отдельные экономические единицы, создают свои специфические общественные отношения и вследствие этого ведут самостоятельную внешнюю политику. События XII в. отражают только процесс их формирования, ведь самые значительные из княжеств-микрогосударств /Владимир-Суздаль и Галич — Волынь/ только в последние десятилетия XII в. считаются отдельными политическими единицами. Выяснение вопроса затрудняется тем, что в советской историографии¹⁶ политические отношения XII в. излагаются в рамках истории феодальных княжеств XIII в.,

---

¹⁶ История I, стр. 573-640.

поэтому только с трудом уловимы ступени развития, приводящие от единого государства Владимира Мономаха к раздробленности конца XII в. - начала XIII в. Хотя на протяжении XII в. число княжеств растет, но и складывающиеся и сложившиеся мелкие княжества подчиняются большим политическим единствам. Одновременный процесс раздробления и интеграции приводит к возникновению княжеств-микросударств и объясняет их внутреннюю структуру.

Мы полагаем, что события XII в. несомненно указывают на процесс раздробления, и именно этот процесс подтверждается одновременной интеграцией. Результатом вышеупомянутых противоположных процессов является возникновение княжеств-микросударств конца XII в., которые только в XIII в. достигли своего расцвета.

ДАННЫЕ К РЕКОНСТРУКЦИИ КИРИЛЛО-СЛАВЯНСКОГО
КНИЖНОГО ФОНДА БЫВШЕЙ МОНАСТЫРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
МАРИЯПОВЧАНСКИХ БАЗИЛИАН

3. Ойтози

Согласно с рекомендациями IV-ого Международного Съезда Славистов /Москва 1958/ кафедра славянской филологии Дебреценского университета в шестидесятые годы опубликовала каталоги старопечатных книг славянских, находящихся в трех больших библиотеках Затисского края. Составительницей была Дора Готтесманн, редактировал серию профессор Бела Шулан, тогдашний заведующий кафедрой¹.

Эти каталоги получили одобрительные отзывы со стороны библиографов, славяноведов, и тогда эта работа казалась завершенной.

Однако в 1969 году библиотеки Дебреценского университета и Реформаторской Духовной семинарии решили систематизировать маргиналии и владельческие записи своих старопечатных книг. Целью этой работы была реконструкция фондов ранее существовавших библиотек Затисского края, переучет бывших владельцев книг. Дора Готтесманн перешла на другую работу, мне выпала задача обследовать книги, опубликованные в ее каталоге: содержат ли они ценные записи?

Вскоре стало ясно, что 22 книги имеют между собой связь. Это книги, печатанные кириллицей, в которых находится штампель прежнего владельца: "Печать Библиотеки Марияповчанского Монастыря" /в оригинале текст по-венгерски!/.
.

---

¹ Gottesmann Dorothea: Slavische Bücher der Universitätsbibliothek in Debrecen bis 1850. Debrecen, 1964.

Slavische Bücher in den Bibliotheken der reformierten Kollegien in Debrecen und Sárospatak bis 1850. Debrecen, 1964.

Марияпович - это село в области Сабольч-Сатмар /Восточная Венгрия/ знаменитое место паломничества, начиная с XVIII столетия, благодаря чудотворной иконе Богородицы. Марияповчанский храм и монастырь монахов построены почти одновременно /1753-1756/, они принадлежали мукачовскому греко-униатскому епископству, где была в обиходе византийская литургия, и языком богослужения являлся церковно-славянский.

По практическим причинам я должна была предполагать, что в собственности монастырской библиотеки было гораздо больше старопечатных, кирилловских книг, ведь только для исполнения повседневной литургии и суточных служб требуется основной фонд В 24110 = 34 тома, при этом нами еще не уточнены износ, сослужители и прочие читательские запросы монахов.

В 1950-ом году в Венгрии произошла секуляризация монашеских орденов и национализация их библиотек. Малая часть марияповчанской библиотеки /вышеуказанные 22 книги/ уже тогда попала в библиотеку Дебреценского университета. Возникал вопрос: куда девалась большая часть монастырского книжного фонда?

По устным сообщениям современников мне удалось узнать, что в 1951-ом году сотрудники Государственного Библиотечного Центра отвезли монастырскую библиотеку из Марияповича в Будапешт /через Дебрецен/, и от этого учреждения позже Государственная библиотека им. Сечени приняла материалы. В 1971-ом году в Будапеште я обыскала все книгохранилища, где находится национализированный, но не обработанный книжный фонд и нашла старопечатные кирилловские книги марияповчанского монастыря.

Библиотека Дебреценского университета составила заявку на этот материал и получила книги, они уже полностью идентифицирова-

ны и каталогизированы /много было дефектных экземпляров!/, и теперь уже можно составить представление о бывшей монастырской библиотеке как о целом.

На формирование марияповчанской библиотеки решительное влияние оказал тот факт, что в Венгрии до "будайской эпохи" Университетской типографии систематического кирилловского книгопечатания в XVII-XVIII веках не было, не считая нескольких спорадических попыток². А. Годинка, один из пионеров венгерской славистики, впервые обратил внимание на многовековой импорт книг, направленный в Венгрию, бродячими книготорговцами, распространявшими издания восточнославянских типографий³. Он опубликовал архивные материалы "о русских книготорговцах" и подчеркнул: важно было бы исследовать все аспекты этого вопроса⁴. Он сам собирал данные о ввозных кирилловских книгах, собравшихся в приходах мукачовского епископства, но к сожалению, не успел закончить работу⁵.

---

2 Смотри об этом : Sztripszky Hádor: A hazai rutének legrégibb nyomtatványai. Magyar Könyvszemle. 1911, стр. 117-131, 243-262.

3 Hodinka Antal: A munkácsi görödkatholikus püspökség története. Budapest, 1910. 801-814.

4 Hodinka Antal: Muszka könyvvarusok hazánkban. 1711-1771. Klebelsberg emlékkönyv. Budapest, 1925. 427-434.

5 См. Рукописное наследие А. Годинки. Библиотека Венгерской Академии Наук. Отдел Рукописи. Личный фонд А. Годинки. Но 4814/1.

Я попробовала не только реконструировать марияповчанский кирилло-славянский книжный фонд, но и сделать общие выводы.

Это следующее:

1. Предположение Годинки, что ввозные книги главным образом относятся к русским типографиям, на этом материале не подтвердилось. Было в марияповчанской библиотеке несколько книг с московскими выходными данными, но большинство принадлежит украинским /Киев, Чернигов/ и галицко-волинским /Львов, Почаев, Крылос, Унев/ типографиям, среди них по церковно-историческим причинам – книги с униатской апробацией.

2. Общие черты марияповчанского фонда.

В 1858-ом году вышли в свет "Правила Чина Святого Василия во Угорщине"⁶, они компилированы с более ранних источников⁷ со следующими рекомендациями, касающимися монастырской библиотеки: "... постараться нужно, дабы в каждом монастыре была библиотека, то есть собрание добрых книг..." Далее следует: "... Выбор книг да будет наипаче теологического содержания, но надлежит и о иных книгах радети, ибо и сам законодатель напоминает – Историков и Риторов и всех тех употреблять нужно, от коих для лечения души прибывает польза." /стр. 71-72/.

Задачей настоятелей являлась забота об удовлетворении этих потребностей: "Настоятель да постарается о приобретении нужных для

---

⁶ Печатаны во Львове

⁷ Из "Constitutiones examinandae... Ordinis Sancti Basilii Magni. Poczajoviae, 1772.

библиотеки книг..." /там же/, результат оказался несколько эклектичным.

Кроме богослужебных книг в фонде обнаружены следующие книги:

а/ Исторические, представленные в первую очередь историями церкви католических авторов, а именно сокращенной адаптацией контрреформационного сочинения римского кардинала Цезаря Барония: "Деяния церковныя и гражданския" /Москва, 1719/ и монографией профессора венского университета М. Данненмайра /Львов, 1790/, переведенной с немецкого языка.

б/ Что касается второй рекомендации "Правил", то есть "риторов", восточнославянское красноречие в марияповчанской библиотеке представлено произведениями украинских проповедников XVIII-ого столетия Иоанникия Галатовского и Антония Радивиловского.

в/ Из богатой церковно-поучительной литературы марияповчанские монахи читали такие фундаментальные произведения православия, как "Катихезис" Петра Могилы и "Православное учение" архимандрита Платона /Вена, 1784/. Изучение этих "схизматических" работ было привилегией узкого круга, "Правила" зная понятие запрещенной книги - во время законного посещения протоигумен проверял: "... чтобы запрещенныя книги были под затвором и легко не выдавались". /стр. 101-102/.

г/ В Марияповчи была богатая коллекция светской дидактической литературы, в том числе "Феатрон правоучительный" Иоанна Максимовича, архиепископа черниговского /Чернигов, 1708/. Эта книга является первым поступлением библиотеки, о чем свидетельствует рукописная пометка на полях листов: "Сия книга куплена рекома Феатрон от бесермийского Дияка для закоников Мария-Повчанских през отца на сейчас Игумена Иоанникия Скрипка Чина Святаго Василия

1751." ⁸

В тезаврированном виде сохранили повчанские монахи библиографическую редкость: "Главизны поучительныя" Агапита диакона константинопольского /Киев, 1628/, переведенные на церковнославянский молодым Петром Могилой. Распространение и влияние этого произведения в образцовой статье проанализировал И. Шевченко⁹. Особенно интересен фрагмент, где автор рассматривает переводческий метод Могилы, его греческо-церковнославянские кальки.

д/ Библии было всего две, обе они редки, типографические шедевры¹⁰.

е/ Не вдаваясь в подробности, коротко упомянем, что в марияповчанском славянско-кирилловском фонде представлены: отцы церкви /Иоанн Златоуст, Василий Великий/, аскетизм, житийная литература /Дмитрий Ростовский/.

О каталогах

Библиотека с самого начала имела каталог. Стандартная, рукописная каталогизационная формула фигурирует на прокладочных листах книг: "Inscriptus Cathalogo Librorum Venerabilis Monasterii Maria

⁸ Об игумене Скрипке см.: Анатолий Романув: Переписка епископа М.М.Олшавского з гуменами /!/ Ч.С.В.В. *Analecta Ordinis S. Basilii Magni VI.* 223-258.

⁹ Sevcenko, Igor: *Agapetus East and West: the Fate of a Byzantine "Mirror os Princes"*. *Revue des Études Sud-Est Européennes* 1978. No 1. 3-15.

¹⁰ Ojtozi E.: *A vilnai Uj Testamentum és Zsoltárok egy példánya a Debreceni Egyetemi Könyvtárban.* Debrecen, 1975.

Rocsensis". Иногда встречается и "Ex Libris". Еще реже, в XIX-ом веке, формула бывает на венгерском языке. Сам каталог утерян, быть может, уничтожен, о форме его ничего не известно.

Библиотеку комплектовали из покупок, даров священников, монахов и верующих. Об этом свидетельствуют дарственные записи, например: "Книжицу сию подароваль Петръ Гелший здешний обыватель подь симъ прилогомъ да бы во время представления его за упокоение души его прочтенная была. Писано во Мария Повчи для 14 февраля 1855". /Псалтырь, Почаев, 1744/.

В марияповчанском монастыре монахи пользовались тремя языками: церковнославянским, латинским и венгерским — этот вывод сделан по архивным данным и по материалам рукописных маргиналий книг. Латинским музам служили те избранники, которые учились в "иллирийской" коллегии /Трнава/ или в венском Барбареуме. Один из них пытался перевести силлабический стих "Феатрона" с церковнославянского на латинский, эти маргиналии довольно разборчивы, автор не подписался. Другой монах постарался увековечить свою работу: "Сию книгу Алмаший Гервасий преложил на мадыарский и обители Мария-Повчанской" /Алфавит духовный, Киев, 1741/.

Всего нам удалось найти и зарегистрировать около 170 книг кирилловской печати из наследия марияповчанских соборов. Целесообразность как можно более полной реконструкции библиотек религиозных орденов подчеркивал в своей принципиальной статье П. Кульчар¹¹. Мы в этом вопросе вполне согласны с ним.

---

¹¹ Kulcsár Péter: A szegedi ferences könyvtár helyreállításáról. Magyar Könyvszemle, 1964. 84-85.

ИЗУЧЕНИЕ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ В ПОМОЩЬ ПАЛЕОГРАФИИ
/на основе рукописи Fol.Eccl.Slav.22 фонда
Библиотеки им. Сечени в Будапеште/

Э.Хоргоши

В Государственной библиотеке им. Сечени в Будапеште в отделе рукописей находится около 50 рукописей, разных по размеру и содержанию, написанных на церковнославянском языке. Большинство этих книг представляет собой русский или болгарский извод церковнославянского языка. Они попали в фонд библиотеки в разное время и разным путем. Большинство из них написано на бумаге и не датировано, в подавляющем большинстве они принадлежат к более поздним векам /к XVI-XVIII вв., но например, имеется одно Евангелие болгарского извода XIV в./. Эти рукописи мало изучены, почти все без исключения не имеют описания, о них имеются только короткие сведения в каталоге отдела рукописей.

Мы выбрали для анализа из этого собрания церковнославянских рукописей Государственной библиотеки им. Сечени рукопись, вписанную под шифром Fol.Eccl.Slav. 22. Её формат 1⁰, имеет 208 листов, XVI в.

В каталоге рукописей¹ под заглавием "Inventarium Codicum Manuscriptorum Ecclesiastico Slavorum" под номером 22 читаем следующее: Служебник XVI в., написанный на старославянском языке. На доске переплёта записи на румынском языке, л. 208, 290 x 200 мм. Больше сведений можно получить из журнала приобретений. В нем читаем следующее: Куплено у Шулица Силарднэ за 400 форинтов. Время приобретения: 1956. 1.18. Краткое описание: По водяным знакам принадле-

¹ Каталог "Variae Linguae".: "Ógyházi szláv nyelven írt szertartáskönyv, 16.sz. A kötéstáblán román nyelvű bejegyzés. 208.f. 290 x 200 mm. p. 90/b.

жит к первой половине XVI в., это подтверждается и письмом. По одной записи рукопись перешла к другому владельцу в 1719 г. На первой доске кроме вышеупомянутого места, запись на румынском языке. Можно считать ее старой рукописью из Трансильвании. Подпись: Дьёрдь Белиа ².

Как видим, рукопись довольно недавно попала в фонд Библиотеки им. Сечени путем покупки у частного владельца. Определены не точно язык рукописи и ее содержание. Мало сведений имеется о ее письме и формате; и каталог, и Журнал приобретений соглашаются в том, что она относится к XVI в.

Мы поставили перед собой целью установить точное содержание рукописи и дать более точную ее датировку по палеографическим признакам и находящимся на бумаге водяным знакам.

Внешнее описание и содержание рукописи

Рукопись в переплёте, доски на коже, видны места двух застёжек. На лицевой стороне стилизованный крест, по сторонам на краях кожи листообразное не широкое украшение. Задняя доска с таким же украшением вертикально сломана. Размер доски 30 x 20 см.

Текст в один столбец, по 24 строки на листе, размер текста

---

² Beszerzési napló, 1956. 16. szám. Ideje: I.18. Beszerzés módja: Sulica Szilárdnétől vétel 400 forintért. Meghatározása: A vízjegyek alapján a 16. sz. első felére tehető, amit az írás is igazolni látszik. Egy bejegyzés szerint 1719-ben cserélt gazdát. Az első táblán is van román szöveg, az említett bejegyzésen kívül. Régi erdélyi kéziratnak tekinthető. 290 x 200 mm. Alíírás: Belia György.

23 x 13 см, высота букв 3-4 мм, но прописные буквы достигают 23, даже 35 мм /напр., л. 76а/. Письмо до 81 л. прямое, с 82 л. до конца с небольшим наклоном вправо. Заголовки, инициалы, номера зачал и уставные указания дней, когда читается то или иное чтение, написаны на полях киноварью.

Записи разного рода. На первой и задней доске церковнославянская и румынская записи; церковнославянская запись — это стихирарь и песни, румынский текст тоже имеет церковный характер. Более интересна для нас запись, начинающаяся на л. 14а под текстом и продолжающаяся на последующих листах, которая из 1719 г. сообщает о покупке изучаемой нами книги у владельца, и дает точное определение этой книги, называя ее Апостолом. Текст написан по-румынски славянскими буквами:

л. 14а + Вѣль: • ѡуѡг: 9^м ке апосто^п : ѡ
ламъ кѡпърать шарекъ. —
мѣнь + шарекъ лауцапо

л. 14б + дела грѣка гаврилъ +

л. 15а + ши милаѣ да мне
 шиѡчорило^о +

л. 15б + шине полоръ сѣн^п потъ +

л. 16а + гурнѣ : пезице песьмѣце |
 шичине ва цѣла съ торне сѣне: аѡуристъ +

л. 17а + де . ли: ѡтець дн некна + |
 помни гѣ днѣ рабѣчвеселие

л. 18а веселие : гаврилъ.: Бдрилъ:

то досие михаѡ михѣнлъ.

ѡ Подчеркнутые строки несколько раз зачеркнуты той же рукой, написавшей эту запись, но текст хорошо читается.

Для нас в этой записи самое важное то, что из нее мы получаем точное определение рукописи: она не "Служебник, написанный на старославянском языке", как читается в каталоге Библиотеки, а так называемый "Апостол", содержащий деяния и послания первых исследователей-апостолов Иисуса Христа ³. На потребность точного определения содержания рукописи обращает наше внимание и листочек, находящийся в рукописи на стр. 12 /наверно, его вложил сюда определитель-сотрудник библиотеки при внесении рукописи в Журнал приобретений/.

При тщательном просмотре рукописей мы установили еще следующие записи, указывающие на некоторых листах на точное местонахождение определенного текста /эти записи сделаны на несколько веков позже, написания рукописи также на румынском языке/:

+ сан'а†

- л. 116. каоуть ли ^{ста} кд
- л. 126. каоуть ^фкало̃ .а. зачѣ
- л. 186. каоуть листъ ^ѳ
- л. 266. каоуть листъ лѣ
- л. 346. + каоуть ли ^слъ. ^{5†}

В самом тексте рукописи знак + обращает внимание на ищемое место /"каоуть" = "ищи"/.

Текст в рукописи определяется следующим образом:

- л. 3а-3б. сказаніе дѣян'іа аплских и съ/писано лѣкоѣ іеѣ листом полѣтъ мно/зѣ стрѣти гнѣ

³ См. "Терминологический словарь" в книге Н.Н. Розова: Книга Древней Руси, Изд. "Книга", Москва, 1977, стр. 158.

- л. 13а-60а. дѣяніе стѣх аплѣ съписано стѣм апло іе листом
лѣ кох
- л. 60а-60б. сказаніе іаковлѣ съборнаго посланія
- л. 60б-64а. съборное посланіе прѣвое іаковлѣ
- л. 64а-64б. сказаніе съборное посланіа прѣвому петрову
- л. 65а-70б. стое апла петра посланіе съборное прѣвое
- л. 70б-70а. сказаніе петрову второму посла/нѣ съборному
- л. 71а-75б. тоже апла петра посланіе въ/торое съборное
- л. 75а-76а. сказаніе іѡнову посланіа /прѣвому
- л. 76а-81а. стго апла іѡанна съборное/посланіе прѣвое
- л. 81б. сказаніе іѡаннова посланіа вто
- л. 81б. стго іѡанна бгослова съборное по/сланіе второе
- л. 82б. сказаніе іѡанна бгослова третіаго посла
- л. 82б-83а. стго іѡбосло посланіе съборное третіе
- л. 83а-83б. сказаніе іѡлі нѣ съборному посланію
- л. 83б-85а. съборное посланіе іѡдино гла ѡз
- л. 85а-86б. сказаніе иже кримлѣ нѣ посланіа /стго апла павла
- л. 86б-104б. стго апла павла посланіе кримлѣ/нт гла од
- л. 104б-105б. сказаніе еже къ корифѣм прѣваго/посланія
- л. 105б-122б. къ корифѣм нѣ посланіе стго апла павла
- л. 122б-123а. сказаніе къ коринфо второму посланію/стго апла
павла
- л. 123б-133б. къ корифѣм второе посланіе стго апла павла
- л. 133б-134а. сказаніе иже кгалато посланію стго апла
- л. 134а-140а. к галатомъ посланіе стго апла павла
- л. 140а-145б. къ ефесе посланіе стго апла павла
- л. 146а-150а. к филиппи сѣм посланіе стго апла павла
- л. 150а-150б. сказаніе каласайскому посланію

- л. 1506-1546. к" колосаеъ посланіе стго апла пав"ла
- л. 1546-155а. сказаніе * солунѣно посланію пръвому
- л. 155а-1586. к" солунѣно посланіе стго апла пав"ла
- л. 1586-159а. сказаніе второму посланію и късолунѣномъ /стго апла павла
- л. 1596-161а. късолунѣно посланіе стго апла павла
- л. 1616-166а. кѣтимовѣ посланіе стго апла павла
- л. 166а-1666. сказаніе * кѣтимоу второму посланію /стго апла павла
- л. 1666-170а. кѣтимоу второе посланіе стго апла пав"ла
- л. 170а. сказаніе * кѣтитѣ посланіе стго апла пав"ла
- л. 1706-1726. кѣтитѣ посланіе стго апла пав"ла
- л. 1726-1736. килимонѣ посланіе стго апла пав"ла
- л. 1736. сказаніе еѣрѣискомѣ посланію стго апла пав"ла
- л. 174а-1866. къевреѣ посланіе стго апла пав"ла
- л. 187а-1976. сказаніе известно иже по всѣ дни/
глава дѣаніа аплѣ в не пахы
- л. 1976-205а. събони вѣ тимѣ мѣомѣ сказѣ
- л. 2056-206а. ѡ каѣ став"шимъ апломъ іевѣл"амъ/
непра емы с ѣ
- л. 207а. и на задней доске кирилловское письмо более позд-
него времени, не принадлежащее непосредственно к
рукописи /оно содержит церковные песни и стихи -
рарь/.

Палеографическое описание

Рукопись написана младшим полууставом, часто употребляется обозначение ударения и придыхания. Над строками встречаются много разных знаков, иногда едва заметных: точки, черточки. Титлы встречаются разного рода: простые: дхоу и буквенные: сх 3а, н : свмн 71а и пр., буквы особенно часто пишутся над строкой в окончаниях слов: възрб 47а, в'люде 4а, бхдб 5а, члкм 5а и пр. Часто наблюдаются две или три вариации для обозначения одного звука, и довольно часто эти вариации употребляются параллельно в одной строке, например, въ кхпб ~ въкоупб 16б, любимь ~ недбдй 78б. Употребляется и т. наз. "очное о", очий 54б, очима нашима 76а. В заглавиях употребляется вязь. Прописные буквы часто имеют квадратную форму, иногда конечная часть прописных букв заканчивается хвостиком, выходящим из кружка. Эти полные кружки чаще всего употребляются в середине прописных букв. Прописные буквы написаны киноварью. Скорописное начертание имеет только буква а вроде греческой альфы с сильно продолженными росчерками вверх и вниз, она в большинстве случаев в конце строки: апл'ска / ми 4а, тогда / ше 5а, вънег'дх 12а и реже внутри строки: посл'н'ф 60а; или н : немог / е 21а. Впрочем, скорописные начертания вообще попадаются очень редко.

В памятнике употребляются следующие буквы:

- а: апл'ска 3а, нарицаютсх 3а, аъ 20а, 20б и пр., чюдеса 4а;
 Б: Братъ 3а, бБласт и 4а, бБо 5а, 14а и пр.;
 В: въ несесх 3а, нава / сх 8а, врбмх 8а;
 Г: книгы 3а, гъ 3а, съл'гат и 4а, Грипацрь 52б;
 Д: андрей 3а, родм 3а, егда 8а, едино / дшнь 12а;
 Е: его 3а, пеъ 3а, себе 8а;
 Ж: же 3а, оживит и 8а, хожааше 3а;

- Ѕ : кн^ас^а 8а, мно^ѣ же 10б, при^сри 12а, с^ѣло 82а, с'кво^ѣ ъ 42а;
 3 : из^ѣше 4а, из^ѣбран'е павлово 3а, зел^ѣх 12а, помаз^ѣа 12а;
 И : пиш^ѣе 3а, оумыслив^ѣь 7б, пристефан^ѣъ 33а;
 | : д^ѣбан'а 3а, пролит'и 3а, |аковъ 3а, |оуды 3а;
 К : канан^ѣъ 3а, како 3а, рекъ 8а;
 Л : ел'ма 3а, павлово 3а, начал'ника 5а, дивл^ѣх^ѣже с^ѣа 15а;
 М : седьмъ 3а, р^ѣцими 4а;
 средняя часть буквы часто уходит под строку: ѿно^ѣм^ѣъ 75б;
 И: симонъ 3а, въ|пеит'ѣ 3а, ногами 4а;
 О : д'ак^ѣо 3а, положи 4а, соломони 4б, в^ѣр^ѣу^ѣхом^ѣъ 32а;
 Ѡ : ма^ѣдеш^ѣвоу 3а, |ѡаннъ 3а, Ѡнаже 4а, въ|антих^ѣи^ѣх^ѣ 33а;
 П : пачеже 3а, пиш^ѣе 3а, почто 4а;
 Р : из^ѣбран'е 3а, пр^ѣе ногама 4а, арх'ере^ѣ 5а;
 С : с^ѣтвориша 3а, стра^ѣх^ѣ велик^ѣь 4а /2х/;
 Т : млт^ѣвох^ѣ 3а, сата|на 4а, течен'е 20а;
 : почто 4а, напос^ѣт^ѣел^ѣа 4б, нача^ѣ 13а, п^ѣа 4а;
 ОУ : оустроениже 3а, слоугы 4б, с^ѣроук^ѣъ 34а, въ'оуды 4а;
 Ү : ор^ѣмни^ѣъ 4а, в^ѣр^ѣу^ѣю^ѣще 4б, въ.исти|ни^ѣъ 3а;
 Ү : |ѣда 3а, Үм^ѣжа 4а, Үбо 5а, 6а и пр., по^ѣх^ѣ м^ѣрып^ѣв'и 7а;
 Ҳ : с^ѣх^ѣ 3а, л^ѣх^ѣка 3а, х^ѣт^ѣрост^ѣи^ѣх^ѣ 3а, Ҳноша 4а, 15а и пр.
 Х : вар^ѣхоломен^ѣ 3а, архиерей^ѣ 5а, хо^ѣжааше 3а;
 Ц : нарицаютс^ѣа 3а, р^ѣцими 4а, ц^ѣрк^ѣви 4а;
 Ч : никогда не имеет чашечную форму: врачъ 3а, ч^ѣюдеса 3а, 4а, па-
 че 3а, часть 4а, въ|жел'чъ 11а;
 Ш : быв^ѣше 3а, с^ѣб^ѣрашас^ѣа 12а;
 Щ : а^ѣфе 4а, слыш^ѣафис'а 4а, с^ѣп^ѣиникъ 5а, хо^ѣфеш^ѣи 8а;
 Ъ : с^ѣеди|н^ѣъ 3а-3б, в^ѣсьи 4а, в^ѣд^ѣни 4а, с^ѣл^ѣомо 7а;
 Ы : быв'ше 3а, реком^ѣы 3а, мытаръ 3а, изынде 14а;

- Ѣ : седѣмь 3а, имѣ 5б, бѣ^ѣчѣ^ѣпѣ 6а, чѣспивыдѣжены 21б;
 Ѥ : дѣ^ѣнѣ 3а, бѣ^ѣхѣ 4а, нѣ^ѣкоуѣ 4а, повѣ^ѣдагѣни 3а;
 Ю : нарицаютсѣ 3а, вѣ^ѣлюде 4а, зѣ^ѣключенѣ 5а;
 Іа : іаковѣ 3а, іа^ѣвѣ^ѣсѣ 8а, сто^ѣгѣ^ѣца 10а, съ^ѣязыки 12а, іа^ѣсте
 13б, іа^ѣко 4а;
 Ѵ : ѳилиппѣ 3а, алѳѣ^ѣевѣ 3а, ѳѣ^ѣрашѣ^ѣиѣ 7б;
 Ѳ : Ѳома 3а, ма^ѣрѣ 3а, іѳ^ѣсифѣ 7б, ѳѣ^ѣрѣ^ѣцѣ^ѣлѣ 13а;
 Ѹ : вѣ^ѣлѣ^ѣмѣ 20б, Ѹ^ѣлѣ^ѣ 200б/3 раза/, 201б и пр.
 Ѻ : ѳилиѣ^ѣ 58а /2 раза/;
 А : на^ѣвѣ^ѣсѣ 3а, предѣ^ѣтелѣ 3а, ѣ^ѣѣ 4а, при^ѣлѣ^ѣплѣ^ѣтисѣ 4б, вѣ^ѣрѣ^ѣмѣ 8а,
 обидѣ 8а;
 У : еѣ^ѣлѣ^ѣсть 3а, іеѣ^ѣлѣ^ѣе 43а, 75а, моѣ^ѣси 8а /2 раза/, сѣ^ѣмонѣ 13б,
 еѣ^ѣпѣ^ѣспѣ^ѣѣи 8а, еѣ^ѣрѣ^ѣйскѣ 46а;

Наблюдаются следующие характерные написания:

- а/ лигатурное написание буквосочетаний тр: пеѣ^ѣрѣ 3а, пеѣ^ѣѣ^ѣ
 32а, пеѣ^ѣѣ^ѣа 34а, 70б, оу^ѣсмѣ^ѣ и^ѣпѣ^ѣе 6а;
 б/ разные вариации написания "очного о": око 108а, ѳѣ^ѣчнемѣ^ѣѣ^ѣ
 77а, очима 76а, ѳѣ^ѣкрѣ^ѣпѣ^ѣ ѣ^ѣже 51а;
 в/ особое написание йота на конце строки: архіѣ^ѣрѣ 5а, живѣ^ѣѣ 14а,
 нарицаѣ^ѣмѣ^ѣи 19а;
 д/ в последней строке низшая хвостообразная часть букв длинно
 /глубоко/ опускается под строку: дѣ^ѣѣ 5а, ходѣ^ѣ 10а, аѣ^ѣѣ^ѣ
 79а, іа^ѣко 70а, правѣ^ѣѣ^ѣѣ^ѣѣ^ѣ 78а, вѣ^ѣѣ^ѣѣ^ѣѣ^ѣѣ^ѣ 19а и пр.

Замечание: от 82 листа наблюдается написание рукописи другой рукой, начертание букв в основном остается, но наблюдается маленький на - клон букв вправо, прописные буквы становятся более угловатыми, ле-

вал часть букв ^ѣ и ^ѡ опускается почти к концу строки: видѣ^{ти} 83а, съблю, деннѣ^и 83б. Буква ^з иногда становится кругловатой: ^зазыкъ 83а. Угловатость наблюдается и в начертании буквы ^ф : днѡ^ипре^ф 83а.

Начиная с 82 листа чернила имеют другой цвет: ранее написанные части ярко-черного цвета, а буквы на листах, следующих за 82-ым, черно-коричневого цвета, разница в чернилах сразу бросается в глаза. /Здесь заметим также, что, начиная с 82 листа, появляется и другой водяной знак, остающийся характерным до конца памятника. Об этом подробнее позже!/.

Орфография рукописи, равно как и начертание букв, не противоречат датировке ее концом ХУ или началом ХУІ века. Для более подробного палеографического ознакомления с памятником предлагаем один лист памятника:

(Ѣа книги дѣанѣа аплѣка нарицаются ,
 елѣ аже дѣанѣа аплѣка съдрѣжа повѣ
 даѣа не дѣа еѣлнѣсть антиѡхнаиннѣбо
 сын родѡ. вѣрѣже хитростѣх хѡѣааше
 съапѣлѣ, пачеже съпавлѡ. нѣвѣдѣи вѣиѣсти
 ииѣ пише. повѣдаѣе же кѣкоагглѡ поиши
 вѣзнесетѣ. и бѣвѣше пролитѣи стѣгодхѣавѣ
 пентѣх наапѣлѣже. на вѣсѣ бѣвѣшаатѣх
 тогда. оустроѣниже маѣѣе ѡ во вѣи оудѣ
 мѣсто предателѣ. и оустроѣниже седѣмѣдѣиѣако
 и избранѣе павлово. иѣлика пострада. нели
 ка сътвориша чюдеса апѣли млтѣвоѣх и вѣброѣх

хвоѣ . апѣ же имена сѣси. симо рекомъ
 пеѣ и андреи братъ его. ѿаковъ. и ѿ аннь
 филиппъ. и вархоломеи. Аома и маѣей
 ѿ да ѿаковъ и маѣей причтеньси съеди /

л. 3а.

Наше короткое палеографическое наблюдение заканчиваем словами Е.Ф. Карского: "В виду сходства младшего полуустава XV-XVI ве - ков, точное определение таких рукописей, в случае отсутствия пря- мых или косвенных дат, довольно затруднительно. Палеографию в этом случае выручают водяные знаки на бумаге и отчасти орфография".⁴ Наше исследование водяных знаков на бумаге изучаемого памятника - в следующей части.

Описание водяных знаков памятника

В памятнике Fol. Esc. 81. 22. мы обнаружили следующие водя- ные знаки /по порядку их появления/:

- 1/ Тиара большой величины типа широкой формы.
- 2/ Бычья голова с большим крестом между рогами, вокруг крес- та обвилась змея. Змея пересекает стержень креста в пяти местах.
- 3/ Кружок среднего размера.
- 4/ Вепрь /свинья/ со щетиной маленького размера с двумя уси- ками.

⁴ Е.Ф. Карский: Славянская кирилловская палеография. Ленинград, 1928, стр. 174.

1/ Папская тиара большой величины широкой формы появляется первой в памятнике, на следующих листах: 8,9,10,11,12,18,26,31, 32,33,34,55,56,61,63,64,65,69,70,71,76,78,79,80,84,85,86. /См. Приложение I./. Этот водяной знак довольно легко отождествили со знаком № 1405 в книге Н.П. Лихачева⁵. У него этот водяной знак из рукописи, содержащей Сильвестра и Антония вопросы и ответы о разных Богословских предметах, написанной в 1512 г. /См. тот же знак у Ш. Брике № 4899 1490-1512 .⁶

2/ Самый большой интерес вызвал второй водяной знак памятника: бычья голова с большим крестом между рогами, вокруг креста обвивается змея, пересекающая стержень креста в пяти местах. Водяной знак находится на следующих листах: 21,23,25,36,37,39. /См. Приложение IIa и IIб/. Этот знак не является самым характерным водяным знаком нашего памятника, но все-таки дает очень ценные сведения: по общепринятому мнению он замечается с начала XIV века как простая бычья голова, которая становится постепенно всё сложнее и подробнее. Например, появляется крест между рогами с обвивающейся вокруг креста змеей. Именно в нашем памятнике змея пересекает стержень креста вместо обычного шести только в пяти местах. Наш знак очень похож на знаки Лихачева № 1223-1224 и Ш. Брике № 15281, показывающие почти ту же форму водяного знака с конца XV и начала XVI веков. К счастью, в области водяных знаков типа бычьей головы имеется более новая и современная книга Г. Пикарда⁷, кото-

⁵ Н.П. Лихачев: Палеографическое значение бумажных водяных знаков. С.-Петербург, 1899, т. II, стр. 96.

⁶ С.М. Briquet, Les filigranes, Dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907.

⁷ Die Ochsenkopfwasserzeichen, Bearbeitet von Gerhard Piccard, 1966, Verlag W.Kohlhammer, Stuttgart, Findbuch II. 1,2,3.

рая дала нам большую помощь в уточнении датировки этого водяного знака. Г. Пикард в своей книге по всем деталям установил типы бычьей головы. Обнаруженный нами в нашем памятнике водяной знак - во всем вышесказанным признакам - принадлежит к ХУІ-ому типу бычьей головы, и его нашли под № 155.⁸ Этот водяной знак по Г. Пикарду из Ковно /Kowno/ в 1523 г. Г. Пикард в своей книге во многих местах уточняет данные Ш. Брике, иногда их относит к более позднему времени. /Например, № 15366. Ш. Брике он переносит из 1473 г. в 1523 г.⁹/ Рисунок Г. Пикарда под № 155. почти полностью совпадает с характерными чертами нашего водяного знака /высота, расстояние между рогами и ушами, его положение на бумаге/. В подтверждение фактов, изложенных в книге Г. Пикарда, можно добавить, что его данные совпадают с данными Тромонина, датировавшего памятники с бычьей головой нашего типа 1521-ым годом /см. в новом издании его книги под № 363-364./¹⁰.

3/ Третий водяной знак "кружок среднего размера" вызывал много затруднений, он появляется только на некоторых листах: 44,45, 47,50,52,59. Для точной датировки этого знака в книгах Ш. Брике и Н.П. Лихачева имеется слишком мало сведений. Этот простой водяной знак /см. Приложение III./ мало изучен, и некоторыми специалистами считается только контрамаркой. Мы могли его отождествить толь-

⁸ Г. Пикард: ук. работа, II.3, стр. 758.

⁹ Г. Пикард: ук. работа, II.1, стр. 14.

¹⁰ Tromonin's Watermark Album a facsimile of the Moscow 1844, Edition with additional materials by S.A. Klepikov, The Paper Publications Society, Hilversum-Holland, MCMLXV.

ко со знаком Н.П. Лихачева под № 3026 /"знак из документа от 3 июля 1489 г., содержащего письмо адмирала Иоанна де Рогана к королю Карлу УIII."/ ¹¹. Обнаруженный нами водяной знак имеет такой же размер и расположен на бумаге почти таким же образом: он находится в середине понтюзо. В сборнике избранных трудов Ш. Брике ¹² мы нашли очень похожий на наш водяной знак и цитированный по книге Н.П. Лихачева знак 1490-ого года. Итак, третий водяной знак нашего памятника мы можем отнести к концу XV-ого века.

4/ Вепрь /свинья/ со щетиной маленького размера с двумя усами является самым частым и самым характерным водяным знаком нашего памятника. Он появляется с 88 листа до конца памятника без исключения не смешиваясь с другими водяными знаками /например, 88, 89, 92, 93, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 109, 110, 114, 115, 117, 120, 121, 122, 124, 126, 130, 131, 132, 136, 137, 139, 140 и др., всего 59 раз/. Его форма тоже не изменяется /см. Приложение IV./, но он может появляться на бумаге в перевернутом виде в зависимости от употребления той или иной стороны бумаги. Это водяной знак немецкой бумаги считается очень характерным знаком для документов, памятников, написанных в России в течение долгого времени с 1450 до 1605 г., и особенно характерным является именно для XVI-ого века ¹³. По нашим наблюдениям он отождествляется со знаком Ш. Брике № 13574 /1503 г./ или № 13575 /1512 г./, а знак Н.П. Лихачева

¹¹ Н.П. Лихачев: ук. работа, т. II, стр. 352.

¹² Briquet's Opuscula, The complet works of dr. C.M. Briquet, The paper Publications Society, Hilversum-Holland, MCMLV, p. 191.

¹³ Animals in Watermarks by Don Francisco de Pofarull Y Sans, The Paper Publications Society, Hilversum-Holland, MCMLIX, p. 26-27.

/№ 3295/ немного более позднего времени /1554 г./.

Об употреблении бумаги с этим знаком мы должны добавить, что водяной знак с изображением вепря /свиньи/ появляется в той части памятника, которая по палеографическим наблюдениям должна была быть написана другой рукой позже /начиная с листа 82 до конца памятника/, чем первая часть от начала до 81 листа/. Именно этот факт подтверждает и пополняет факты палеографические: в первой части памятника, написанной одной рукой, на бумаге наблюдаются водяные знаки, указывающие на более ранние десятилетия XVI века, а вторая часть должна была писаться на бумаге с четвертым водяным знаком более поздно, приблизительно в середине века.

Наши наблюдения в области водяных знаков изучаемого памятника можно подытожить следующим образом:

<u>водяной знак</u>	<u>приблизительное время</u>	<u>более точное</u> <u>/отождествленное</u> <u>время/</u>
папская тиара	конец XV в. - начало XVI в.	1512 г.
бычья голова	с начала XIV в. - до конца XVI в.	1521-1523 гг.
кружок	конец XV в.	около 1490 г.
вепрь /свинья/	1450-1605 гг./XV- XVII вв./.	1503/12-1554гг.

По наблюдению палеографов и специалистов по палеографии и водяным знакам бумага могла пролежать у владельцев 5-20 лет. По мнению В.Н. Щепкина¹⁴, к установленным последним годам употребле-

¹⁴ В.Н. Щепкин: Русская палеография, Москва, 1967, стр. 98-100.

ния водяных знаков надо добавить еще 15 лет, чтобы мы получили приблизительно точную дату написания /т.е. употребления бумаги/ памятника. Это у нас будет /1523 г. + 15 лет = 1538 г./ около сороковых годов XVI в., или конец первой половины XVI в. По нашим наблюдениям эта датировка не противоречит палеографическим данным и подтверждает вышесказанное о написании памятника в течение двух периодов /81 лист в начале старше на несколько десятилетий последующих листов/.

Осторожность в датировке с помощью водяных знаков предполагается особенно тогда, если в памятнике наблюдается не один, а несколько водяных знаков. Е.Ф. Карский занимается водяными знаками не только в своей знаменитой книге по русской палеографии, но и в своей практической исследовательской работе, показывая пример для их изучения и использования в целях полного описания и датировки памятника. Например, при изучении "Западнорусского сборника XV в. Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге. О.І. № 391" он пишет следующее: "Вследствие указанного обстоятельства /т.е. отсутствия точной датировки памятника - Э.Х./ век написания рукописи приходится определять по бумаге и почерку. На бумаге, при рассмотрении ее на свет, виден водяной знак изображающий бычачью голову с возвышающейся звездой, над которой еще виднеется крест. Это филигрань немецкой бумаги XV века. Что касается почерка, то он представляет собой мелкий западнорусский, причем, как в югославянском письме преобладают тонкие очертания. Форма букв также не

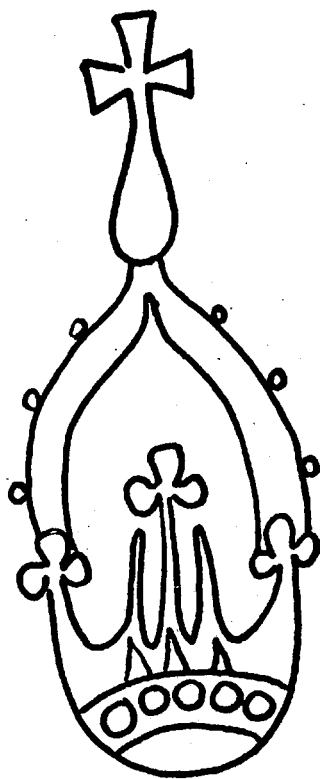
препятствует относить рукопись к XV в." ¹⁵. Наличие лишь одного водяного знака с бычьей головой позволило отнести рукопись к концу XV в., а у нас появление других водяных знаков /т.е. употребление разной бумаги/ потребовало более тщательного и комплексного подхода к датировке памятника.

Мы надеемся, что наши наблюдения, сделанные над палеографией и в области водяных знаков памятника Fol.Eccl.Slav.22. Гос. библиотеки им. Сечени подтвердятся и языковым анализом /описанием/ изученного нами памятника.

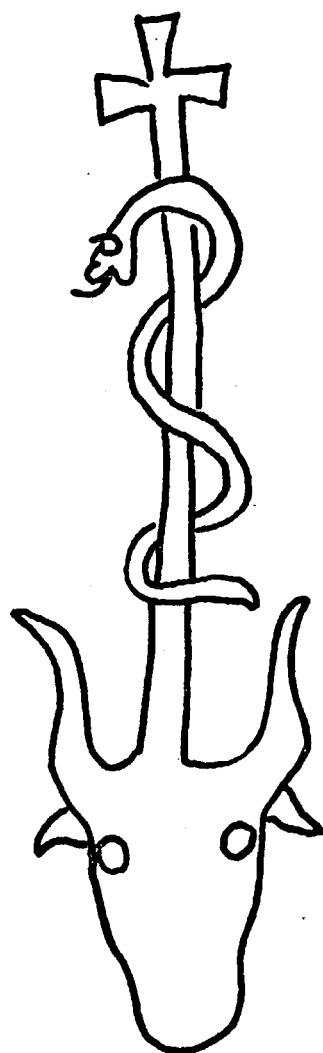
---

¹⁵ Е.Ф. Карский: Западнорусский сборник XV в. Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге. О.1.№ 391, в книге Труды по белорусскому языку и другим славянским языкам. Изд. Академии Наук СССР, Москва, 1962, стр. 264.

Приложение I.

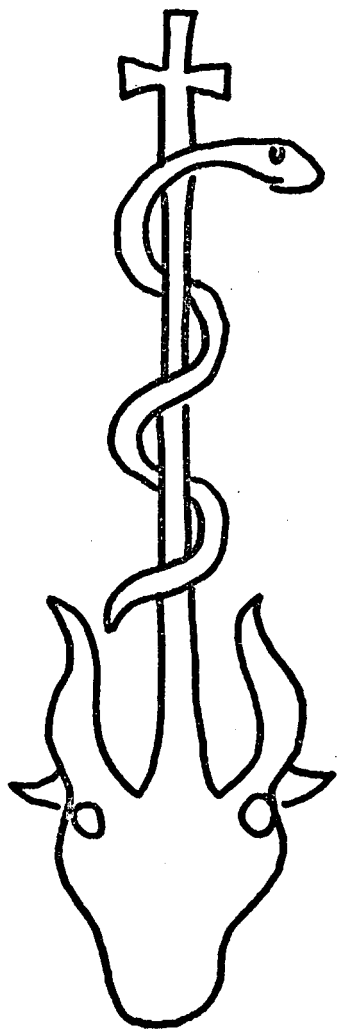

Приложение II а.

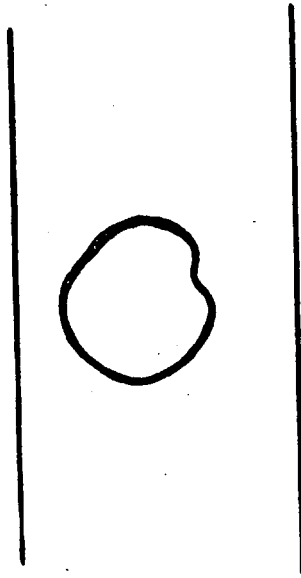

Приложение 116.

Приложение III.

ΠΡΟΣ ΤΟΝ ΑΓΓΕΛΟΝ ΤΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣ ΤΗΣ
 ΣΕΒΑΣΤΗΣ ΠΟΛΕΩΣ

[illegible]

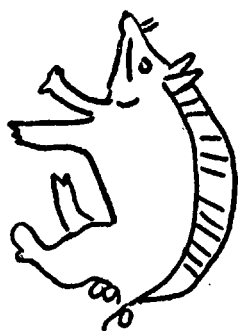
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

[illegible]

VUJWUWUKLZINWZOKTZYU

[illegible]

Приложение IV.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

/На материале поэзии Сергея Есенина/

М. Павловская

Церковная культура, церковнославянский язык оказали немалое влияние на творчество почти всех без исключения русских поэтов. Это влияние приспособлялось к индивидуальным свойствам поэтики данного автора, становясь одним из стилеобразующих средств. Влияние это может выступать в разных плоскостях; начиная с лексики до самого образного строя.

Изучение лексического состава поэтического языка какого-либо поэта, в том числе изучение церковнославянизмов в его поэзии имеет значение не только для изучения поэтики и языка одного поэта, но и для изучения влияния церковнославянского языка на русский литературный язык, и взаимоотношения поэтического и литературного языков.

Есенин, будучи поэтом крестьянского происхождения, с раннего детства впитал в себя две сильные тенденции, коренящиеся в русском народе с древних времен. Это – с одной стороны влияние русской православной церкви, ее культуры, искусства, образов, обрядов, языка, а с другой стороны – влияние русского язычества, его мифологических образов, обрядов, воззрений. Эти две тенденции находятся в сложнейших взаимоотношениях между собой. О них мы узнаем от самого поэта. Из его автобиографий, предисловий к изданиям, писем, теоретических работ, набросков получаем представление о религиозном воспитании в семье, о воззрениях, суевериях окружающих крестьян и о воспитании в Спас-Клепиковской церковно-учительской школе, где поэт изучил и церковносла-

вянский язык. В этой школе Есенин получил прекрасное знание русского и церковнославянского языков и литературы. Уже в этот период определился круг его интересов, которые оставили свой отпечаток на образном строе и языке стихотворений поэта.

В настоящей работе мы хотим дать краткий обзор церковнославянских элементов, встречающихся в поэтических произведениях Есенина. Рассмотренный нами материал охватывает все поэтические произведения Есенина I-IV тома по Собранию сочинений в шести томах¹.

При анализе словарного состава стихотворений Есенина, в том числе определении церковнославянских элементов мы должны учитывать и формальный и смысловой аспекты.

В стихотворениях Есенина в круг церковнославянских элементов мы включаем: 1. элементы, которые являются явно церковнославянизмами по языковым признакам /звуковому оформлению или по сфере употребления и т.д./; 2. элементы, которые своим значением воспроизводят понятия, связанные с церковью; однако эти слова являются элементами современного русского литературного языка и принадлежат к сфере стилистически нейтральных слов. В виду того, что эти элементы претерпели определенные смысловые преобразования под влиянием поэтического контекста, тоже причисляются нами условно к церковнославянизмам. Кроме перечисленных лексических элементов мы коснемся древнерусских слов, которые связаны с церковнославянизмами через категорию архаичности. Галкина-Федорук в своей монографии "О стиле поэзии Сергея Есенина"² эти элементы

¹ Есенин С.А. Собрание сочинений в шести томах. М., 1977-1980 гг.

² Галкина-Федорук Е.М.: О стиле поэзии Сергея Есенина. Изд-во Московского университета, 1965.

выделяет в отдельный разряд.

В дальнейшем мы пытаемся дать перечень этих "церковнославянизмов" сначала по семантико-тематическим группам, а потом по различным языковым признакам.

На основе первого признака к первой группе относим 1.1. названия предметов, связанных с церковью, как например, здание церкви, ее внутреннее убранство, разные предметы религиозного культа и церковная утварь, название священников и вообще лиц, причастных к церкви или же к религии, одежда священников, разные понятия, имеющие отношение к литургии, вере, или же к Библии, названия церковных праздников и т.д.: алтарь, аналой, ангел, апостол, бдение, везверие, благовест, благовонье, благодать, бог, богомолец, богомолка, богородица, божество, божница, вера, вериги, вечерня возгласенье, воскресенье, врата, всенощная, вышние, глава, глагол, господь, грех, дева, дьявол, дьяк, дьякон, ектенья, елей, епитрахиль, завет /третий/, звонница, зиждитель, извечье, икона, инок, исповедь, исцеленье, исчаведье ада, кадило, канон, келейка, келья, колокол,, колокольня, костел, крест, крещение, купель, купина /неопалимая/, купол, ладан, лампада, ливан, лик, лития, ловец, люд, мати, милость, мирянин, молебен, молебствие, молитва, молитвенник, монастырь, монах, монашка, мощи, мощь, мрежа, мученик, неверие, обедня, образ, /овечьи/ ясли, оклад, орарь, панихида, пантократор, паперть, пастырь, Пасха, плат, подаенье, подворье, покой, покров, помин, поминанье, поп, послушник, прах, предтеча, преображение, преполовенье, приснодева, притча, пришествие пророк, просфора, псалом, псаломщик, псалтырь, раб /божий/, радуница, рай, рать, рачитель, риза, рождество, ряса, светильник,

свеча, свечка, святыня, скуфье, слава, слуга /богов/, Спас, Спаситель, спасение, старец, странник, странница, суд. схи́ма, схимник, тайна, твердь, треба, тропарь, упование, усопший, ученик, херувим, хоругвь, храм, христианин, царствие, церквушка, церковь, часовня, часослов, чернец, чертог, четки, чудо, чудотворец;

2. действия, происходящие во время богослужения, или же связанные с жизнью верующих, или же воспроизводящие библейские события: благословить, верить, веровать, вздымать, взывать воздетый /воздетый/, возводить, возговорить, воздвигнуть, воззреть, возлагать, воспринять, воспринувший /воспринуть/, восславить, вострубить, голгофить, закадить, зиждить, исповедоваться, кадить, кануть, каяться, креститься, молвить, молиться, озираться, опочить, подъятие /божьих рук/, побожиться, пожри /от ц.сл. жрѣти/, поминать, помолиться, помянуть, поправший /поправить/, почивать, преображенный /преобразить/, причащаться, распятый /распять/, святиться, славить, узреть, устрашиться, хвалить;

3. прилагательные, выражающие отношение к разным сферам церковной жизни и связанным с ней понятиям;

аллилуйный, ангельский, благой, благословенный, благостный, богов, богомольный, богородицын, божий, божничный, венчальный, возлюбленный, господний, грешный, двуперстный /крест/, елейный, заутренний, иконный, искушаемый, кадильный, монастырский, монашеский, монаший, насудный, панихидный, поминальный, православный, пречистый, приходской, райский, раскованный, святой, троицын/о/ /утро/, церковный, Чисточетверговый /--ая//свечка/, чудотворный;

4. сюда же присоединяются имена собственные, прежде всего названия библейских персонажей и мест;

Авраам, Андрей /апостол/, Антихрист, Вавилонский, Виельзевул, Дамаскин, Египет, Йорданская голубица, Егудиил, Езекиильский /глас/, Елеон, Иеремия, Израмистил, Индикоплов, Иоанн, Иордан, Ирод, Исайя, Исус, Иуда, Лот, Маврикийский дуб, Маврикия, Мария, Магдалина, Миколай, Исус-/младенец/, Назарет, Олипий, Петр, Пилат, Радонез, Саваоф, Саломея, Сатана, Симеон, Симон, Сион, Содом, Христос.

На этом же месте следует указать на названия двух книг, оказавших явный отпечаток на творчество Есенина: Библия и Голубиная книга.

В связи с упоминанием поэтом произведения древнерусской литературы "Голубиная книга" сделаем небольшое отступление. О связи поэзии Есенина с образами древнерусской литературы, и о влиянии на его стихотворения не только некоторых исторических событий Древней Руси, воспетых им в произведениях Песнь о Евпатии Коловрате, Марфа Посадница, Егорий, Ус, Пугачев, но и определенных литературных источников, таких как апокрифы, легенды, духовные стихи, загадки, былины, исторические песни, и, конечно, Слово о полку Игореве, а также и другие произведения, как например, Задонщина, Повесть о разорении Батыем Рязани. Вследствие этих традиций в стихотворениях Есенина мы находим немало типично древнерусских слов: вече, ладья, острог, светлица, хоромы и т.д. /Вопрос об этих корнях поэзии Есенина разработан многими исследователями творчества Есенина /Кедров, Двинников и др./. Кроме перечисленных традиций и произведений древнерусской литературы нельзя не отметить значения для творчества Есенина одного малоизвестного произведения

"Стиха о Голубиной книге" со столь типичным своим переходным - от религиозной к апокрифической литературе - характером. Именно это сосуществование христианского и языческого начал лежит в основе поэтики Есенина. Об этом /т.е. о влиянии Голубиной книги/ свидетельствует не только прямое высказывание самого поэта в трактате "Ключи Марии", но и образный строй его стихотворений. Для иллюстрации этого положения приведем краткое описание "Голубиной книги": " -- вероятно "глубинная", содержащая глубину премудрости, так как в ней решаются космогонические вопросы о происхождении мира и объясняются различные явления из жизни природы. Название "Глубина" не редко давалось Псалтыри. Будучи первоначально дозволенной, эта "Глубина" или "Голубиная" книга в XII-ом веке переходит явно в число книг, запрещенных, или так называемых апокрифических" ³. Она известна в нескольких вариантах, некоторые исследователи составление этого стиха относят к XV-XVI вв.

Продолжая начатый нами лексический разбор, необходимо упомянуть примыкающие сюда выражения, звучащие, в ходе богослужения, названия песен и прямые цитаты из церковных книг; аллилуя, аминь, "радуйтесь", "хвалите", Иисус Назарянин Царь Иудейский, "Помяни мою молитву", "Достойно есть", "Отче", "Символ веры", "Раб усопших, господи, помилуй", "Осанна в вышних!", Или, лама савахфаны", "Спаси, господи, люди твоя", "Слава в вышних богу И на земле мир!".

Конечно, все эти фразы претерпевают смысловое преобразование в стихотворном контексте. Для иллюстрации приведем пример,

---

³ Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1913, т. I, стр. 658-659.

в котором первая строка обычный речевой оборот литургии, а вторая как бы вдруг переносит нас в земледельческий быт:

"Еще молимся, братья, о вере,
Чтобы бог нам поля оросил". I.99.

А в поэме "Октоих" эпиграф взят из настоящего церковного октоиха, причем малоизвестного:

"Гласом моим
Пожру тя, господи". II.35.

Ко второй группе мы отнесли "явно церковнославянизмы". Они характеризуются сохранением типичных для старославянского языка звуко сочетаний:

бразда, брег, власа, власозвездный, врата, глава, глад, глас, гленище, град, длань, древо, дочь, здравье, златить, златиться, златной, злато, злакоклый, златоколенный, златоструйный, златотканый, златохвойный, златящийся, злачений, злачный, озлативить, озлащать, среброзлачный, кладезь /колодезь/, младеице, млaddenь, млadoй, мрежа, Новгород, новогрaдский, нощь, певущий, плат, прах, пред, хладеть, хладный, чрез.

Однако, в поэмах, воспроизводящих исторические события Древней Руси, выступают полногласные формы: ворог, полон, полонить, полоняник, хоробрый.

Часто употребление приставок воз-, вз- создает возвышенную атмосферу в стихах: воздетый, возводить, возгласение, возгово- рить, возгремень, воздвигнуть, воззреть, возлагать, взлететь, возлюбленный, воспрять, воспрянувший, восславить, вострубить.

Другой известный способ образования церковнославянизмов - создание слов с начальным благо-: благовест, благовонье, благо-

дать, благой, благославенный, благославить, благостный.

Особый разряд церковнославянизмов представляют собой слова, имеющие синонимы-дублиеты в литературном языке. Они отличаются друг от друга лишь сферой употребления: вежды, ведать, вяя, глагол, грядущий, длань, днесь, зиждитель, зиждить, зреть, извече, испоконный, исцеленье, лик, лобзать, люд, мздоимец, ниц, опочить, очи, волооский, персты /двуперстный/, пестовать, покой, рачитель, сей, уста, упование.

Архаический колорит создают некоторые, сохранившие церковнославянские морфологические признаки слова:

склонение существительных: письма, други;

краткая форма личного местоимения: тя;

употребление звательных форм: "Господи Исусе", боже, боже, Ой, Виельзевуле, Миколае-чудотворче, отче, господи, царю, Симоне, Савофе, Сионе.

Среди перечисленных элементов и в первой и во второй группах немало слов, образованных Есениным на основе словообразовательных моделей церковнославянского языка, но анализ этих новообразований явится предметом отдельной статьи.

На основе анализа лексического состава стихотворений Есенина можно различить три периода его творчества. С точки зрения влияния церковнославянского языка являются важными два периода. Первый – это период до 1917 года, центральной темой которого является природа, наполненная религиозным и языческими образами. Второй период – это стремление постигнуть и истолковать революцию через осложненную библейскую символику в орнаментальных поэмах, в которых поэт в отличие от первого периода, резко сталкива-

ет церковнославянские и грубопросторечные элементы. А в стихотворениях третьего периода церковнославянизмов почти нет, и если они выступают, то выступают не как стилеобразующий элемент, а как элемент ритмико-мелодического строя.

В стихотворных произведениях Есенина количество церковнославянских элементов – в формальном и смысловом аспектах – свыше 900. Это число, если учесть, что в стихотворениях Есенина около 60.000 словоупотреблений, свидетельствует о значительном воздействии церковнославянского языка, образы которого прочно вошли в образный строй его поэзии.

К ВОПРОСУ О ТЕМЕ "ДВОЙНИЧЕСТВА" В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

В.В. Лепахин

Общепринятого, установившегося мнения о сущности темы двойничества, ее содержания и ее границах пока в литературоведении не существует. Одни авторы расширяют эту тему настолько, что она растворяется в других, теряя свою специфику, другие ее сужают, ограничивая либо социальным, либо психологическим критериями, третьи исследуют лишь частные случаи ее отражения в литературе.

В работе В. Шкловского о Достоевском есть глава "Двойники и о "Двойнике", где двойничество трактуется как прием, как "различного рода параллели, повторы, пересказы", как "закон сопоставления", и, естественно, этот закон оказывается "настолько широк, что его применения можно проследить почти в любом произведении".¹ Двойниками, по мнению В. Шкловского, являются, например, хозяин и его слуга /Дон Кихот и Санчо Панса/, все братья Карамазовы /а не только Иван и Черт, как это чаще всего понимается/, разбойники Шиллера из одноименной драмы. В качестве иллюстрации приводится также Евангелие, хотя "двойники" Христа /их с учетом апокрифов более пятидесяти/ возникли не в результате единого авторского замысла, а по причине механического объединения произведений разных авторов, руководствовавшихся неодинаковыми идейными соображениями. Такое расширенное толкование темы, сведение ее к приему, делает ее обнаружимой, пусть и с натяжками, но действительно в любом произведении, и не дает возможности

---

¹ В. Шкловский: Двойники и о "Двойнике". В кн. В.Шкловский, Собрание сочинений в трех томах. М., 1974, т. 3, стр. 186.

выявления специфики двойничества в ряду сходных тем и мотивов.

В книге "Смеховой мир" Древней Руси" Д.С. Лихачев связывает начало темы двойничества в русской литературе с "Повестью о Фоме и Ереме" и "Повестью о Горе-Злосчастии". Двойничество трактуется в тесной связи с темой "судьбы, роковой предопределенности жизни, преследования человека роком". Следует только отметить, обращает внимание другой автор, что "горе, которое "довело молодца во иноческий чин", не прирожденная "злая доля" героя: оно привязывается к нему как наказание, кара за похвальбу и за то, что он "родителей своих ... учения не слушает".²

В теме двойничества Д.С. Лихачевым выделяются первоначальный смеховой /Повесть о Фоме и Ереме/ и более поздний трагический /Повесть о Горе-Злосчастии/ варианты или "аспекты"; последний при этом увязывается с творчеством Гоголя, Достоевского, Андрея Белого³. Принимая это положение, хотелось бы отметить, что тема двойничества разрабатывалась в древнерусской литературе под влиянием и в тесной взаимосвязи с фольклором. Учет отражения темы двойничества в фольклоре способен значительно обогатить наши представления о ее вариантах, связывать же ее лишь с судьбой или роком или спецификой "смеховой культуры" значило бы суживать ее проявления. Но решение темы именно в этом ключе возможно и имеет самые древние корни. Например, исследователь древних мифологий Е.М. Мелетинский отмечает в большинстве из

² А.А. Назаревский: Повесть о Горе-Злосчастии. "Труды отдела древнерусской литературы", т. XXIV, М.-Л., 1969, стр.204.

³ Д.С. Лихачев. А.М. Панченко: "Смеховой мир" Древней Руси. Л., 1976, стр. 52.

них наличие у культурного героя демонического или комического двойника ⁴.

Определение темы двойничества затрудняется и неоднозначностью понятий, вкладываемых в сами слова "двойничество" и "двойник". Во-первых, двойник – это человек, который имеет полное или почти полное сходство с другим; во-вторых, это двойной или сдвоенный предмет. По отношению к человеку в литературе это находит свое отражение в образе крайне противоречивого героя, персонажа, основной чертой которого является двойственность характера, которая может проявляться в самых разных формах. Но кроме этих двух толкований, которые даются словарями Ожегова и Ушакова, Словарь церковно-славянского и русского языка, а также словарь Даля приводят еще одно значение слова, которое сохранилось за ним в языке, но выпало из поля зрения современных лексикографов: двойник – человек, представляющийся в одно время в разных лицах /"Двойник" Достоевского, "Нос" Гоголя/.

Таким образом, у слова двойник имеется три различных толкования. Опираясь на некоторые произведения древнерусской литературы, фольклора и отдельные произведения писателей XIX века и учитывая различные толкования термина-омонима "двойничество", попытаемся выделить несколько типов его и хотя бы приблизительно очертить, таким образом, границы темы. Этих типов, на наш взгляд, три: двойничество, возникающее по типу 1/у-двоения, 2/ с-двоения, 3/ раз-двоения. Наиболее древним, видимо, следует

---

⁴ Е.М. Мелетинский: Поэтика мифа. М., 1976, стр. 188-189, 193 и др.

считать тип у-двоения. Он образуется путем придания персонажу двойника, что характерно уже для многих мифологий и эпосов.

Тип "у-двоения" может характеризоваться различными способами образования двойничества. 1/ Двойничество, основанное на воплощении в персонифицированном образе двойника различного рода суеверных и мистических представлений. Например, герой и преследующий его как наказание рок /добрый молодец и Горе-Злосчастие/, а также герой и "нечистая" или "крестная" силы, которые предопределяют его судьбу, выступают карающей или охраняющей силой /ангел-хранитель/, что особенно характерно для фольклора. 2/ Двойничество, основанное на пародировании действия и слов главного героя /например, в народных пьесах XVI-XVIII веков "Барин и Афонька", "Мнимый барин" и др. Этот тип двойничества тесно связан с законом контраста, характерным для смеховых драматических произведений. Например, оксюморонное столкновение представлений может быть реализовано как в реплике одного персонажа, так и в репликах разных персонажей, разнимающих половины оксюморона⁵. 3/ Двойничество, основанное на противопоставлении персонажей, являющихся воплощением различных нравственных понятий, в частности, добра и зла, связанных с ними удачливости и невезения, силы и слабости, красоты и уродства /например, в фольклоре сопоставлены или противопоставлены два или иногда один старший брат умный и младший дурак, умная красивая падчерица и злая некрасивая дочь/.

Двойничество по типу "с-двоения" носит принципиально

---

⁵ А.Ф. Некрылова: Закон контраста в поэтике театра "Петрушка". "Русский фольклор", т. XIV, Л., 1974, стр. 217-218.

иной характер. Речь идет о совмещении в одном персонаже признаков различных существ и последовательной смене этих признаков, не приводящей, однако, к раздвоению персонажа. Можно привести такие примеры этого двойничества. 1/ Двойничество, как следствие надевания маски. Наиболее характерный пример – дурак в сказке и в народном театре. Д.С. Лихачев пишет по этому поводу: "Что такое древнерусский дурак? Это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм, показывающий свою наготу и наготу мира, – разоблачитель и разоблачающийся одновременно" ⁶. Таким образом, нередко глупость дурака является маской, маской тем более хитрой и не сразу распознаваемой, что рядом с дураком в фольклоре действует и его аналог без маски, который чаще фигурирует под названием "дурень" ⁷. 2/ Двойничество как оборотничество, когда герой может являться попеременно то животным, то человеком. Этот прием может использоваться для подчеркивания выдающихся качеств героя /сказка "Иван Быкович"/, изображаться как наказание герою /сказка "Царевна-лягушка"/, может надеваться как маска для проверки определенных качеств другого персонажа /сказка "Перышко Финиста ясна сокола"/. Сюда же можно отнести и балладу на общеславянский сюжет о дочке-пташке, выданной замуж на чужую сторону, которая, "скинувшись кукушечкой", прилетает в "бабушкин сад". Судьба баллады связана с утратой ее основной черты – ме-

⁶ Д.С. Лихачев, А.М. Панченко: Указ. соч., стр. 19.

⁷ См. например, "Про дурня". "Сборник Кирши Даниловой". М., 1977, стр. 202-207 или сказку "Набитый дурак". "Народные русские сказки. Из сборника А.Н. Афанасьева". М., 1977, стр. 294-295.

таморфозы дочери в птичку⁸. 3/ Двойничество, основанное на мотиве "Перемена пола" /по международной классификации/ или "Девушка-юноша". Это двойничество связано с переодеванием девушки в воина, монаха, студента, иногда заканчивающееся, например, по причине проклятия, действительной переменой пола⁹. В русском фольклоре наиболее яркий образ на эту тему Василиса Микулишна из былины "Про Ставра-боярина", одевающаяся татарским послом для спасения мужа и с честью выходящая из всех состязаний с мужчинами¹⁰.

Также особняком в этом типе двойничества стоит песня "Кто Травника не слышал", в которой двойничество предстает как одновременное параллельное изображение героя и как человека, и как птицы¹¹. Особенность этого произведения именно в неделимости героя на составляющих его человека и птицу. Как известно, тотемные мифы являются общим этапом в развитии большинства древнейших представлений о мире. При этом, как отмечает Е.М. Мелетинский, "тотемные предки предстают как существа с двойной зооантропоморфной природой"¹². Эта неделимость зооантропоморфного двойника в песне, возможно, является отголоском тех древних

⁸ И.И. Земцовский: Баллада о дочке-пташке. "Русский фольклор", т. VIII, М.-Л., 1963, стр. 144, 147.

⁹ Юлиан Кржижановский: Девушка-юноша. /К истории мотива "Перемена пола"/. "Русский фольклор", т. VIII, М.-Л., 1963, стр. 56.

¹⁰ Сборник Кирши Данилова, стр. 71-76.

¹¹ Там же, стр. 219-220.

¹² Е.М. Мелетинский: Указ. соч., стр. 178-179.

времен, также, как например, по мнению некоторых ученых, мотив выдачи замуж на чужую сторону в упоминавшейся балладе о дочке-пташке связан с древнейшим обычаем экзогамного брака.

Наконец, двойничество третьего типа, основанное на раздвоении персонажа. Оно может выражаться также разными способами. 1/ Двойничество, вызванное противопоставлением в сознании героя идеала и действительности, оно очень часто связано с мотивом сумасшествия героя /В. Одоевский: "Сильфида"/. 2/ Двойничество по линии хороших и дурных, имеющих и желаемых черт характера /Достоевский: "Двойник"/. 3/ Двойничество, связанное с персонификацией прошлой жизни, со столкновением новых и старых представлений о жизни и о себе /Достоевский. Иван и Черт в "Братьях Карамазовых", А. Блок: "Двойник" ¹³, ^x

Такого рода двойничество, психологическое, основанное на раздвоении личности персонажа, отсутствует в древнерусской литературе и фольклоре. И это естественно, так как средневековые представления о человеке основаны на психологической цельности его, на его неделимости.

К раздвоению персонажа не приводит даже отражение в нем религиозно-церковных представлений о противоречивости человеческой природы. В человеке соединены два начала: божественное и дьявольское, которые проявляются в борьбе духа и плоти, добра и зла и т.д. Но хотя это противоречие и имманентно присуще

¹³ Д. Максимов: Об одном стихотворении /"Двойник"/; в кн. Д. Максимов: Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, стр. 144-175.

^x Все многообразие мотивов внутри этого типа /как и двух предыдущих/ не исчерпывается, конечно, данными наиболее характерными примерами. В составленном автором списке писателей так или иначе разрабатываемых тему двойничества только в XIX - начале XX века значится более сорока имен. Очевидно, что учет всех вариаций на темы с-двоения и у-двоения в древнерусской литературе требует специальной работы.

человеку, в каждый данный момент им владеет какое-либо одно начало: хороший поступок совершает человек – литература трактует это как проявление божественного начала, плохой поступок – влияние "дьявольского соблазна". Это одна сторона трактовки древнерусской литературой христианского понимания человека с точки зрения его двойничества. Другая – состоит в том, что борьба ведется внутри человека, но не им самим, а двумя объективированными его сознанием силами, она порождена не его личностью, а навязана ему свыше, извне. Человек в этом смысле – марионетка, он – поле сражения, он играет преимущественно пассивную роль, он может только помочь одной из двух борющихся в нем сил, но часто даже и этого сделать не в силах. Произведения, основанные на подобном представлении о противоречивости человеческой натуры, нельзя отнести к типу раз-двоения. Это один из наиболее ярких примеров с-двоения, т.е. объединение в одном персонаже двух противоположных начал и их последовательная смена. На этом принципе в древнерусской литературе построены некоторые рассказы "Киевско-Печерского патерика".

Древнерусская литература создала лишь предпосылки психологической трактовки темы двойничества, которая нашла свое законченное выражение в русской литературе XIX века. При этом писатели XIX века используют и отдельные приемы трактовки темы двойничества и сами типы, характерные для древнерусской литературы, делают попытки синтеза всех типов. Писатель сначала сдвигает в личности персонажа противоположные духовные ценности. У персонажа, таким образом, появляется внутренний двойник, который живет внутри него не персонифицируясь. Затем двойничество персонажа может смениться его у-двоением, т.е. персонификацией части

сознания. Но, конечно, и у-двоение, и с-двоение в этом случае носит принципиально иной характер, чем в древнерусской литературе, т.к. двойник персонажа не навязывается ему извне, а является порождением его собственного сознания, что значительно расширяет сюжетные, художественные, идейные, особенно трагедийные и комические возможности разработки темы.

Принципиальные различия, существующие между различными типами двойничества, все же не мешают хотя бы приблизительно очертить границы, в пределах которых можно говорить о теме двойничества в художественной литературе и древнерусской литературе в частности. Главное, видимо, состоит в том, что о теме двойничества можно говорить лишь тогда, когда на ее основе формируется вся художественная структура произведения /или одной именно той его части, которая построена на двойничестве/, его идея, сюжет и даже жанр. Столкновение, борьба, постоянное трагическое или смеховое /иногда их синтез/, взаимодействие персонажа и его двойника /внешнего или внутреннего/ является стержнем, вокруг которого вращается все действие произведения. При такой трактовке темы двойничества Санчо Панса может рассматриваться двойником Дон Кихота лишь в формальном отношении при понимании двойничества, как приема, как "закона сопоставления", но собственно о теме двойничества в этом романе можно говорить в другом плане: как о внутреннем двойничестве Дон Кихота, одновременно безумца и мудреца. Такое определение темы двойничества, конечно, не может представляться окончательным, оно лишь дает некоторые критерии, не позволяющие теме раствориться в других и вместе с тем не позволяющие свести ее к какому-либо однозначно-

му пониманию, к частному случаю.

Особое место среди произведений древнерусской литературы, в которых нашла отражения тема двойничества, занимает "Повесть о Фоме и Ереме". Интересна она прежде всего генезисом темы по типу у-двоения. Д.С. Лихачев характеризует героев следующим образом: "Каждый из этих двойников совершает одно и то же, но действия их описаны в разных словах, они только чуть разнятся именно в "приметах", чуть различаются по внешнему выражению, но не по смыслу, который каждый раз один и тот же представляет собой "смеховой возврат" к самому себе" ¹⁴.

Фома является языковой тенью Еремы. Эта языковая тень создается за счет широкого использования оттеночных и экспрессивных синонимов:

У Еремы деревня, у Фомы село...
 На Ереме зипун, на Фоме кафтан.
 На Ереме шапка, на Фоме колпак...
 Ерема в мощну, Фома в калиту,
 У Еремы в мощне пусто, у Фомы ничего...
 Ерема кричит, Фома верещит...
 Ерему сыскали, Фому нашли... И т.п.

В тех случаях, когда синонимы подобрать трудно или они не существуют, используются другие приемы /они, кстати, единичны и почти все далее перечислены/ для создания семантического параллелизма: а/ называются одноименные предметы для действия:

У Еремы были гусли, у Фомы орган.
 Ерема за зайцы, Фома за лисицы.
 Ерема ушел в рожь, а Фома в ячмень...
 Ерема ушел, а Фома убежал... И т.п.

¹⁴ Д.С. Лихачев, А.М. Панченко: Указ. соч., стр. 51.

б/ называется часть и целое или целое и часть:

У Еремы клеть, у Фомы изба...

Ерема вошел в церковь, Фома в алтарь... и т.п.

в/ называются параллельные предметы:

Ерема встал на крылос, Фома на другой ¹⁵.

Здесь интересна прежде всего разработка формальной стороны темы. Для древнерусской литературы и фольклора характерно использование художественных повторов, художественных параллелизмов, построение "стилистической симметрии" /Д.С. Лихачев/. Все эти художественные приемы, стилистические фигуры в формальном отношении основаны на у-двоении языковой характеристики. Например, в "Азбуке о голом и небогатом человеке", где уже в самом названии двойной эпитет подчеркивает бедность человека, можно встретить следующие семантические построения: "Аз есмь голоден и холоден, и наг и бос...", "... а хожу я не етчи, спать ложуся не кушавши...", "Ферязи были у меня самые добрые рогозиные, а завяски мочалные..." ¹⁶. В фольклоре такие построения встречаются также очень часто, например, в причитаниях:

Ох-ти, мнешенько-тошнешенько,
Все прошло, все миновалось...
Хоть на мне красна красота,
Но не пристала не приладилась,
Не по-старому, не по-прежнему...

¹⁵ Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977, стр. 34,35,36.

¹⁶ Там же, стр. 26,29.

Также в народных песнях:

Охотнички рыщут, черна бобра ищут,
Хотят бобра бить, хотят застрелить... 17

В "Росписи о приданом" можно встретить строчки, как будто заимствованные из "Повести о Фоме и Ереме":

Жена в стол, а муж под стол,
Жена не ела, а муж не обедал 18.

Подобные примеры можно умножать без конца. Характерно, что такие семантические или синонимичные близнецы легко разваиваются на составляющие части и персонифицируются в подражание "Повести о Фоме и Ереме": Фома наг, Ерема бос; Фома не етчи, Ерема не кушавши; Фома по-старому, Ерема по-прежнему; Фома ищет, Ерема рыщет и т.д. Таким образом, стилистическая фигура, основанная на семантическом удвоении, легко разваивается на составляющие части, каждая из которых легко персонифицируется.

Персонификация элементов языковой практики как художественный прием не редкость в древнерусской литературе. Например, персонифицируется Горе-Злосчастье в известной повести:

И в тот час у быстрн реки
Скоча Горе из-за камени:
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано... 19

¹⁷ Русское народное поэтическое творчество. М., 1969, стр.115, 116,299.

¹⁸ Русская демократическая сатира ХУІІ века, стр. 98.

¹⁹ Демократическая поэзия ХУІІ века. М.-Л., 1962, стр. 38.

Неожиданно для читателя недуг жены купца Терентима персонифицируется в ее любовника:

...А недуг-ат непутем в окошко скочил,
Чуть головы не сломил,
На корачках ползает,
Едва от окна отполз.
Он оставил, недужишша,
Кафтан хрущатой камки,
Камзол баберековой,
А и денег пять сот рублей ²⁰.

Можно также назвать персонифицированные образы Судьбы, Правды и Кривды, Лиха Одноглазого в сказках. Особенно следует подчеркнуть персонификацию, выросшую на основе реализации буквально трактуемого сравнения в песне "Кто Травника не слышал". В фольклоре нашли широкое использование сравнения человека с животными: зверь-человек, как медведь, голоден как волк, труслив как заяц, поет как соловей, не раз в фольклоре отражалась извечная человеческая мечта о птичьих крыльях и т.п. В песне произведена двудеиная персонификация, удвоение образа в одном лице: человек как птица, человек-птица, человек-кулик, что возможно, как уже отмечалось, уходит своими корнями в тотемные представления наших предков. Приключения, которые происходят с героем, плавно переходят из приключений птицы в приключения, которые могут случиться только с человеком.

Нам представляется, что двойничество в "Повести" обязано своим существованием персонификации подобной стилистической фигуры. Процесс шел не от образа к языковым средствам, к язы-

---

²⁰ Сборник Кириши Данилова, стр. 19.

ковому воплощению, а наоборот, от языковой практики, от устойчивых языковых форм к их персонификации и образованию двойничества. Это косвенно может подтвердить тот факт, что у "Повести", как ни у какой другой, много вариантов, в которых расширяется круг эпитетов братьев, дополняются их приключения, что связано с легкостью игры синонимами. В Казанской губернии, например, герои фигурируют даже под другими именами - Лаврушка и Кузьма ²¹. В "Сборнике Кирши Данилова" в нескольких произведениях встречаются Спира и Сема. Хотя текстологических переключек с Фомой и Еремой у них нет, но образный характер этих пар имеет некоторые общие черты:

А Спира стал поспиривать,
Сема стал пересемывать ²².

Эти приемы указывают на формальный, а не содержательный характер трактовки двойничества героев, во всяком случае не преобладание первого над вторым. В генезисе же темы формальный момент преобладает безусловно, возникая как следствие реализации определенной, широко распространенной стилистической фигуры. В содержательном отношении двойники в "Повести" не имеют самостоятельности, они идентичны, в формальном же отношении они необходимы лишь как способ усиления воздействия на читателя или слушателя используемых языковых средств, для подчеркивания специфики этих средств.

---

²¹ Русская демократическая сатира, стр. 187.

²² Сборник Кирши Данилова, стр. 393-394.

Таким образом, как особый путь образования двойников по типу у-двоения можно выделить персонификацию составляющих частей какой-либо стилистической двусложной фигуры – в данном случае, синонимического повтора.

ОБ ЭТАПАХ В РАЗВИТИИ КНИЖНОГО ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО /ТАК НАЗ. СТАРОСЛАВЯНСКОГО/ ЯЗЫКА

Е. Догранаджиева /София/

1. Этапы создания книжного староболгарского языка точно исторически документированы. Они являются следствием его специфической, необычайной судьбы. Он возникает в пределах чужого государства – Византии, потом становится письменным языком двух славянских стран – Великой Моравии и Паннонии и, наконец, возвращается на свою родину. Этими экстралингвистическими факторами обусловлено своеобразие функционирования староболгарского языка, отсюда и разделение на три этапа.

Письменность первых двух этапов прямо не засвидетельствована, а от болгарской литературы третьего этапа сохранилось всего около десяти памятников покрупнее, десяти отрывков и около тридцати надписей и графитов в большей своей части фрагментарных.

2. Продолжительность и условия трех этапов разные. Продолжительность первого этапа очень коротка – всего несколько месяцев. Судя по результатам, Константин Философ, Мефодий и их сотрудники работали очень активно благодаря благосклонности византийского императора к их миссии. Второй этап длиннее – 22 года. Книжная деятельность протекала при переменчивых политических условиях, очень неспокойно, с перерывами, а в конце – очень бурно. Третий этап длится два столетия. В Болгарии письменность и культура развиваются при максимально благоприятных условиях.

3. На разных этапах устанавливается разного типа иерархия участников в литературном деле. Для первого и второго этапов характерна "пирамидальная иерархия", для третьего – "ступенчатая иерархия". В

Константинополе ведущую роль выполнял Константин Философ. В Моравии первые 6 лет во главе культурной жизни стоял также Константин Философ. После его смерти во всем своем величии проявилась личность Мефодия не только как главы церкви и организатора просвещения, но и как выдающегося переводчика и автора оригинальных произведений. С самого начала третьего этапа появляется плеяда крупных деятелей письменности с ярко выраженной индивидуальностью, оставивших значительный след в культурной жизни своего времени и серьезные тенденции в позднейшей славянской письменности: Климент Охридский, Наум, Константин Преславский, Иоанн Экзарх, Черноризец Храбр, царь Симеон, Превзитер Козма.

4. Письменность трех этапов можно представить в виде концентрических кругов. На первом этапе начало письменности поставлено переводом апракоса, праксаностола, псалтыри и избранных служб. На втором этапе положена основа письменности с переводами самых необходимых для нового богослужения и государства произведений. На третьем этапе письменность, созданная Кириллом и Мефодием, достигла своего расцвета. Переписывались книги, редактировались старые переводы, возникали новые переводы, составлялись сборники, создавались оригинальные произведения. В связи с повышенными культурными интересами литература расширяет свой тематический и жанровый охват. Появляются произведения /переводные, компилятивные, оригинальные/ более специализированного и абстрактного характера.

5. Соотношение устной речи и книжного языка на трех этапах разное.

На первом этапе устная речь — это один из болгарских диалектов Солунской области, по своим особенностям ближе всего к юговосточной группе болгарских говоров. Это прежде всего бытовая речь, но мы не должны забывать, что она в известной степени /в рамках устного обще-

ния/ интеллектуализирована в связи с развитием познания, фольклора, мифологии, а также воздействием византийской культуры. Солунский диалект в процессе первого перевода обрабатывается и выдвигается в ранг письменного языка. Обогащается его лексический состав, усвершенствуется его грамматическая структура, уточняются и специализируются его средства выражения, развивается его эстетическая функция, устанавливается книжная норма употребления языковых средств. Для этого этапа характерно то, что весь языковой фонд диалекта включается в рамки письменного языка. Константин Философ в своем переводе использует все средства устной речи. Еще отсутствуют критерии, по которым отдельные явления считались бы просторечиями. Такие критерии создает письменная традиция. Кроме устного фонда письменный язык включает в себя еще книжную надстройку лексических и синтаксических неологизмов.

Во втором этапе устной речью являются моравские и словенские диалекты в своем бытовом употреблении. На их основе тоже оформлялся "устный культурный диалект" /термин Р.Вечерки/ под влиянием римской культуры. В Моравии и Паннонии устная речь и письменный язык соотносятся как две языковые системы с общей генетической основой. Это были языки очень близкие, но не тождественные. Разница между ними не в отдельных элементах, а в целостной языковой организации. Каждый из трех языков – староболгарский, старочехословацкий, старословенский, прожил уже более трех столетий самостоятельного существования. Во время своего употребления в Моравии и Паннонии староболгарский язык сохранил свой первоначальный языковой характер. В него проникали отдельные элементы моравских говоров, но не последовательно. Обогащение и совершенствование литературного языка осуществлялось его собственными средствами. Относительная непроницаемость литературного языка создавалась следующими факторами: а/ дистанцией между системами старобол-

гарского и старочехословацкого языков; б/ стилистической функцией староболгарского языка в качестве книжного языка; в/ тем фактом, что активные носители письменного языка были Кирилл, Мефодий, приславившие с ними из Византии сотрудники и обученные литературному староболгарскому языку ученики из Моравии и Паннонии; г/ авторитетом самой литературы; д/ авторитетом культурных деятелей; е/ официальным характером культуры, санкционированной князем и архиепископом.

На третьем этапе опять по новому проявляется соотношение устной речи и письменного языка. Староболгарский язык возвращается в родную языковую среду. В Болгарии расширяется диалектная база книжного языка. Возникший на основе одного юговосточного диалекта - солунского, книжный язык начинает употребляться в среде двух говоров иного типа: преславского /северовосточного/ и охридского /югозападного/. Кроме того выявляются и хронологические изменения. Во-первых, солунские говоры архаичнее северовосточных. Во-вторых, третий этап длится два века, так что за это время язык продвигается вперед. Таким образом, за пределами родного языка остаются некоторые территориально ограниченные диалектизмы и хронологические неологизмы устного языка. Очень характерно для языковой практики этого периода то, что сохраняется живая связь между письменным и устным языками. Основа этого явления несомненно единство двух форм проявления одного и того же языка, но решающими в этом случае являются отношение и практика литературных деятелей этого времени. Во всех проявлениях письменности этого периода отчетливо прослеживается сознательное стремление непрерывно обогащать литературный язык явлениями устной речи. Норма этого этапа значительно свободнее и гибче, чем норма предшествующего этапа и последующих периодов истории литературного и болгарского языка. В

зультате этой проницаемости книжного языка для явлений устной речи проявляется как характерная для староболгарских памятников дублетность и вариативность. В результате плодотворной традиции предшествующих этапов, всеобщего культурного подъема, всестороннего развития литературы и интенсивных усилий культурных деятелей книжный староболгарский язык достигает своего расцвета. Язык обладает богатством слов и форм, развитой фразеологией, гибкой грамматической структурой, выработанными художественными средствами и способностью тонко передавать абстрактность человеческого мышления. Литературный язык проникает в разнообразные сферы общественной деятельности: в художественную и специальную литературу, в богослужение, в государственную администрацию, и становится полноценным средством развития староболгарской культуры. Таким образом, староболгарская культура, литература и язык завоевывают авторитет среди славян и становятся источником просвещения и культуры. Староболгарский язык расширяет сферу применения и вне своих этнических границ и становится международным литературным языком в восточной части Европы в Средневековье.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КИЕВСКОЙ РУСИ В ЛИТЕРАТУРЕ

XIII-XV ВВ.

И. Феринц

В литературе рассматриваемого нами периода ведущими жанрами наряду с летописанием остаются жанр воинской повести и житийный жанр. Отдельные произведения этих жанров обнаруживают родство с лучшими памятниками ораторской прозы и житийного жанра Киевской Руси, а также с "Словом о полку Игореве".

Анализируя роль "Слова о полку Игореве" в становлении русской литературы, Д.С. Лихачев указывает на три произведения XIII века, "в которых встретимся с тем же сочетанием плача и славы, с тем же дружинным духом, с тем же воинским патриотизмом, которые позволяют объединить их вместе с "Словом" в единый жанр и даже связать этот жанр со светской, княжеско-дружинной средой, где только он и мог возникнуть и развиваться.¹ Здесь имеются в виду следующие три произведения: "Похвала Роману Мстиславичу Галицкому", читающаяся в Ипатьевской летописи под 1201 г., "Слово о погибели Русской земли" и "Похвала роду рязанских князей", дошедшая до нас в составе повестей о Николе Заразском.

Все эти три произведения обращены к прошлому, что составляет в них основу для сочетания плача и похвалы. Во всех этих трех произведениях мы находим плач по былому могуществу Русской земли и славу ей. В "Похвале Роману" и в "Слове о погибели" детально

---

¹ Д.С. Лихачев: Возникновение русской литературы. М.-Л., 1952; стр. 179-205.

описываются широкие просторы Русской земли, подвластной Мономаху. Автор "Слова о погибели" восхищается широкими просторами и красотой Русской земли: "О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая!"² Это обращение автора к русской земле напоминает восхваление Ярославны в "Слове о полку Игореве": "Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!" Однако Русская земля не только красотами и дарами природы славится, но и "князьми грозными". Автор "Слова о погибели" развивает тему "грозных" князей, покоривших "поганьскыя страны" и создает образ Владимира Мономаха, перед которым трепетали все окрестные народы и племена /"которымъ то половици дѣти своя ношаху /страшаху/ в колыбѣли, а литва из болота на свѣте не выныкываху, а угры твердаху каменныя города желѣзными вороты, абы на нихъ великыи Володимѣрь тамо не въсѣхаль"/. Этот гиперболизированный образ "грозного" великого князя напоминает обращение автора "Слова о полку Игореве" к русским князьям, в гиперболических выражениях рисующих величие и могущество³. /"Великий княже Всеволоде!... Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти!"/. В обоих произведениях встречаются общие стилистические формулы, сходные поэтические образы. Совпадает характер заглавия. Оборотъ "отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря..." из "Слова о полку Игореве" параллелен оборот из "Слова о погибели" - "Отъ великаго Ярослава и до Володимера, и до нынѣшняго Ярослава...". Авторы обоих произведений часто употребляют собиратель-

² Здесь и в дальнейшем тексте цитируются по "Хрестоматии по древней русской литературе" Н.К. Гудзия, М., 1973.

³ В.Ф. Переверзев. Литература Древней Руси. М., 1971, стр. 90.

ное наименование народов: "литва, деремела, хинова" - "литва, мордва, вьда, корела". Можно отметить и другие параллельные обороты.⁴

В обоих произведениях наблюдаются идеи высокого патриотизма, гиперболизация силы и воинской доблести князя-воина, лирическое восприятие природы и сочетание плача и похвалы.

В то же время сочетание плача со славой в "Слове о погибели" несколько иное, чем в "Слове о полку Игореве". В "Слове о погибели" на первый план выдвигается славное прошлое Русской земли. Слава поется ушедшему, а плач произносится о бессилии настоящего, о разоренной татарами Русской земле.

Такое распределение славы и плача, правда, встречается и в "Слове о полку Игореве", например, в том месте, где автор "Слова" говорит о былом единстве и могуществе Руси при Владимире I Святославиче, которого "нелзѣ ѿ пригвоздити къ горамъ кевскимъ". Другим примером могут служить строки о прошлых успехах в борьбе со степью Святослава Киевского.

Однако в "Слове о полку Игореве" оба эти места и некоторые другие, сходные, имеют подчиненное значение. Основная тональность сочетания славы и плача в "Слове о полку Игореве" иная. В "Слове" "жалость" автора обращена к походу Игоря и к несчастным его последствиям для всей Русской земли. Это, конечно, ее настоящее. Слава же отчасти обращена к прошлому русской земли - ко времени ее былого единства и могущества при Владимире "старом", однако в

⁴ О сходных местах между "Словом о полку Игореве" и "Словом о погибели Русской земли" см. статью А.В. Соловьева: Заметки к "Слову о погибели Русской земли". ТОДРЛ, М.-Л., 1958. т.ХУ, стр. 109-113.

основном автор "Слова" славит князей-современников.. Славой Игорю "Слово" заканчивается.

За что славит автор "Слова" всех этих князей? Он славит их за то, что они могут совершить, если только захотят. Он воздаст похвалу их могуществу, которое они могут употребить для лучшего будущего Русской земли. Именно это мы имеем в виду, говоря о том, что автор "Слова" оплакивая настоящее, славит будущее единой и мощной Руси.⁵

Наконец, то же грустное воспоминание о былом могуществе Русской земли пронизывает "Похвалу роду рязанских князей" в конце "Повести о разорении Рязани Батыем".

Когда войска Батые в 1237 году подступили к первому из лежавших на их пути русских городов - к Рязани, рязанский князь Юрий Ингореви^ч обратился к соседним князьям за помощью. Однако ни владимирские, ни черниговские князья не пришли на помощь рязанцам. В этой ситуации рязанцы пытаются умиловить врагов. Но когда в Рязань пришла весть о гибели Федора Юрьеви^{ча}, остается единственный выход - бороться с вторгшимися врагами, даже если эта борьба и не приведет к победе. Основная идея обращения князя Юрия Ингореви^{ча} к своим воинам: лучше гибель, чем позорное рабство. Этот призыв к борьбе с врагом составлен в традициях высокого красноречия домонгольской Руси: "Лутче намъ смертїю жьвота купити, нежели въ поганомъ воли быти" и напоминает обращение Игоря Святослави^{ча} в

---

⁵ Д.С. Лихачев. Ук. работа., стр. 204.

"Слове о полку Игореве" к своим воинам перед выступлением в поход: "Луче жь бы потяту быти, неже полонену быти".

В этом совпадении отражаются одинаковое представление о воинской чести, высокий патриотизм обоих произведений. Однако за схожестью формы обращения скрывается их глубокое различие. Речь Игоря Святослаича сжата, стремительная, не терпит промедления. Игорь жаждет поскорее перейти от слова к делу. Это слова удалого воина, исполненного воинской решимости: победить или умереть. Мужественность решения Игоря подчеркивается и упоминанием о затмении солнца — зловещем предзнаменовании, вопреки которому он решается идти в поход в поисках личной славы и чести. Всего этого нет в речи Юрия Ингоровича. Историческая обстановка совсем иная. Татарское нашествие заставляет Юрия Ингоровича и его дружинников идти в бой не как на удалое пиршество, а как на подвиг мученичества, и в героях воинской повести появились черты, свойственные героям житийного жанра.⁶ В речи Игоря Святослаича сохраняется героический мотив, который в то же время сочетается с религиозным призывом умереть за божии церкви и веру христианскую. Перед боем Юрий Ингорович ведет себя как и подобает благочестивому князю: он со слезами молится богу языком псалмов, затем идет в церковь и принимает там благословение епископа. В образах Юрия Ингоровича и его соратников, с одной стороны, сохранились черты удалых дружинников киевской литературы, а с другой, — прорезались не свойственные им черты воинов-мучеников.

Автор "Повести о разорении Рязани Батыем" неоднократно под-

---

⁶ В.Ф. Переврзев. Ук. работа, стр. 93.

черкивает кровное родство и духовную близость его героев с героями "Сказания о житии Бориса и Глеба". Уже в церкви Юрий Ингоре-вич молится "великому чудотворцу Николѣ и сродникомъ своимъ Бо-рису и Глѣбу". Но подчеркивается это родство с Борисом и Глебом и в "Похвале роду рязанских князей" /"Сїи бо государи рода Вла-димира Святославича - сродника Борису и Глѣбу, внучата великаго князя Святослава Олговича черниговскаго"/. Много общего можно встретить в выражениях, в которых Юрий Ингореви́ч изливает свою скорбь, и в плаче Бориса о своем отце.

Житийное звучание получают и другие эпизоды "Повести о разо-рении". Если в "Слове о полку Игореве" при выражении скорби по по-воду поражения нет никакого налета церковно-книжной стилистики, то в "Повести о разорении" эта скорбь приобретает церковно-книжное, свойственное житийным произведениям, звучание. "Эта часть "Повести" написанная ритмической прозой, - одно из самых замечательных мест памятника. Она звучит как траурный, заупокойный хорал." ⁷

Уже оплакивая убитых "удальцов и резвцов рязанских", Инг-варь Ингореви́ч испытывает гордость не только за их героизм, но и за их былую власть: "Многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на земли пущѣ".

Это сочетание славы и плача еще в большей мере проявляется в заключительной "Похвале роду рязанских князей", восхваляя слав-ные качества рода рязанских князей, их княжеские добродетели, ав-

---

⁷ И.П. Еремин. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, стр. 142.

тор восхваляет былое их могущество. Их могущество понимается автором как могущество Русской земли, и именно ее части, славе, силе и воздаст хвалу автор. Эта похвала выделяется своей литературной отделкой: сжатостью, отточенностью формулировок и ритмом синтаксических оборотов, напоминающим повторенность орнаментальных мотивов⁹. Здесь автор "Повести о разорении Рязани" создает идеализированный и обобщенный групповой портрет рязанских князей, уже испивших общую "смертную чашу". Автор "Слова" о полку Игореве", как мы видели, имел возможность обращаться к живым князьям и воздавал хвалу их могуществу, которое они могут употребить для борьбы с врагами, если только захотят. Автор славит эту возможность.

Автор "Повести о разорении Рязани" обращается к мертвым князьям, воплощавшим в себе те лучшие качества, княжеские и христианские добродетели, благодаря которым они завоевали для русской земли могущество и славу. Самим же фактом, что Ингварь Ингорович относится к этому славному роду князей и, заняв отцовский престол, обновляет землю рязанскую, автор стремится вселить в русских веру в свои силы и возможность восстановления бывшей, утерянной независимости и славы. Именно в результате такого сочетания славы прошлому и беззаветному героизму рязанских бойцов и плача о постигшей русских скорби это произведение не оставляет у читателя чувства безвыходности, наоборот, читатель верит в обновление ря-

⁹ Художественная проза Киевской Руси XI-XII веков. М. 1957, стр. 360.

занской и всей русской земли. Правда, это оптимистическое звучание произведения проявляется не в чистых красках воинских повестей, а в стилистике нового жанра, возникшего на основе сближения воинской повести с произведениями житийной литературы. Образцом этого нового жанра "воинского жития" было "Житие Александра Невского". В этом агиографическом произведении для создания яркого образа князя-защитника родины автор широко пользовался и воинскими эпическими преданиями, и средствами поэтики воинских повестей.

Подъем национального самосознания после Куликовской битвы способствовал расцвету культуры, вызвал повышенный интерес к прошлому, пробудил стремление к возрождению национальных традиций. Одновременно возобновляются традиционные связи Руси с Византией и южнославянскими странами. В условиях тяжелого татаро-монгольского ига все больше и больше ценились такие внутренние качества человека, как его стойкость, преданность родине и князю. Поэтому и литература, особенно житийная, раскрывающая внутреннюю жизнь одного человека, все больше и больше интересуется чувствами, отдельными психологическими состояниями человека. Мысль обращается к идее независимости, литература - к произведениям XI-XIII вв. Таким образом, Русь домонгольская стала как бы "своей античностью". ⁹

Этот повышенный интерес в конце XIV-XV вв. к эпохе национальной независимости связан с представлением об исторической изменчивости мира: ничто не закончено, а поэтому и не выразимо словами,

---

⁹ Д.С. Лихачев. Развитие русской литературы X-XVII веков. Л., 1973, стр. 113-120. Обращение к "своей античности".

текущее время неуловимо. Его может в известной мере воспроизвести лишь поток речи, динамический и многоречивый стиль, нагромождение синонимов, обертоны смысла, ассоциативные ряды, создаваемые "плетением словес".

Наиболее ярко экспрессивно-эмоциональный, панегирический стиль проявляется в произведениях агнографического жанра.

Лучшим русским представителем нового экспрессивно-эмоционального стиля является Епифаний Премудрый. Перу Епифания принадлежит два жития: "Житие Стефана Пермского", написанное им в 1396-1398 гг., и "Житие Сергия Радонежского", написанное между 1417-1418 гг. В его произведениях сказываются традиции домонгольского ораторства и домонгольской агнографии.

В авторском вступлении к "Житию митрополита Петра" Киприан говорит, что житие должно служить украшением святому¹⁰. Образцом жития - украшения, словесной похвалы святому могло служить епифаниевское "Житие Стефана Пермского".

"В плачеве и похвале инока списающа" дается определение характера писательского труда, как "плетения словес": "Да и азъ многорѣшньи и неразумньи, послѣдуя словесемъ похвален и твоихъ, слово плетуци и слово плодяци, и словомъ почтити мняци, и отъ словесе похвален е събираа, и приобрѣтаа, и приплѣтаа..." В самом начале этого плача автор говорит, почему он хочет "принести хвалу" своему герою: когда Стефан еще был жив, он был Стефану "досадителем"

¹⁰ Л.А.Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы /к русско-болгарским литературным связям XIV- XV вв./ . ТОДРЛ, М.-Л., 1963 т. XIX, стр. 215-254.

/"... иѣкогда с тобою спирахся о иѣкихъ о приключихъся, или о словѣ етерѣ /каком-нибудь/ или о коемждо стисѣ, или о строѣ";/.

Теперь же испытывая благоговение перед деяниями святого, автор в недоумении спрашивает: "Но что ты нареку о епископе, ... како похваляю, како почту, како ублажаю, како разложу /изложу/ и како хвалу ти съплету?".

Подобно Киприану, который в своем предисловии много говорит о том, что святому полагается похвала, достойная этого святого, Епифаний Премудрый в приведенных строках одной из основных задач своего труда считает достойное святого стилистическое оформление жития. И в этом отношении Киприан, как пишет Л.А. Дмитриев, близок к Евфимию Тырновскому, который также в предисловиях к своим житиям пишет о необходимости восхвалять святого, подразумевая под этим литературное оформление жития.

В связи с этим невольно вспоминается авторское искусство Кирилла Туровского, который "литературную свою задачу обычно определял следующими словами: "прославить" /праздник/, "воспеть", "возвеличить", "украсить словесы", "похвалить". В словах этих — ключ к пониманию художественной природы его речей. Они верный знак, что Кирилл, составляя речь, решающее значение придавал ее стилистическому оформлению". ¹¹

Взгляды Кирилла Туровского на задачи торжественных слов, которые предназначались для произнесения в храме в торжественной обстановке праздничного богослужения, наиболее полно и четко от-

¹¹ И.П. Еремин. Литература Древней Руси. М.-Л., 1966, стр. 132-143.

разились в его "Слове на вербницу": "До сдѣ же слово окративше, пѣсньми, яко цѣбѣты, святую церковь вѣнчаем и праздник украсим, богови хвалословение вѣслѣм..." ¹². Следовательно, песни, слова могут служить украшением церкви, празднику. И этими приемами сознательно пользовался Кирилл Туровский. По-видимому, особенности "плетения словес" в творчестве Епифания не могут целиком объясняться влиянием южнославянских житий: Епифаний Премудрый мог черпать идею "прославить, украсить словесы" из ораторского искусства Кирилла Туровского. В похвале Стефану Епифаний использует стилистическую формулу "Слова о законе и благодати" Илариона. Чтобы привести слушателей к мысли о необходимости признать Владимира святым, Иларион ставит его в один ряд с апостолами, которым принадлежит заслуга обращения в христианскую веру различных стран и земель. Чтобы осветить главную заслугу Стефана, Епифаний расширяет эту мысль следующим образом: "... Москва же блажит и чтит Петра митрополита, яко новаго чудотворца, Ростовская же земля Лионтия, епископа своего; тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалит и чтит яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставника, яко наказателя, яко проповедника, яко тобою тмы избыхом, яко тобою свет познахом".

Эта же формула "Слова о законе и благодати" используется в "Слове о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича" для прославления великого князя Московского: "Похваляет бо Володимера Ки-

---

¹² И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. ТОДРЛ, т. XIII, стр. 411.

евская /земля/ со окрестными грады; тебе же, великий князь Дмитрий Ивановичъ, вся Русьская земля". Этим подчеркивается преемственность Дмитрия по отношению к великому князю Владимиру Свято - славичу и то, что власть Дмитрия распространяется уже на всю Русскую землю..

Многие места "Слова о житии" свидетельствуют о претензии московских книжников конца XIV - начала XV в. на киевское наследство.

Уже говоря о рождении Дмитрия Ивановича, автор подчеркивает, что он внук "собрателя Русьской земли" Ивана Даниловича "и корени святого, и богомъ сажденнаго саду отрасль благоплодна и цвѣтъ прекрасный царя Владимира, новаго Костянтина, крестившаго Русьскую землю, сродник же бысть новою чудотворцю Борису и Глѣбу". Битва на Куликовом поле сравнивается с битвой Ярослава Владимировича со Святополком, Как и в Летописной повести "злочестивый Мамай" именуется "вторым" или "треклятым" Святополком. Дмитрий, как и Александр Невский, одерживает победу при помощи небесных сил /"мнози же достоуверни видяху ангелы божіа помогающе христіаномъ"/ и сродников своих "святых Бориса и Глеба". Как видим, преследуя ясную политическую цель: прославить победителя Мамай, как властителя всей русской земли, наследник Киевского государства, окружить власть князя ореолом святости, автор "Слова о житии" прибегает к приемам ораторской прозы Киевской Руси и использует в качестве литературных образцов "Житие Александра Невского" и паримийное чтение о Борисе и Глебе.

Вышеприведенные примеры показывают, что авторы литературных произведений XIII-XV веков часто обращаются к киевским литературным образцам: то к житийной, то ораторской литературе или к воинским повестям. Особенно повышенным интересом к домонгольской культуре характеризуется вторая половина XIV - начало XV века.

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКО-ВЕНГЕРСКИХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ XII-XIII ВВ.
/Тезисы/¹

А. Золтан

1. В докладе этимологизируется венг. émely 'тошнота' и производные. Слово это не имеет удовлетворительного толкования в венгерской этимологической литературе. Для решения вопроса в докладе предлагается и обосновывается новая этимология для венг. émely согласно которой венгерское слово восходит к др.-русс. хмель 'спиртной напиток; опьянение'.

2. Несмотря на то, что слово хмель в основном своем значении 'растение *Humulus lupulus*' является общеславянским, переносное значение 'спиртной напиток; опьянение' появилось у этого слова только в восточнославянских и некоторых западнославянских языках, причем соответствующее значение в словаком является семантической калькой позднего времени с русск. хмель, чешское слово в переносном значении также не засвидетельствовано в древнечешской письменности. В польском же языке chmiel в переносном значении появляется в XIV в., причем в языке авторов, связанных с Украиной и Белоруссией, что позволяет считать также польск. chmiel 'спиртной напиток; опьянение' семантической калькой с восточнославянского.

---

¹ Полный текст доклада под названием "К вопросу о восточнославянско-венгерских лексических связях старшего периода" публикуется в журнале "Studia Slavica" XXV /1979/. Во избежание лишних повторений здесь мы ограничиваемся сжатым изложением основных положений доклада без филологического аппарата.

3. Др.-русск. хмель ~ хмѣль 'хмельной напиток; опьянение' засвидетельствовано в памятниках с конца XII в. О том, что переносные значения у др.-русск. слова возникли раньше, до падения редуцированных, свидетельствует румынское hămei ~ hemei / 'вызывать головокружение, дурманить'. В венгерский язык др.-русск. хмель могло попасть после падения редуцированных, и начальное сочетание согласных хм- в венгерском было устранено путем присоединения гласных i ~ ë к началу слова. Формы *ixmely *ëxmely в венгерском дали впоследствии ímely ~ émely, из которых последняя укрепились в венгерском литературном языке, но в говорах встречаются формы с начальным i.

4. Предлагаемая этимология подтверждается также ареальным распространением слов, восходящих к указанному этиму. Кроме венгерского émely 'тошнота', румынского hămei ~ hemei 'дурманить' и польского chmiel 'спиртной напиток; опьянение' сюда относится, по-видимому, и финское humala 'опьянение'. Семантический сдвиг 'растение хмель' ----> 'хмельной напиток' ----> 'спиртные напитки вообще' ----> 'опьянение,' совершившийся на древнерусской почве, отражается кроме современных восточнославянских языков - то в форме заимствований, то в форме калек - в языках, непосредственно соседствующих с восточнославянской языковой территорией.

СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ ПОДХОД
К ИЗМЕНЕНИЯМ В СКЛОНЕНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

/на основе материала Выголексинского
Сборника/

М. Сарваш

Заглавие указывает на двойную цель данной статьи, в которой с одной стороны дается представление о некоторых явлениях системы склонения имен существительных Выголексинского Сборника¹/ВСб/, а с другой исследуется применимость метода совместного синхронного и диахронного подхода.

Постановка вопроса с обеих точек зрения является актуальной:

а/ изданная в мае 1977 года рукопись, по материалам которой написана настоящая статья, является первым научно-лингвистическим изданием памятника, морфологическая система которого полностью не исследована.

б/ теория совместной применимости синхронного и диахронного методов оказала большое влияние на разные теории изменения морфологической системы, ее применение может дать более общие и точные характеристики системе склонения имен существительных.

Новый метод исследования включает в себя все преимущества предыдущих направлений, с помощью которых историческое языкознание достигло сегодняшних его результатов. Несмотря на внешние противоречия между этими направлениями существует преемственность, так как у самых талантливых представителей разных школ всегда находятся прогрессивные идеи, которые потом входят и в новую развивающуюся теорию.

¹ Выголексинский Сборник. Изд. Наука, Москва, 1977.

Точное объяснение закономерностей распространения инноваций, определенных В.А. Богородицким², дается структуралистской теорией потенциала и реализации изменений³. Развивая представление А.В. Богородицкого о фонетически обоснованных и фонетически необъяснимых инновациях, младограмматики выдвигали идею принудительного давления системы⁴ в отношении фонетических и морфологических законов, тогда как Вл. Георгиев, сторонник структуралистского подхода, стоит за их совместное влияние при изменении морфологического строя языка⁵.

На основе нового синхронно-диахронного подхода многие явления изменения переоцениваются, и современное историческое языкознание устраняет противоречия между традиционным и новым подходами к изменениям морфологической системы. В источники истории языка включаются и данные синхронного строя языка. Новый подход содействует точному учету процессов морфологических изменений. Он не является отрицанием старого подхода, а строится на нем и расширяет его там,

---

² В.А. Богородицкий: Казанская лингвистическая школа. Труды МИИЯЛ, 1939, У.265.

³ Benkő Loránd: A történeti ny. tud. néhány kérdéséről. NyTK, 1977. 77 k.

⁴ Б. де Куртене: Избранные труды по общему языкознанию. Изд. Наука, Москва, 1963.

⁵ Вл.И. Георгиев: Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1969.

где старый метод является недостаточным для определения точной картины морфологической системы.

Преимущество нового подхода нам хочется доказать при исследовании системы склонения имен существительных ВСб.

Основные данные Выголексинского Сборника

Данных о месте и времени переписки ВСб нет. На основе графических, орфографических и палеографических данных памятника можно доказать, что он восходит к XII веку⁶, южнорусский по происхождению, принадлежит галицко-волыньскому наречию и является памятником книжного языка⁷. Он был переписан двумя писцами. Рукопись состоит из 171 листа, а второй писец, который по каким-то причинам в ходе переписки два раза заменял первого писца, переписал всего один лист и особого внимания не требует.

В ВСб входят жития двух святых, переведенные с греческого языка⁺. По мнению Д. Дурново, перевод является работой русского переводчика⁸. Список в ВСб считается самым ранним списком с упомянутого перевода.

Изменения в системе склонения имен существительных ВСб.

При исследовании системы склонения имен существительных ВСб наблюдается развитие разных тенденций изменения, проявляющихся уже

⁶ Н.В. Тихомиров: Каталог р. и сл. пергаменных рукописей XI-XII вв. Записки отдела рукописей, Москва, 1965, вып. 27.

⁷ Л. Булаховский: Фон. и морф. руссизмы в пам. XII-XIV вв. ст. Киев, 1954.

⁺ Житие Нифонта, еп.г. Константины на Кипре /IУв./ /ЖН/
Житие Феодора Студита /759-826 гг./ /ЖРст/

⁸ Д. Дурново: Введение в историю русского языка, часть II. Брно, 1927.

в первых памятниках древнерусского языка.

XI-XII века являются периодом изменения системы склонения имен существительных древнерусского языка. В памятниках этого периода утрата системы склонения имен существительных по основам и процесс развития системы склонения по родам отражаются параллельно и обнаруживается интерференция этих двух систем.

Если нам хочется получить точную картину о системе склонения имен существительных ВСб, то нам нужно считаться со взаимоотношением старой и новой систем.

В системе склонения имен существительных древнерусского языка в XI веке наблюдаются следующие тенденции изменения;

- а/ взаимовлияние деклинационных типов, включая и появление параллельных падежных флексий в род., дат., твор. и мест. п. ед.ч. и в им. и род.п. мн.ч. у существительных с основой на -ѡ-;
- б/ взаимовлияние твердого и мягкого вариантов;
- в/ изменение окончаний в именительном падеже;
- г/ распространение категории одушевленности;
- д/ утрата звательного падежа;
- е/ судьба категории двойственности;
- ж/ выравнивание основ.

Перечисленные тенденции реализуются в тесной взаимосвязи.

В рамках данной статьи из этих явлений изменения рассматривается влияние деклинационного типа имен существительных с основой на -ѣ- на систему склонения имен существительных с основой на -ѡ-.

Параллельные флексии, появляющиеся в род. и мест. п. ед.ч. у существительных с основой на -ѡ-/іѡ- под влиянием деклинаци-

онного типа имен существительных с основой на -*ŷ*- являются спорными проблемами исторического языкознания. В ВСб отмечены нами всего два примера на флексию -*ou* в род.п. ед.ч.:

... и оумъ бѣдиноу творѣще многаѣ въ хоженіа ЖФст 100об.10

... бѣдиноу всѣмъ на наѹ сътѣкъшемъ сѣ ... ЖФст 150об.13., которые представляют собой два процента подобных примеров. 98 % примеров носит оригинальное окончание -*a*, точнее много существительных с основой на -*ŷ*- приобретают флексию -*ou*, где для выражения притяжательности применяется дат.п. в зависимости от синтаксических возможностей /дат.притяжательный/. Так как ВСб является памятником книжного языка и флексия -*ou* в род.п. характерна для устной речи, эти примеры толкуются как формы дат. падежа. Окончание -*ou* в род.п. существует в памятнике в качестве возможного варианта, но из-за книжного характера памятника оно редко реализуется.

Тот факт, что в ВСб нет примера в мест.п. на влияние деклинационного типа существительных с основой на -*ŷ*-, тоже подтверждает это предположение, хотя по мнению А.И. Соболевского, флексия -*ou* в мест.п. является характерной для памятников галицко-волынского наречия⁹.

Флексию -*ovi* в дат.п. ед.ч. приобретают существительные, обозначающие лица с основой на -*ŷ*- / -*iŷ*- и -*telʹ*, -*arʹ*, -*inʹ*, всего в 18-и процентах:

бѣви ЖФст 165   бѣоу ЖФст 36.14, 37.2, 37об. 2,3,9 ен

ЖП 2 об. 14, 13 об.12 ен

⁹ А.И. Соболевский: Лекции по истории древнерусского языка. Изд. Москва, 1904.

моужєви ЖФст 69.18, 75об. 6,18   моужоу ЖФст 78об.17

138.6, 139.11, 158об.8

цсреви ЖФст 91.18, 136об. 15, 17об.4   цсрю ЖФст 50об.14

Существительные, обозначающие неживые существа, получают нормальное окончание -оу/-ю в 100 %.

В им.п. мн.ч. влияние имен существительных с основой на -й - реализуется в 4%.

строуповє ЖФст 129.10

оудовє ЖФст 120.6 ,

хотя по мнению Ф.П. Филина, эта флексия, применяемая для обозначения категории лица, была очень распространена в южнорусских памятниках, но она характеризовала устную речь¹⁰. Примеры или точнее отсутствие примеров в памятнике также свидетельствует об этом. Писцом применялась флексия книжного языка, а если все-таки появлялась флексия -ове - ее приобретают существительные, обозначающие неживые существа - она свидетельствует о недостаточной грамотности писца в этом отношении.

Сравнивая с другими падежами, в род.п. мн.ч. влияние имен существительных с основой на -й - получило большое распространение. Существительные, обозначающие лиц, -/15%,/а существительные, обозначающие неживые существа /48%/, приобретают флексию -овь. Кроме наблюдения, по которому существительные, обозначающие неживые существа получают эту флексию в большей мере, нельзя установить никакой закономерности в ее употреблении:

¹⁰ Ф.П. Филин: Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Изд. Наука, Ленинград, 1972.

мнхъ ЛФст 74.7, 76об.6 мнхвъ ЖФст 170об.13

167 об.3.

бѣсъ ЖН 11.8

бѣсовъ ЖН 3.6, 5об.2, 10об.15,

20.18

тродовъ ЖФст 44об.6, 99об.8, 136об.9

оудовъ ЖФст 96.13, 97.17, 136.13.

В древнерусском языке еще до начала письменного периода в твор.п. ед.ч. существительных с основой на -ѡ-/-іѡ- распространилось окончание -ѣмь деklinационного типа существительных с основой на -ѣ -.

Отношение традиционных -омь/-емь и древнерусских -ѣмь/-ѣмь окончаний в ВСб отражается следующим образом:

<u>МУЖ.Р.</u>		<u>СР.Р.</u>	
<u>-ѣмь</u>	<u>-омь</u>	<u>-ѣмь</u>	<u>-омь</u>
75%	25%	70%	30%

Принимая во внимание найденные в ВСб влияния книжного языка и фонетического положения XII века, по которым в оригинальных русских памятниках дольше сохраняются редуцированные гласные¹¹, флексию -омь можно считать влиянием книжного языка.

Эти примеры доказывают, что из-за книжного характера памятника в меньшей мере, но все-таки существует возможность распространения окончаний, принадлежащих системе склонения имен существительных с основой на -ѣ -. Реализация этого влияния зависит от расположения данных падежей в системе склонения, от составляющих

¹¹ А.А. Ефиматов: Очерк древнейшего периода истории русского языка. "Энци.сл.фил.", вып. II.1, Пг., 1915.

элементов этой системы и во многом от интенсивности тенденции изменения в данный период древнерусского языка.

Синхронно-диахронный подход к приведенным примерам.

Исследуя некоторые явления склонения имен существительных ВСб, можно установить, что тенденции изменения, появляющиеся в первых древнерусских памятниках XI века, распространяются. Их распространению в ВСб препятствуют существующее в памятнике влияние книжного языка и его жанр, который служил основой для реализации этого влияния.

Явления в системе склонения имен существительных в основном принадлежат к тенденции унификации; одновременно можно установить, что эта тенденция в некоторых случаях реализуется в виде дифференциации и гетерогенности. Наблюдается такое положение и в отношении систем склонения имен существительных с основой на $\check{u}$ и $\check{o}$, где встречается двухстороннее противоречие: активность системы склонения имен существительных с основой на $\check{u}$, которая в основном утрачивается, и появление параллельных флексий в некоторых падежах при унификации этих двух деклинационных типов. Видимое противоречие устранивается и объясняется конкретными примерами ВСб.

Хотя влияние деклинационного типа существительных с основой на $\check{u}$ чувствуется в дат. и твор. п. мн. ч., например,

дарьми ЖФст 102.12, 130.4

троудьми ЖФст 45.15

пирьхъ ЖФст 95об.6.,

но количество примеров относительно количества имен существительных с основой на $\check{o}$ является незначительным. На основе ранее приведенных примеров можно сказать, что влияние системы склонения имен существительных с основой на $\check{u}$ реализуется в падежах, где

параллельные флексии сохраняются или являются потенциально сохраняемыми в данном периоде языка /напр. флексия -ови в дат.п. ед.ч./: у них собственная функция, им принадлежит самостоятельное значение.

Наблюдается такое положение в род. и дат.п. ед.ч. /примера в мест.п. ед.ч. нет/, в им.п. мн.ч. и особое место занимает флексия -овъ, появляющаяся вместо флексии -ъ. В ходе развития языка параллельные флексии в дат.п. ед.ч. и в им.п. мн.ч. были утрачены, но в XII веке у них еще было самостоятельное значение: в период появления и утверждения категории одушевленности существительные, обозначающие лица, приобретали флексии -ови и -ове. Исследование синхронной стороны языка в XII веке свидетельствует о том, что наличие этих флексий является полностью обоснованным, так как они содействовали распространению категории одушевленности. Такое согласие между синхронной и диахронной сторонами языка нарушилось утверждением категории одушевленности в русском языке. Утратив свою специальную функцию, флексии -ови и -ове исчезли из системы склонения имен существительных.

Применение совместного синхронного и диахронного подхода к отношению систем склонения имен существительных с основой на -й- и -ѡ- позволило установить, что явления изменения в исследуемом нами памятнике в основном входят в тенденцию унификации, которая является основной тенденцией в склонении имен существительных в XII веке.

ДАННЫЕ К ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

/Литургическое произношение в XI-XIII вв./

Г. Хорват

Исследование церковнославянских, древнеболгарских по происхождению элементов в фонетической системе русского литературного языка с точки зрения исторической фонетики уже давно привлекает к себе внимание лингвистов и литературоведов. Известно, что русский литературный язык в ходе своего развития неоднократно подвергался влиянию церковнославянского языка и по своим внутренним языковым законам сохранял или утрачивал чужие элементы, или по образцу заимствованных элементов создавал на родной почве новые элементы. Несмотря на значительные результаты отдельных исследований по этому вопросу, все еще нельзя считать окончательно решенным ряд вопросов, связанных с частными явлениями, определением границ т. наз. первого южнославянского влияния /эпохи диглоссии/¹ и второго южнославянского влияния; до нашего дня недостаточно детально исследованы письменные памятники разных веков, отражающие влияние церковнославянского языка. Цель настоящей работы — исследование отражения литургического произношения в древнейших дошедших до нас /XI-XIII вв./ певческих рукописях, изучение возможности влияния системы церковнославянского произношения на разные жанры литературного языка и на живое произношение.

Б.А. Успенский, исследовав архаическую систему литургическо-

¹ Б.А. Успенский: К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка. In: Wiener Slavistisches Jahrbuch, 22. Wien-Köln-Graz, 1976., S.93.

го произношения старообрядцев-беспоповцев, отметил, что многие элементы этой системы произношения вероятно берут свое начало в глубоком историческом прошлом, быть может, в Киевской Руси². Правдоподобность этой гипотезы, однако, можно доказать только путем детального, тщательного анализа древнейших памятников письменности.

Ввиду того, что т. наз. певческие рукописи, отражающие произношение при пении, сохранили более архаическое состояние языка, чем тексты для чтения, в данной работе главное внимание мы уделяли изучению рукописей, содержащих в себе текст литургических песен; в первую очередь ирмосов, и некоторых других текстов, отражающих особенности псалмодического чтения³. Однако, бросающаяся в глаза связь между графико-орфографической и фонетической системами церковнославянских рукописей и новгородских грамот на бересте обратила наше внимание на то, что в круг исследуемых рукописей следует вовлечь и памятники, отражающие в первую очередь живое древнерусское произношение их писцов.

Использованные источники:

- Отрывок Ирмология XII-XIII вв. ГПБ, О 175, /8 лл/ Собр.

И. А. Бычкова [ИБ]⁴

- FRAGMENTA CHILANDARICA XII-XIII вв. Библ. Хил. мон. № 380

/72 лл/ [ФХ]⁵

² Б. А. Успенский: Архаическая система церковнославянского произношения. /Из истории литургического произношения в России/. Москва, 1968, стр. 97.

³ См. С. Булич: Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. ч. I, СПб., 1893, стр. 133.

⁴ Е. Э. Гранстрем: Описание русских и славянских рукописей. ГПБ. Л., 1953, стр. 74.

⁵ FRAGMENTA CHILANDARICA. Mon. Mus. Byz. Vol. 5. Copenhagen, 1957, В. Hirmologium

- Ирмологий Григоровича XII-XIII вв. ГБЛ Ф.87, № 37 /99 лл/
ИГ⁶
- Ирмологий Московской Типографской Библиотеки XI в. № 149 и
№ 150 /34 и 40 лл./ Т⁷
- Ирмологий XII в. /или XII-XIII вв./ ГИМ Воскр. собр. № 28
В⁸
- Ирмологий XIV в. ГПБ О.п.И. 65. /2 лл/ И65⁹
- Ирмологий XV вв. ГПБ. Соф. собр. 497 С¹⁰
- Сборник певческий XVI в. Собр. Д.В. Разумовского № 12; ГБЛ
Ф № 379 [Р]
- Служебные Миней 1095-1097 гг. ¹¹

---

⁶ См. А.Е. Виктор: Собрание рукописей В.И. Григоровича. М., 1879, стр. 32. Отметим, что Н.Б. Тихомиров недавно, доказал, что отрывки Ирмология ИБ, ФХ и ИГ представляют собой часть одного и того же рукописного ирмология, найденного В.И. Григоровичем в Хилендарском монастыре. См. Н.Б.Тихомиров: Ирмологий /ненотный/. В кн. Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. I. М., 1973, стр. 316.

⁷Е. Koschmieder: Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente. Lfgn. 1-3. München, 1952-1958. Abh. der Bayer Akad. der Wissenschaften, N.F. Lfg.1. 1952/ /Hf. 35/, Lfg.2. 1955/Hf.37./Lfg.3. /Hf.45/.

⁸ Ст. Смоленский: Краткое описание древнего /XII-XIII вв/ знаменного ирмология. Казань, 1887.

⁹ См. Е.Э. Гранстрем: Описание русских и славянских рукописей ГПБ. Л., 1953, стр. 48.

¹⁰Рукопись известна нам по фотокопии. Отметим, что она представляет собой ирмологий без нотации.

¹¹См. В.И. Ягич: Служебные Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь по рукописям Моск.Синод.Тип. 1095-1097 гг. СПб., 1866, "Памятники древнерусского языка".

- Из опубликованных новгородских грамот на бересте XI, XI-XII, XII вв. следующие:

XI в.: № 90, 109, 120, 121, 123, 181, 245, 246, 247, 526, 527.

XI-XII вв.: № 7, 8, 9, 84, 119, 164, 238, 241, 335, 336, 338.

XII в.: № 74, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 86, 87, 103, 107, 380. ¹²

1. Отражение норм искусственного произношения в рукописях литургического содержания XI-XII вв.

1. Особенности произношения редуцированных гласных

Редуцированные гласные в фонетически слабой позиции во всех морфемах сохраняются на письме в разных списках хронология XI-XIII веков. На 8 л. ИБ встречается всего один однозначный пример: Спасѣи 106, который свидетельствует о падении слабого редуцированного. Следует отметить, что тот же корень на л. 6 об. пишется с ѣ, причем над ѣ стоит нотный знак: съпасѣо. В более поздних списках /с, р/ в соответствующих листах наблюдаются формы спасѣи С.5106,

¹² См. А.В. Ариповский, М.Н. Тихомиров: Новгородские грамоты на бересте /из раскопок 1951 г./. М., 1953.

А.В. Ариповский: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1952 г./. М., 1954.

А.В. Ариповский, В.И. Борковский: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1953-1954 гг./. М., 1958.

А.В. Ариповский, В.И. Борковский: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1955 г./. М., 1958.

А.В. Ариповский, В.И. Борковский: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1956-1957 гг./. М., 1963.

А.В. Ариповский: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1958-1961 гг./. М., 1963.

Р 126а /без отражения хомонии/, но сопасло С 53об, Р 127об /с о на месте слабого редуцированного/¹³. В списках ФХ и ИГ также весьма редки случаи пропуска слабых редуцированных: спаслѣ ИГ 9об, пра-вѣвѣрно ИГ 20а, творца ИГ 29об, многomiлостивѣ ФХ 68об. Э. Кошмидер указывал на то, что при анализе судьбы редуцированных гласных в знаменных ирмологиях нельзя считать убедительным доказательством падения слабого редуцированного те написания, в которых над пропущенными ъ, ъ стоит какой-либо нотный знак, ибо нева указывает на то, что при пении в данном слове звук произносился¹⁴. В списке ирмология В. нет примера падения слабого редуцированного. В ИБ на 200 случаев употребления редуцированных ъ, ъ приходится один пример пропуска ъ, в списке Т на 10000 слов падает всего 2 безоговорочных примера отсутствия слабых ъ, ъ, даже в списке ХІУ в. И65 не встречается примеров отсутствия слабого редуцированного.

¹² /продолжение/: А.В. Арциховский, В.Л. Янин: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1962-1976 гг./. М., 1978.

¹³ О причинах "отсутствия хомонии" в русских ирмологиях см. Е. Koschmieder: Przyczynki do zagadnienia chomonji w hirmosach rosyjskich. Wilno, 1932.

¹⁴ См. Е. Koschmieder: Die ältesten Novgoroder Hirmologion-Fragmente. Lfg. 2. S.64.

Примеры такого рода мы оставили вне внимания при подсчете.

На основании этих фактов особенностью певческих ирмологиев XI–XIV вв. можно считать почти полное сохранение на письме графем ѣ, ѥ на месте слабых редуцированных.

Судьба редуцированных гласных в сильной позиции в древнерусских списках знаменных ирмологиев XI–XIII вв. отражается так, как в других рукописях разного содержания того же времени. В древнейшем списке ирмология В. отсутствуют написания с о, е на месте сильных ѣ, ѥ¹⁵. На 74 лл. новгородских фрагментов ирмология Т по расчетам Э. Кошмидера встречается всего 11 примеров перехода сильных редуцированных в о, е¹⁶. Из этих случаев 6 падает на суффикс -ѣств- > -ѣств- после ѣ, 2 примера на суффикс -ѣн- > -ѣн-, 2 случая на суффикс -ѣд- > -ѣд- и 1 неоднозначный пример на флексии тв. п. ед.ч. словѣсѣмѣ. В более поздних списках ирмология /ИБ – ФХ – ИГ XIII в., И65 XIV в./ число таких примеров значительно больше. В списке ИБ из 29 случаев в 24-ех наблюдается замена сильных ѣ, ѥ с о, е, причем 6 примеров приходится на древнерусские рефлексы общеславянских сочетаний типа ^xтъѣт /въ цѣркви 1а, съ дѣрзновѣни-ѣмѣ 3а, въ вѣржени 8об и др./,¹⁷ 11 на суффиксы -ѣд-, -ѣн-, -ѣств-, -ѣв- /правѣднь и 1об, ѡтъѣцъ 2а, 2об, 3а /2х/, 4об, 5а/2х/, ѡтъ-ѣ ѣскѣ и 3а, божествѣноу 8об, [ѣ]бовню 1а/, 3 примера на корни /благочѣстѣ/а 5об, съшедеъ 5об, распростѣрь 5об/, и встречается 4 неоднозначных примера тв.п. ед.ч. существительных с основой на -ѣ

¹⁵ См. Ст.Смоленский: Краткое описание древнего /XII–XIII вв/ знаменного ирмолога ... Казань, 1887.

¹⁶ Е. Koschmieder: Die ältesten Novgoroder Hirmologium-Fragmente. Lfg.2. S.62.

¹⁷ Написания такого рода несомненно указывают на вокализацию сильных редуцированных в живом произношении писцов. См. А.А.Шахматов: Очерк древнейшего периода истории русского языка. ЭОФ. вып. II, Пг., 1915, стр. 206.

и на согласный /сѣщѣемъ 5а, доухомъ 5а, мѣстѣмъ 3об, плѣмѣмъ 1а/. В списке ИБ сильные редуцированные только в малочисленных случаях передаются на письме графемами ѣ, ѥ /въ вѣдѣчскыѣ 8об, стѣчскѣ и 3а, нѣ 1а, 3а, богомъ 1об/. В других частях того же списка ирмология ФХ, ИГ сильные ѣ, ѥ довольно часто заменены через о, ѐ, причем большинство таких случаев падает на суффиксы -ѣск-, -ѣств- после ж, ч, ш, возникших путем первой палатализации /ФХ: божѣствъныѣ и 21а, 61а, пришѣствѣа 8а, 40об; ИГ: пришѣствѣѥ 39об, божѣствъныѣхъ 96а и др./ на рефлекс о-сл. сочетаний типа ^хтъѣт, ^хтъѣт /ФХ: цѣрковѣ 7а, оутѣрѣди 1а, сѣдѣржати 1а, крѣвню 62об, сѣмѣръ 69об и др., ИГ: оутѣрѣжени 86об, сѣрдѣцѣ 77а и др./ и на суффиксы -ѣн-, -ѣд-, -ѣц-, -ѣв- /ФХ: цѣрковѣ 7а, шѣтецѣ 8б, правѣднѣ 10об, младѣньца 12об и др., ИГ: правѣдѣнѣ 37а, сѣлѣнѣ 6а, любовню 53а, 54об, чловѣколюбѣнѣ 86а, и др./. Следует однако отметить, что во всех упомянутых выше морфемах в ФХ и ИГ представлены многочисленными примерами случаи передачи сильно редуцированных графемами ѣ, ѥ /ФХ: цѣрковѣ 1об, сѣрдѣцѣ 1об, вѣскрѣсѣ 6об, празднѣство 23а, сѣдѣцѣ 37а, осоуѣствѣнаѣ 54а и др., ИГ: сѣрдѣцемъ 8об, вѣнѣцѣ 14а, скѣврѣнаѣ 15а, божѣствѣнѣ 21а, сѣмѣръ 99об и др./.

Редуцированные гласные в сильной позиции в списке ИБ5 /ХІУв./ передаются на письме графемами о, ѐ /милосѣрди а 1а/2х/, мѣртвиѣ 1об, вѣскрѣсноуѣ 1об и др./. Единственным исключением из этой нормы является пример крѣститѣлѣви 1об.

В списке ирмология Р /ХУ-ХУІ вв./ каждый бывший сильный редуцированный обозначается буквами о, ѐ.

Приведенные факты доказывают, что судьба сильных редуцирован-

ных в графической системе певческих ирмологиев отражается так, как в рукописях другого содержания, т.е. в XI–XII вв. редуцированные обозначаются графемами ъ, ь, а начиная с XII–XIII вв. частично заменяются буквами о, е, и могут обозначаться на письме графемами ъ, ь, о, ѡ, е, ѣ. В певческих ирмологиях XIV–XV вв. бывшие редуцированные в этой позиции, как правило, во всех морфемах передаются только буквами о, е, ѣ. В этом отношении графические нормы певческих рукописей подобно рукописям разного характера и содержания отражает процесс вокализации сильных редуцированных и в живом древнерусском произношении и в литургическом произношении при пении.

Для характеристики литургического произношения раннего периода наибольший интерес представляют собой древнейшие списки древнерусских певческих ирмологиев /XI, XI–XII вв./, для которых – как уже было сказано – характерно сохранение на письме графем ъ, ь на месте слабых редуцированных и отсутствие замены сильных редуцированных буквами о, е. Эта графическая норма списков /Т, В/ указывает на то, что несмотря на начавшийся процесс падения слабых редуцированных в живом древнерусском произношении, в литургическом произношении, особенно в пении ъ, ь сохранились дольше¹⁸. Этот известный в науке факт подтверждается и особенностью графической системы более поздних /XII–XIV вв./ певческих рукописей /списки ИБ–ДХ–ИГ, И65/, для которых характерно почти исключительное сохранение на письме слабых ъ, ь, вместе с тем, что на месте слабых и сильных редуцированных начиная с конца XII в., наблюда-

¹⁸ В.И. Борковский – П.С. Кузнецов: Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 101.

ется параллельное употребление графем ъ, ѣ, о /w /, ѣ/б/. Сложнее обстоит дело с вопросом о том, как произносились слабые и сильные редуцированные в литургическом произношении при пении и в церковном чтении в разных веках, как оно менялось с течением времени в XI-XIV вв. В.И. Бороковский определил сохранившиеся слабые редуцированные звуки, как "особые звуки"¹⁹. Факт, что в древнейших русских рукописях наблюдается спорадическая замена слабых ъ, ѣ буквами о, ѣ, привлек к себе внимание исследователей истории русского языка, но это явление либо было объяснено "невнимательностью" писцов,²⁰ либо мимоходом было отмечено, что замена такого рода отражает искусственное церковнославянское произношение²¹.

Существует и гипотеза, выдвинутая А.А. Шахматовым, Н.Н.Дурново, Э. Кошмидером и др., по которой ъ, ѣ слабые и сильные уже в древнейшем периоде, непосредственно следовавшем за крещением Руси, произносились как [о] и [е]²². Однако наука все еще нужда-

¹⁹ Там же.

²⁰ С.П. Обнорский пример воспо-ѣ и др. в Чудовской псалтыри XI в. /97 г/ объясняет опиской. См. С.П. Обнорский: К истории глухих в Чудовской псалтыри XI в. СПб., 1912.

²¹ С.П. Обнорский, говоря о написании тържѣствоуѣмъ в Минее за ноябрь 1097 г. /12606/ и др. заметил, что "здесь мы имеем дело лишь с отражением искусственного произношения на церковный лад". См. С.П. Обнорский: Исследование о языке Минее за ноябрь 1097 г. ИОРЯС, т. XXIX., Москва, 1924, стр. 167.

²² Н.Н. Дурново: Славянское правописание X-XII вв. Slavia. 12 /1933/, стр. 51. А.А. Шахматов: Очерк древнейшего периода истории русского языка. ЭСФ. вып. II, СПб., 1915, § 344. E. Koschnieder: Schwund und Vokalisation der Halbvokale im Ostslavischen. "Die Welt Der Slaven" fohrgang III. 1958. Heft 2, S. 129.

ется в детальном анализе графической системы рукописей XI–XII вв., особенно певческих, наиболее ярко отражающих литургическое произношение.

Замена графем ѣ, ь, обозначающих редуцированные в слабой позиции буквами о, ѣ, или написания с ѣ, ь на месте этимологических о, ѣ – одна из самых интересных особенностей графики певческих рукописей. В списках ирмология XI–XII вв. часто встречаются примеры, отражающие т. наз. хомонии при пении: ФХ: поимо 30а, моногоѣ 38а, бѣгопротивно 47об и др.; ИГ: бѣгъ 21а, ѣсдрѣмоу 45а, зовѣу 78а и др. Эти примеры, на наш взгляд, никак нельзя считать чисто графическим явлением, описками, ибо архаическая система литургического произношения старообрядцев–беспоповцев, сохранившаяся в немного измененном виде хомонии²³, с одной стороны, и древнейшие дошедшие до нашего времени певческие ирмологии /XI–XII вв./, содержащие в себе написания подобного рода с другой стороны доказывают, что здесь мы имеем дело с отражением на письме произношения при пении, а не только с графическими дублетами, появившимися вследствие падения редуцированных /См. написания в списке ирмология В: ново /вм. новъ/, соухо /вм. соухъ/, да благословитсѣ /Зл. ед.ч.!/ , да благословлено /м.р.!/ и др.; в списке Т: доухомон, дѣло /род.п. мн.ч./ бѣгъ и др. – всего около 20-и примеров²⁴. Можно предположить, что писцы певческих ирмологиев одновременно были и певцами и в ходе списывания текста и знамен могли напевать про себя мелодию, что способствовало отражению

²³ Б.А. Успенский: Архаическая система церковнославянского произношения. М., 1968, стр. 36

²⁴ E. Koschieder: Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente. Lfg. 2. S. 62–63.

на письме литургического произношения.²⁵

Хотя вопрос о стихотворной форме силлабических ирмосов пока нельзя считать окончательно решенным, нам кажется наиболее вероятным, что сохранение слабых ъ, ь нельзя объяснить механическим стремлением переписчиков певческих рукописей к сохранению числа слогов; это явление находится в тесной связи с ритмико-мелодическими и просодическими законами церковных песнопений. Известно, что в некоторых случаях в текстах, отражающих полную хомонию /XIX-XVI вв./ наблюдается "отсутствие хомонии"²⁶, или наоборот, иногда в тексте ирмосов встречаются так наз. неорганические редуцированные гласные ъ, ь /См. например, ФХ: изъ оутробы 10а, 42а и др./.

Таким образом, графико-орфографическая норма певческих рукописей, согласно которой ъ, ь в слабой позиции сохранились на письме или могли быть заменены буквами о, ѐ в сильной и слабой позиции; и наоборот, о, ѐ могли передаваться на письме графемами ъ, ь, отражает норму произношения при пении, в котором уже в XI-XII вв. редуцированные ъ, ь звучали как [о], [е].

Искусственное произношение [ъ], [ь] как [о], [е] могло быть нормативным не только при пении, но и при чтении литургических текстов, о чем свидетельствуют примеры с о, ѐ на месте слабых редуцированных в древнейших певческих рукописях XI-XII вв. /золо-

²⁵ В.А. Успенский: Архангелская система ... стр. 114.

²⁶ Н.Д. Успенский: Теория древнерусской музыки. М., 1968, стр. 204. Р.О. Якобсон: О соотношении между песенной и разговорной народной речью. ВЯ, 1968, № 3, стр. 87-90.

R. Kerschbieder: Przyczynki do zgodnienia chomony w formachach ros yjskich. Wilno, 1852.

Ѣ Изборник Святослава 1073 г. 172об, жестосердыимъ Новгородские Служебные Минеи 1055 г. л.122, тъжествууѣимъ Новг. Служ. Мин. 1097 г. 126об, воспоѣх Чудовская псалтырь л.97/ и в рукописях для пения, но без нотных знаков /веса , въ църкови и др. Стигирѣф 1157 г.; преподобене Благовещенский кондакаръ 1об, вшедо Благовещ. кондакаръ 11об; золовѣрни, църкове, вотороѣ и др. Бѣремовская Коричал и пр.²⁷

Искусственное произношение слабых ѣ, ѥ в литургии, хомония отражается и в таких частях текста, которые не нотированы /см. ФХ лл. 71а - 72а/, которые даже никогда не пелись /например в заглавиях/.²⁸

Число примеров такого рода, отражающих искусственное произношение редуцированных в древнерусских рукописях XI, XI-XII вв. значительно, их нельзя считать просто "описками", но все-таки по сравнению с этимологически правильными формами они представлены в меньшем количестве, причем многим рукописям совсем неизвестны написания с о, е, на месте слабых редуцированных. В научной литературе существует несколько гипотез для объяснения этого явления. В последнее время И.Х. Тот, вслед за Н. Дурново, отсутствие отражения искусственного произношения ѣ, ѥ в древнейших одноеровых рукописях объясняет тем, что искусственное произношение слабых [ѣ],

²⁷ На примеры такого рода обратил внимание А.А. Шахматов. См. А.А. Шахматов: Очерк древнейшего периода истории русского языка. ЗОФ. вып. 11, СПб., 1915, § 344.

²⁸ М.В. Бражников: Певческие рукописи и русская палеография М., 1949, стр. 446.

[ь] как [о], [е] на Руси сложилось только к концу XI в., ко времени появления на Руси южных славян, не различающих в своем произношении сильных [ъ], [ь] и [о], [е].²⁹ Нельзя исключить, однако, возможность и того, что искусственное произношение [ъ], [ь] как [о], [е] в литургии русской церкви было нормативным уже в конце X – в начале XI в. Это произношение могло сложиться под влиянием диалекта западноболгарских священников-учителей, прибывших в Киевскую Русь при Владимире и позже при Ярославе³⁰. Вокализация сильных [ъ], [ь] в западноболгарских диалектах началась в X в.³¹ В то же время, как известно, древнеболгарскому языку, древнеболгарским классическим рукописям чужда замена слабых ъ, ь буквами о, е.³²

Итак, русские священники-ученики, правильно различавшие в своем живом произношении [ъ], [ь] сильных и слабых и звуки [о], [е], по образцу своих учителей-болгар, в литургическом произношении каждые [ъ], [ь] могли произносить как [о], [е]. Отсутствие отражения искусственного произношения в графике некоторых ранних рукописей объяснимо двумя причинами: писцы придерживались норм старо-

²⁹ И.Х. Тот: К изучению одноеровых памятников XI в. *Studia Slavicae Hung.* XXIV. 1978, стр. 257.

³⁰ А.А. Шахматов: Церковнославянские элементы ... М., 1952, стр. 257.

³¹ К. Мирчев: Историческа граматика на български език. София, 1978.

³² А. Вайан: Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 47.

По свидетельству дошедших до нас древнерусских, среднеболгарских и сербских певческих рукописей искусственное церковнославянское произношение редуцированных гласных берет свое начало в кирилло-мефодиевскую эпоху. Недавно найденные Ст. Кожухаровым 12 памятников староболгарской музыки содержат в себе ценный материал для изучения литургического произношения. /См. написания в Триоди XIII в. тѣмъѣѣ, ѡнѣѣ и др./ 35.

³³ И.Х. Тот: К изучению одноеровых памятников XI в. *St. Sl. Hung.* XXIV., 1978, стр. 257.

35 См. рецензию Р. Златановой на доклад Ст. Кожухарова, прочитанный на "Первом Международном Коллоквиуме по Палеоболгаристике". "Фитафиксация нот в среднеболгарских рукописях XII-XIII вв. или двенадцать недавно найденных памятников староболгарской музыки". Старобългаристика - Palaebulgarica II., 1978, 4, стр. 73.

фитафиксацию, находятся в непосредственной связи с глаголической традицией", ³⁶ что дает нам основание предположить существование особого литургического произношения редуцированных уже в IX-X вв. В сохранившихся от XV в. сербских певческих рукописях также встречаются примеры, свидетельствующие об искусственном литургическом произношении слабых редуцированных – согласно развитию сербохорватского языка – как [а]. /См. примеры: въ уустѣхъ, въсхвалимъ, сътвори и др./ ³⁷

На основании этих данных можем установить, что в X-XII вв. древнеболгарский язык, функционируя как общий древнеславянский литературный и культовый язык у славян, принадлежавших к византийской культурной среде – кроме местных особенностей – характеризовался не только общими морфологическими, лексическими, синтаксическими особенностями, но как язык богослужения имел и своеобразные нормы произношения. Самая интересная из этих норм – искусственное произношение слабых редуцированных как [о], [е] в Киевской Руси, [а] в Сербии, [о], [е] в западной Болгарии. Общее в этом литургическом произношении для православных славян было расхождение, несовпадение норм литургического произношения с нормами живого произношения.

2/ Другие особенности литургического произношения

На основании анализа графической системы исследуемых нами рукописей литургическое произношение кроме искусственного произ-

³⁶ Ст. Кожухаров: там же.

³⁷ Л.Е. Пеннингтон: Правила изговора литургијског појања у Србији у петнаестом веку. В кн.: "Стара српска музика", Београд, 1975, стр. 33-49.

Рефлексы о.славянских сочетаний типа ^xtort в певческих ирмологиях XII-XV вв. без исключения представлены южнославянскими по происхождению формами, с метатезой /Напр. ИБ: злато 40б, прохлажае- [ми] 8б, ФХ: съласъмь 14а; ИГ: хладъ 65об и др./ Нормативность произношения по южнославянскому образцу в певческих ирмологиях – кроме общих правил церковнославянского языка русского извода – могла под- держиваться и ритмо-мелодическими причинами.

Нестяженные написания в определенных грамматических формах /род.п. ед.ч. полных прилагательных, имперфект/ – одна из важней- ших характерных особенностей певческих рукописей XI-XV вв. В отли- чие от графики непевческих рукописей того же времени – в которой, начиная с XI в. встречаются стяженные формы – в певческих ирмологиях почти без исключения употребляются только нестяженные формы: прохла- жаахоу сд ИБ; роженааго ИГ 74об, ликъствоваахоу ФХ 49а; орощьшааго Т № 150 40об; падъшааго И65; радоваахоу сд В 112об и др. Заслужи- вает внимания тот факт, что в этих случаях над обеими буквами аа всегда надписано 2 нотных знака, что указывает на то, что при пении там звучало либо растянутое долгое [а], либо произносились оба зву- ка. Можно предположить, что сохранившееся у старообрядцев произно- шение подобных форм с "долгим двувершинным а" ⁴⁰ имеет свои корни в литургическом произношении Киевской Руси XI в. Похожее явление на- блюдается и в записях сербских церковных песнопений XV в, в которых А.Е. Пеннингтон обнаружила всего лишь один несомненный пример конт- ракции форм имперфекта /испитооваше/ ⁴¹. Такие морфологические ар-

⁴⁰ Б.А. Успенский: Архангелская система..., стр. 46, 73.

⁴¹ А.Е. Пеннингтон: Правила изговора..., стр. 41.

лексемы, как нестяженные формы прилагательных, по просодическим, ритмическим причинам сохранились и в русских былинах⁴².

Графема и в певческих рукописях передавала [jъ] /напр. прѣхвальнѣи ИБ 5а, им.п. ед.ч. м.р. / и [jī] /напр. торжѣствоуите ИБ 5об/ в положении после гласного в литургическом произношении. Неими надписаны над и, стоящим после гласного, однозначно указывают на то, что и после гласного не перешло в [j], а было слогообразующим, и произносилось как [jъ], [jī]. Такое же произношение и в сербском богослуженном пении, где удвоение буквы и в таких случаях отражает его слогообразующее произношение⁴³.

О качестве произношения г исследуемые нами певческие рукописи дают очень скромный материал. В ИГ два раза пропускается слог -го- из слова "благословити" /См. ИГ: благословите 8, благословенъ 12/, что может указывать на южнорусское произношение рукописи. Нельзя однако исключить возможность того, что в литургическом церковном произношении фрикативное произношение г - как на юге Руси - могло быть если не обязательным, то факультативным.⁴⁴

Подводя итоги нашим наблюдениям над графической системой рукописей, содержащие в себе литургические тексты, певческие и не - певческие, можно установить следующие особенности:

1. Произношение ъ, ь /сильных и слабых/, как [o], [e].
2. Одинаковое или близкое друг к другу произношение ѣ и е, как [e].
3. Произношение ѣ /из о.сл. ⁺tj, ⁺kt, ⁺t / как $\tilde{s}\tilde{c}$]

⁴² Л. Васи́льев: Язык "Беломорских былин". ИОРЯС У1, кн. 4, 1902, §§ 26,31. Р.О. Якобсон: О соотношении... стр. 87-90.

⁴³ А.Е. Пеннингтон: Правила изговора ..., стр. 41.

⁴⁴ Б.А. Успенский: Архангелская система ..., стр. 67.

4. Исключительное произношение ж [ʒ] на месте о.сл. + *dy*
5. Нормативное произношение типа трат на месте о.сл. + *tort*.
6. Сохранение в произношении нестяженных грамматических форм [aa]
7. Слогообразующее произношение и в послевокальной позиции
8. Возможно, фриктивное произношение согласного г.

Эта система литургического произношения во многом отличается от живого древнерусского произношения – в этом смысле мы можем говорить об искусственном церковнославянском литургическом произношении. Однако различительные черты этой системы мы можем считать искусственными только потому, что они расходятся с соответствующими элементами живого произношения. В то же время нельзя упускать из виду, что каждый элемент литургического произношения построен на древнерусской артикуляционной базе; в этой системе нет ни одного звука, неизвестного живому произношению. Искусственность системы литургического произношения проявляется в более медленном темпе, более тщательном произношении звуков, чем в разговорной речи, в неразличении ударяемых и безударных слогов, в чтении "нараспев"⁴⁵. Это и является одной из причин возникновения особого литургического произношения. Несмотря на то, что некоторые различия могли быть между произношением священника при чтении евангельских текстов и произношением при пении⁴⁶, указанные выше особенности могли быть свойственны в целом литургическому произношению. Ответ на вопрос о том, какова была связь между литургическим произношением и манерой

⁴⁵ С. Булич: Церковнославянские элементы ..., стр. 130 и сл.

⁴⁶ Н. Дурново: Славянское правописание..., стр. 49.

предположения в других сферах древнерусского литературного языка, а следовательно, и в сфере литературного произношения на городище. В периодичность — вопрос сложный. С целью решить вопрос о времени — дата — происхождения — на эти вопросы, мы привлекли в круг исследователей памятников древнерусского языка древнейшие /XI, XI—XII вв./ новгородские грамоты на бересте, которые наиболее ярко отражают живое древнерусское произношение.

11/ Строение элементов искусственного
литургического произношения в графике
новгородских грамот на бересте XI—XII
веков

При археологических раскопках, проведенных в Новгороде, были найдены берестянные грамоты разного содержания и назначения. Текст обнаруженных грамот на бересте показывает, что население средневекового Новгорода писало на бересте свои письма, хозяйственные документы, инвентари, списки денежных долгов и др. На бересте процарапывали буквы и рисунки Онфим, "школьник" XIII в. и его товарищи, обучавшиеся грамоте. Исследователям известны берестянные грамоты, содержащие в себе текст молитв и даже литургических песен.⁴⁷ Известно, что еще при жизни основателя /XIV в./ в Троице-Сергиевской Лавре пользовались берестой для списывания церковных книг⁴⁸. Береста в качестве материала для письма, таким образом, удовлетворя-

⁴⁷ Грамота № 419 содержит в себе текст стихир, а грамоты № 128, 207, 351 — отрывки молитв.

⁴⁸ А.В. Арциховский, М.Н. Тихомиров: Новгородские грамоты... М., 1953, стр. 13. См. еще грамоту № 87 / Ѡ дробче Ѡпапа... / — письмо попа.

да не только потребностям простого, мирского населения, но и церкви.

Грамота № 422, письмо Местяти, написанное не самим "отправителем", а продиктованное какому-то третьему лицу, указывает на то, что несмотря на широкое распространение грамотности среди населения Новгорода XI-XIV вв., были и такие горожане, которым не давалось усвоение грамоты⁴⁹. Нельзя исключить возможность того, что одна часть новгородских берестянных грамот, — быть может, даже некоторые из тех, в которых нет на это прямого указания — написаны не представителями простого, мирского населения, а попами, церковными лицами или образованными людьми, обучавшимися в церковных школах⁵⁰. Эти лица, возможно, профессионально занимались оформлением письменных документов, завещаний, писем новгородского населения.

В научной литературе не раз подчеркивалось значение новгородских берестянных грамот для изучения живого, разговорного древнерусского языка. Исходя из указанных выше фактов и соображений, на наш взгляд, анализ берестянных грамот может дать исследователям ценный материал и для исследования формирования правописных норм литературного языка и для изучения литературного древнерусского произношения.

Анализ графико-орфографической системы исследуемых берестянных грамот показывает, что свойственные рукописям литургического содер-

⁴⁹ А.В. Арциховский: Новгородские грамоты... М., 1963, стр. 31.

⁵⁰ О системе обучения грамоте в древнейшую пору /XI-XII вв./, к сожалению, не имеется прямых источников. По более поздним источникам /XIV-XV вв./, в Древней Руси обучение грамоте детей, начиная с семилетнего возраста, велось в церковных школах. См. об этом: Д.С. Лихачев: Культура Руси времени Рублева и Е. Премудрого. М.-Л., 1962.

ханий графико-орфографические "правила" - осуществляющиеся как тенденция - отражаются и в графике новгородских грамот на бересте. Известно, что памятники церковнославянского языка русского извода XI-XII вв. принадлежат либо к одноеровой, либо к двуеровой графическим школам, сформировавшимся в Болгарии в IX-X вв. Большую часть изучаемых нами грамот можно причислить к двуеровой, этимологической графической школе. Однако среди новгородских берестянных грамот встречаются и такие, которые принадлежат к одноеровой школе, употребляющей преимущественно ѣ /№ 109/ или ѣ /№ 7,8/⁵¹. Быть может, в грамоте № 460 /XII в./, содержащей в себе 34 буквы азбуки - отсутствуют Ѣ, Ѥ, Ѧ, Ѩ, Ѭ - отсутствие графем Ѥ, Ѭ указывает на одноеровую школу с преимущественным употреблением ѣ. Написание длѣжнь /№ 336, XI-XII в./ с ѣ после д также отражает влияние орфографии церковнославянских рукописей. Согласно правописной "неупорядоченности" употребления дублетов типа ѣа/ѣ, ѣе/ѣ в ранних церковнославянских рукописях XI-XII вв., писцы новгородских грамот XI-XII вв. употребляют эти дублеты без каких-либо правил /ср. новѣгородѣнина № 246, гостѣтоу № 527, на мѣѣ № 245, ѣти № 238 и др./. В результате стремления писцов к упорядоченности употребления дублетов в XII-XIII вв., буквы ѣа, ѣе, как правило, употребляются в начале слова и слога, а ѣ, ѣ после согласного. Стремление русских книжников к упорядочению правописания, появляющееся в памятниках литературного содержания XIII-XIV вв., отражается и в правописных нормах новгородских грамот на бересте того же времени⁵².

⁵¹ И.Х. Тот: К изучению одноеровых памятников..., стр. 252./отв.ред./

⁵² В.И. Борковский: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестянных грамот. М., 1955, стр. 72.

Графические нормы новгородских грамот следуют за изменениями в графико-орфографических нормах рукописей литературного содержания настолько чутко, что, например, графема Х, постепенно выходящая из употребления в рукописях XII в., появляется только в одной берестяной грамоте XII в. /№ 240/.

Целый ряд фактов указывает на то, что в ходе обучения грамоте жители Новгорода, простые русские люди, усваивали не только графические нормы, но и их живое произношение, особенно сильному влиянию искусственного церковнославянского, литературного произношения могло подвергаться их произношение при чтении.

В графической системе древнейших новгородских грамот при почти полной сохранности графем ѣ, ѥ на месте слабых редуцированных наблюдается смешение ѣ, ѥ и о, е. В исследуемых нами 35 грамотах XI, XI-XII, и XII вв. обнаруживается всего несколько примеров пропуска слабых ѣ, ѥ: възми № 84, полоугривнѣ, створа XII в. двѣ № 108; в то же время число примеров смешения ѣ, ѥ с о, е в слабой позиции этимологического редуцированного превышает 10 случаев: коуно род.п. мн.ч. № 80 XI в. /!/, васильви № 9⁵³, во роукахо № 107, въземни № 78, во дворо № 82, ко ѡѣмѣ № 82, пѣкландине № 87, хоцьши № 107, и др. Таким образом, мы можем установить, что влияние церковнославянской манеры произношения могло появиться в одинаковом произношении ѣ, ѥ и о, е.

При преобладающем употреблении в новгородских грамотах полногласных форм, отражающих живое восточнославянское произношение писцов /корова, коровѣ, коровоу № 8, новѣгорожднина № 246/, обна-

⁵³ флексия -ѣвн- могла появиться и под влиянием основ на ѣ, но это объяснение нам кажется маловероятным. См. Палеографический и лингвистический анализ ..., стр. 109.

руженная нами форма чьстьное дрѣво /№ 246, ХІв./ указывает на то, что для письменной речи русского населения Новгорода не были чужды церковнославянские лексические элементы в древнеболгарской фонетической огласовке.

Форма атче, встречающаяся в грамоте № 109 /ср. др.р. аче и ст.сл. аште/, на наш взгляд является графической контаминацией и дает нам основание предполагать, что писец грамоты, колеблясь между своим живым произношением и усвоенным церковнославянским правописанием и произношением, если не в своем живом произношении, то в произношении при чтении мог произнести это слово на церковнославянский манер, как [aʃte] или [aʃce].

Об одинаковом или близком друг к другу произношении на церковнославянский манер ѣ и е свидетельствуют многочисленные примеры смешения ѣ и е в древнейших новгородских грамотах /ср. веверицьми № 246 и въверицами № 335, въверичь № 105; лето № 246 кълѣа, кълѣа № 247; векшею № 336 и въкъшоу /sic./ № 120; къ микоуле, ныне /2х/, техъ № 109 и нынѣ № 9 и пр. ⁵⁴

Подводя итоги нашим наблюдениям над графикой певческих и других рукописей литургического содержания и над графическими особенностями новгородских грамот на бересте X–XI вв., мы можем установить, что русская церковнославянская графика и искусственное церковнославянское /литургическое/ произношение оказали заметное влияние на графику новгородских грамот и на произношение /при чтении/ грамотных людей. Это влияние осуществилось в процессе обуче-

⁵⁴ Формы типа едеша № 8, доеди № 9, отражающие раннее изменение [+ ѣ 7 j + e] оставили вне внимания. См. Палеографический и историко-лингвистический анализ ..., стр. 88.

ния грамоте жителей Древней Руси церковниками. Искусственное церковнославянское /литургическое/ произношение влияло на живое произношение русских людей и во время литургии, активными участниками которой как певцы хора они могли быть. Слушая или распевая богослужебные песни, внимая псалмодическому чтению священника, память верующих воспринимала искусственное литургическое произношение, оно могло утвердиться и оказать сильное влияние на их произношении при чтении и стать психологическими факторами такого произношения ⁵⁵.

Итак, на наш взгляд, при анализе и датировке письменных источников древнерусского языка даже не богослужебного содержания, должно быть учтено и влияние искусственного литургического произношения.

Известно, что традиционные палеографические признаки неоднозначны и не всегда применимы для датировки берестянных грамот, ввиду того, что они обладают многими специфическими чертами. При датировке грамот на бересте решающую роль должны сыграть языковые факты. Однако при этом нельзя забывать о том, что грамоты на бересте отражают живой говор их писцов опосредственно, так как в них дают о себе знать элементы церковнославянской графики и литургического произношения. Так например, в грамоте № 9 /грамота датируется исследователями или XI-ым или XII-XIII вв./, на наш взгляд, сохранение слабых ѣ, ь вместе со случаем смещения ь и е не могут доказывать ни раннее, ни более позднее происхождение рукописи, ибо эти явления, как было доказано выше, могут отражать влияние церковно-

⁵⁵ По мнению Ст. Булича, церковнославянские фонетические элементы утвердились в живом русском языке в первую очередь устным, а не письменным путем, именно, под влиянием протяжного произношения священников. См. Ст.Булич: Церковнославянские элементы..., стр. 193.

славянской графики и искусственного произношения. В.И. Борковский считает невозможным раннее происхождение /XI в./ грамоты № 109 потому, что в ней употребляется из еров только ѣ, а ѣ смешивается с графемой е, что по мнению Р.И. Аванесова, указывает на XII в.⁵⁶ Учитывая тот факт, что оба графических явлений известно в рукописях XI в., литургического содержания и в этом случае мы можем иметь дело с влиянием церковнославянской графики, таким образом, нельзя исключить и возможность раннего происхождения грамоты № 109. Так же обстоит дело с датировкой грамоты № 8, в которой встречается форма сорокъ /ѣ вм. ѣ/, ведь писец грамоты мог принадлежать к одноеровой школе с преимущественным употреблением ѣ.⁵⁷

Анализ исследуемых рукописей XI-XIII вв. дает нам основание установить, что особое литургическое церковнославянское произношение, отличавшееся от живого народного произношения, в основных своих чертах сформировалось уже во время Киевской Руси. В дальнейшем, в XIV-XV вв., во время второго южнославянского влияния церковно-славянская графика и литургическое произношение дополняется новыми элементами /восстановление юсов в графике, распространение форм с сочетанием жд /вм. др.р. ж из ѣ и др./. Изучение этого вопроса уже остается за пределами настоящей работы и требует дальнейших специальных исследований.

⁵⁶ Палеографический и лингвистический анализ ..., стр. 81.

⁵⁷ Там же, стр. 126. П.С. Кузнецов пишет, что "Сомнителен ѣ вм. ѣ, если грамота древняя".

ЯВЛЕНИЕ ПОЯВЛЕНИЯ В НОВЫХ ПСКОВСКИХ ГРАМОТАХ XIV-XV ВВ.

Г. Кором

В многочисленной группе памятников древнерусской письменности важное место занимают и письменные источники древней Псковщины. В дошедших до нас памятниках древнепсковской письменности, из которых наиболее древние датированы XIII-ым веком, отражаются важнейшие языковые особенности древнепсковских диалектов, указывающие на значительные отличия древнепсковских говоров от других территориальных диалектов древнерусского языка.

В числе древнепсковских документов большое значение имеют псковские земельные акты XIII-XIV вв. Однако до середины 60-х годов учеными было обнаружено лишь небольшое количество земельных актов: всего 15 - из них девять публиковались в сборнике новгородских и псковских грамот. /ГВФП/. Пять земельных актов были опубликованы в отдельных изданиях, кроме того Н.С. Валком в 1961 году была издана еще одна псковская данная XV века.

В истории изучения псковских земельных актов большую роль играли годы предыдущего десятилетия, на протяжении которых Л.М. Марасиновой было обнаружено еще 30 псковских земельных актов, причем один из них в подлиннике. Они были найдены в Псковском историко-художественном музее. вновь обнаруженные грамоты были опубликованы Л.М. Марасиновой в отдельной книге, вышедшей в 1966 году, в Москве.

Поскольку истории Псковских земельных актов посвящена целая книга, мне не будет останавливаться на подробной характеристике этих грамот. В связи с судьбой новых псковских земельных актов мне считалось существенным отметить то, что все они, за исключением одной, являются копиями, снятыми разными писцами в XVII-XVIII веках с оригиналов

XIV-XV вв. Вот эта специфика новых псковских грамот и определила основные задачи нашей работы:

во-первых - описать еще совсем не изученные с лингвистической точки зрения памятники древнепсковской письменности;

во-вторых - выяснить, насколько могут служить копии XVII-XVIII веков материалом для лингвистических суждений о диалектных чертах псковских говоров XIV-XV вв.

Мнения всех исследователей древнепсковских говоров сходятся в том, что одной из наиболее существенных диалектных черт псковских говоров XIV-XV вв. является неэтимологическое употребление аффрикат -ц и -ч. Это явление представлено и в новых псковских грамотах, хотя в небольшом количестве: в качестве примеров, указывающих на замену -ч на -ц, мы можем привести следующие написания: "Пнесковицъ /1/, Григори-ницъ /2/, Михъвицъ /3/, соцыти /11/, Захарыицъ /11/, посадницъ /24/ - прит. прил. мужского рода. Михалевицъ /24/, посоднице /27/ - прит. прил. женского рода. вобцехъ /28/, на Завелицья /34/".

Количество примеров замены -ц на -ч совсем невелико: сочъский /2/, сочке /9/, Милечкого /12/, у менничю /16/, ис пословицъ /29/, конечъ /30/".

Кроме примеров, указывающих на неправильное употребление аффрикат, наглось немало написаний, свидетельствующих об этимологически правильном употреблении обеих аффрикат: примеров на правильное употребление -ч- насчитывалось 123, а примеров на -ц- в соответствии с этимологическим -ц- - 131. Правильность употребления обеих аффрикат здесь пока поднимается без учета характера их произношения. О мягкости и твердости аффрикат будет сказано ниже.

Как видно на примерах, замена -ц- на -ч- наблюдается в корнях слов и на стыке морфем и представлена как в словах бытовых, так и в словах книжного характера. Мы не могли выделить особых фонетических позиций, в которых односторонняя замена одной аффрикаты на другую осуществлялась бы чаще, а также не отметили специальных грамматических форм со специальным употреблением аффрикат. Все это говорит в пользу гипотезы, как это было установлено и другими исследователями древнепсковских говоров; Каринским и Кандауровой, что осуществление этого фонетического явления не было ограничено ни лексически, ни грамматически, а также не зависело от фонетических условий. Интересно отметить, что -ч- в одном примере стоит не на месте этимологического -ц-, а -ц-, полученного в результате выпадения редуцированных: если взять форму "сочьский" /2/, мы можем убедиться в том, что здесь не было никакого -ц- или -ч- до выпадения редуцированного заднего ряда эта форма звучала как сотъский, а после падения глухих, как соцький, что и встречается в нескольких грамотах: "от соцких /1/". А -ч- появи-лось в этой форме вместо -ц-, полученного путем упрощения сочетания согласных -тск-.

В связи с примерами на замену -ц- на -ч-, обнаруженными в новых псковских грамотах, нам представляется целесообразным остановиться на двух вопросах: первый из них связан с цокающим характером языка писцов этих грамот; а далее с тем, как отражается сильно цокающий характер древнепсковских говоров XIV-XV вв. в списках XVII-XVIII вв, т.е. как оценивать написание типа "у мельничю", как форму, отражающую явление чоканья, или как непоследовательное отражение на письме цоканья, а второй связан с характером произношения аффрикат в языке

писцов вообще. Поскольку эти два явления теснейшим образом связаны друг с другом и развивались неразрывно друг от друга, мы должны будем рассмотреть их параллельно.

Взаимное, ничем не обусловленное смешение букв -ц- и -ч- /хотя примеров замены -ч- на -ц- в два раза больше/ может свидетельствовать о том, что в языке писцов -ц- и -ч- совпадали в одном звуке, разницы в произношении между ними не было. К тому же выводу пришел и Н. Каринский, который в произведении "Язык Пскова и его окрестности XIV-XV вв." отмечает: "Очевидно, что некоторые по крайней мере писцы вовсе не различали -ц- -ч-". Такого же мнения придерживается и Т.Н. Канданурова, которая утверждает, что древнепсковский говор был шепелявым, как и сам звук, произносившийся на месте этимологических -ц- и -ч-. А то, именно каким был этот звук, т.е. какой элемент преобладал в нем /ч^н/ как предполагал Н. Каринский, или /ц^ч/ как утверждал Шахматов можно определить на основе написаний, указывающих на замену -ч- через -ц-. Мы считаем, что отмеченные в новых псковских грамотах примеры с заменой -ч- на -ц- указывают на цокающий характер языка писцов некоторых грамот. Это высказывание подтверждается и мнениями всех исследователей древнепсковских говоров, которых при рассмотрении судьбы аффри-т в данных говорах пришли к выводу, что для псковских говоров XIV-XV вв. было характерно сильное мягкое цоканье и или не было отмечено примеров на цоканье: Каринский в "Языке Пскова..." приводит массу примеров на мягкое цоканье: в Сборнике Софийской Библии: 600, в Поле 1494 г.: 400.

Также отсутствуют примеры, свидетельствующие о цоканье в новгородских говорах того времени, оказавших сильное влияние на формирование, на судьбу древнепсковских говоров. Поэтому мы считаем, что написания с обратной заменой -ц- на -ч- не могут опровергнуть сло -

жившегося в научной литературе мнения о цокающем характере древнепсковских говоров, тем более, что сами по себе написания с заменой -ц- на -ч- еще не могут быть признаны доказательством в пользу того, что -ц- и -ч- совпадали в -ч-. Написания подобного типа отмечались исследователями и в таких документах, в которых цокающий характер языка писца не может подлежать сомнению. В связи с такими написаниями в "Истории аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров" Орлова отмечает: "Значительное распространение slu-чаев замены буквы -ц- буквой -ч- на письме на протяжении периода XIV-XV вв. не свидетельствует о том, что именно совпадение -ц- и -ч- в звуке -ч- было представлено в произношении. Вернее предположить, что преобладание употребления буквы -ч- отражало лишь орфографию писца - большую или меньшую степень влияния на него традиционной письменности. Именно в связи с тем, что в произношении писца отсутствовал звук -ч-, он чаще обращался к написанию буквы -ч-, употребляемой им, однако, в связи с навыком произношения одной аффрикаты как в соответствии -ч-, так и в соответствии -ц-, т.е. живое произношение писца скорее всего было при этом всё же цокающим" /стр. 8/. Пожалуй, то же самое можно было бы сказать о написаниях, отмеченных в новых псковских грамотах с заменой -ц- на -ч-, хотя, как было сказано выше, написания с заменой -ч- на -ц- всё-таки явно преобладают над написаниями с заменой -ц- на -ч-, и все это может свидетельствовать о цокающем характере языка писцов данных грамот. Однако, тот факт, что наши грамоты представляют собой не оригиналы, а копии с грамот, сделанные спустя 250-300 лет после написания оригинала, а

также и довольно большая пестрота в обозначении аффрикат в новых псковских грамотах обязывает нас к известной осторожности при определении цоканьего характера языка писцов. Хотя тот факт, что цоканье, представленное в наших грамотах, не может подлежать сомнению, однако для того, чтобы дать точный ответ на этот вопрос, нам надо будет выяснить характер произношения этих аффрикат в языке писцов. Все исследователи древневсковских говоров придерживаются мнения, на основе обширного проанализированного материала – что общий звук, в котором совпадали -ц- и -ч- был мягким. Кандаурова в работе "О языке Пско – ва ..." приводит массу примеров на мягкое произношение -ц- -ч- ;, в написаниях, приведенных ею, после -ч- и -ц- ни разу не пишется -ь, о, у, а. В этом отношении наши грамоты показывают совсем другую картину; с точки зрения твердости-мягкости в них представлены следующие аффрикаты: -ч- мягкое, в соответствии этимологическим -ц- и -ч-: ко- нечь, у мельницю – чюжад, чюдотворца и т.д., примеров на мягкое -ч- насчитывалось 81. Примеров на мягкое -ц- намного меньше: написаний, свидетельствующих о мягком произношении -ц- всего 24: отця, девери- цию и т.п. Мягкое -ц- наблюдается на месте как этимологического -ц-, так и этимологического -ч-.

Нашлось неожиданно много примеров, указывающих на твердое произношение -ц-: 107 – улицы, отцу, верстница, Назарицнц". Твердое -ц- – наблюдается даже при цоканье, т.е. в тех случаях, когда -ц- заменяет этимологическое -ч-: соцнцн, посадницъ, и т.п.

Написания, свидетельствующие о твердом произношении -ч- отысканы довольно в большом количестве: 62: печать, Тешевичъ, печа, опчую.

Обнаружение в новых псковских грамотах примеры в связи с твердостью или мягкостью аффрикат явно противоречат гипотезе, выдвинутой

Каринским и Кандауровой о мягком произношении общего звука на месте этимологических -ц- и -ч-: ведь при мягком цоканье в псковских грамотах XIV-XV вв. недопустимо наличие твердого -ц- и -ч-. Однако прежде чем сделать окончательные выводы о характере произношения аффрикат, мы должны сказать несколько слов об орфографии новых псковских грамот, потому что немало таких примеров, в которых для обозначения твердости-мягкости служат твердый и мягкий знаки -ъ, -ь. При орфографическом анализе наших грамот было установлено, что мягкий и твердый знаки в большинстве случаев служат для обозначения твердости-мягкости этимологически правильно: особенно последовательно употребляется буква -ь- для обозначения мягкости: "камень, одерень," "печать, весь .." Того же самого мы не можем сказать о твердом знаке, потому что он во многих случаях вообще не ставится - особенно в сочетании с губными б, п, м, н, в и в предлогах: от, из, с, в ...". Однако если он пишется, то служит для обозначения твердости правильно: "ц цопомъ, Федосомъ". Поэтому мы считаем, что сочетания типа чъ, цъ должны свидетельствовать о твердом произношении аффрикат: если даже признать непоследовательное употребление -ъ-, такое огромное количество написаний не может быть случайным. На основе этого мы с уверенностью можем установить следующее: в подавляющем количестве случаев мягкость -ц- и -ч- не может подлежать сомнению; примеры см. выше. Также весьма убедительны написания, свидетельствующие о твердом произношении -ц-; множество примеров с буквой -ы- после -ц- несомненно говорит в пользу гипотезы о том, что в языке писцов существовало и твердое -ц-. Однако примеры на твердый -ч- неоднородны, многие из них внушают мало доверия: среди них есть очень много таких, в которых после -ч- пишется -а-: часть /5/, печать /33 раза/.

Эти примеры не обязательно свидетельствуют о твердости -ч-. Вполне возможно, что это просто орфографический прием, связанный с трудностями обозначения мягкости -ч- в сочетании с буквой -а-, ведь написания подобного типа наблюдаются и в подлиннике, в грамоте № 33: "черничамъ, намчатую". Поэтому в связи с твердостью -ч- достоверными мы считаем только примеры типа: Першичь, Бектуевичь... Хотя, как было уже сказано выше, количество таких написаний довольно значительное.

Перечисленные выше примеры, на наш взгляд, должны ярко свидетельствовать о наличии следующих аффрикат в языке писцов новых^х грамот: о наличии твердых -ц-, -ч- и о наличии мягких -ц-, -ч-.

Как мы уже выше отметили, твердое -ч- наблюдается и при цоканье, что должно несомненно говорить в пользу гипотезы о существовании твердого цоканья в псковских говорах ХУІІ-ХУІІІ вв. Проведенные нами наблюдения над характером употребления аффрикат в новых псковских говорах позволяет нам сделать следующие выводы: тот факт, что в этих грамотах представлены как мягкие, так и твердые варианты -ц-, -ч-, должен свидетельствовать об изживании псковскими говорами одной из наиболее характерных черт древнепсковских говоров - мягкого цоканья - и о переходе от него к твердому цоканью. Мы считаем, что процесс утраты мягко цоканящего характера псковских говоров начался не раньше ХУ в. и не позже ХУІ в., и до своего полного завершения он дошел только в ХХ веке. По нашему мнению, противоречащие

---

^х псковских

друг другу написания типа чю, чъ, ця, цы должны объясняться именно переходом от мягкого цоканья к твердому. В этом отношении весьма показательны примеры, обнаруженные в разных списках одного и того же подлинника /от некоторых подлинников осталось несколько списков, в которых очень часто меняются мягкие и твердые -ц- и -ч-/:

Список 1680 г.

Печища
 27-я грамота
Промежицы
Перетворецъ
Колотиловицы
Ченцы
Чернины 3-я грамота

Список 1669 г.

Пецыща
Промежицу
Перетворечь
Колотиловичь
Ченци
Черницы

Список 1684 г.

Улицы
Вятники

Список 1680 г.

Улицы
Житницы

Последний пример ярко указывает на твердое произношение -ч-.

Выдвинутое выше предположение о твердом произношении аффрикат в псковских говорах XVII-XVIII вв. подтверждается и мнениями других исследователей псковских говоров. При анализе текста Псковской судной грамоты /1-ая половина XVII в./ Н. Каринским было отмечено много примеров на твердое произношение -ц-: после -ц- очень часто пишется -ы- и -оу-/стр. 93/. В связи с беспорядочным употреблением аффрикат в средневеликорусских говорах Орлова отмечает, что "твердое цоканье в данных говорах появилось до XVII -го века"/стр.80/. Далее она указывает на

тором отношении параллельно.

В связи с вопросом о языковой принадлежности писцов новых псковских грамот, хотя эта задача не ставилась в настоящем докладе, мы можем отметить следующее: явное нарушение норм древнепсковских диалектов, т.е. языка оригиналов, на наш взгляд, несомненно говорит в пользу гипотезы о том, что писцы копий были псковичами, или они были из тех областей, для языка которых было характерно аналогичное развитие цоканья /например, Новгородские области, или другие северно- или средневеликорусские области/. В противном случае четче выделялись бы особенности в употреблении аффрикат, наблюдаемом в единственном подлиннике, а именно, в 33-ей грамоте, ведь писцы, в языке которых не представлено цоканье, передавали бы тексты или с соблюдением диалектных норм, или с последовательным различием -ц-, -ч-.

то, что переход от твердого цоканья к различению -ц- -ч- осуществляется через различение твердых -ц- и -ч- и оно является для многих говоров актуальным и в наши дни /стр.65./. Пожалуй, этим можно объяснить и то, что в этих грамотах цоканье вообще - независимо от твердости или мягкости - отражается слабо.

Карижский в Псковской судной грамоте нашел всего лишь один пример на цоканье: позвониць /93/. В описанных В.И. Чернышевым псковских говорах есть несколько данных, свидетельствующих о наличии как твердого так и мягкого цоканья, причем цоканье слышится изредка, только в языке старшего поколения. /В.И. Чернышев, Говор Пушкинского района, стр. 112/. Вопрос, связанный с причинами отхода от мягкого цоканья к твердому, выходит за рамки этого доклада и остается открытым.

Итоги: На основе сделанных выше выводов мы с уверенностью можем утверждать, что Новые псковские грамоты XVII-XVIII вв. являются важным материалом для выявления диалектных черт псковских говоров XVII-XVIII вв. С точки зрения употребления аффрикат в них отражается ряд диалектных особенностей, не присущих древнепсковским говорам XIV-XV вв., причем характерные черты древнепсковских говоров отмечены весьма спорадически. Наши грамоты сообщают нам о двух важных этапах развития аффрикат в псковских говорах: от переходе от мягкого цоканья к твердому /соцѣти, Назариниць/, и об отходе от цоканья вообще к различению аффрикат/незначительное количество примеров на цоканье, наличие твердых -ц- и -ч-/. Тот факт, что большинство копий было сделано в 60-е и 70-е годы XVII-го века должен свидетельствовать о том, что эти два явления осуществлялись в неко-

Служебная минея на месяц февраль
первой половины XII в.
/Предварительное сообщение/

И. Х.Тот

Введение

Рукопись № 103 фонда 381 Центрального Государственного архива древних актов представляет собой отрывок служебной минеи на месяц февраль. Февральская минея раньше входила в собрание бывшей библиотеки Московской Синодальной типографии. Несмотря на то, что Минея № 103 считается памятником большой древности, она осталась для нас неизученной. О её неизвестности свидетельствует тот факт, что о ней почти нет никаких библиографических данных. С целью библиографической точности приведём те немногочисленные данные, которые нам удалось собрать об этой интересной рукописи.

И.И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, столбец 39 /среди рукописей, написанных до 1100/.

А.А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Москва, 1916, 42, 43, 68, 175.

Н.В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI-XIV вв. СПб., 1897, 33, 65 /под № 233/.

Обзор документальных материалов по истории СССР периода феодализма XI-XVI вв. Составлен В.Н. Шумиловым. М., 1954, 58-59.

Предварительный список славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР. Составлен И.Б. Шелямановой. Археографический Ежегодник за 1965 год. М., 1966, 190. /под № 38/.

Исследователи, занимавшиеся Мин. № 103, выяснили два важных вопроса, касающихся датировки и места возникновения интересующей нас рукописи. Было установлено, что а/ Миней № 103 относится к XI-XII вв., б/ она была написана, по всей вероятности, в Новгороде для новгородского Лазарева монастыря. При установлении датировки и локализации рукописи исследователи исходили из её внешней истории, и языковые особенности не были учтены ими. Таким образом, можно сказать, что языковые особенности Миней № 103 остались вне поля зрения исследователей. Подобным же образом не были вовлечены в решение вопроса хронологии палеографические особенности рукописи. То есть материал, подчерпнутый нами из Миней № 103, впервые будет введён в научный оборот и может представить для специалистов определенный интерес. В дальнейшем мы остановимся на некоторых палеографических, графических и языковых особенностях интересующей нас рукописи. Полное описание Миней № 103 является предметом особой статьи. Цель нашей настоящей работы - дать общее представление о палеографии, графике и языковых особенностях этой доселе неизвестной рукописи.

Палеография

Миней № 103 является фрагментом служебной миней на месяц февраль: не достаёт ни начала, ни конца рукописи. Однако несмотря на это, сравнительно большой объём сохранившейся рукописи может служить ценным источником важных палеографических и языковых сведений.

Миней на месяц февраль в современном состоянии состоит из 55 листов, написанных в четвёрку. Листы рукописи обрезаны неров-

но, поэтому отдельные листы могут различаться по своим размерам и по форме. По А.А. Покровскому, размер рукописи 21х17 см, однако размер отдельных листов рукописи может значительно колебаться: так например, размер листа 10: 22х18 см. Рукопись написана на пергамене довольно низкого качества: пергамен толстый, жёсткий, грубый с частыми дырами, которые возникли во время обработки кожи. Рукопись без переплёта. Листы составляют тетради, которые сшиты верёвкой. Рукопись разлинована на один столбец как рукописи небольшого размера. Текст помещён между двумя вертикальными линиями. Левая вертикальная линия пишется на расстоянии 1,6 см от левого края пергамена. Правая линия наведена на расстоянии 4,5 см от правого края листа. Наверху проведена горизонтальная линия, которая отделяется от верхнего края на 2,2 см. Подобным же образом снизу на расстоянии 4,6 см находится горизонтальная линия. Таким образом, поле, на котором пишется текст, имеет размер 13х16,4 см. Местами разлиновка проведена косо. Инициалы и маленькие инициалы пишутся, как правило, за пределами левой вертикальной линии. Число горизонтальных линий и число строк совпадает. На каждом листе встречается по 23 строки. Высота строк равна 0,7 см. Средняя высота отдельных букв в строке достигает 0,3–0,4 см. Минея № 103 написана мелким уставом. Почерк разборчивый, торопливый, но довольно изменчивый. Это выражается в том, что начертание нескольких букв, расстояние между буквами и величина букв непостоянны. Хотя письмо довольно небрежное, можно установить важнейшие особенности букв: буквы квадратные, симметричные, переходы от толстых линий к тонким не резкие. Эти черты характерны для самого древнего устава и указывают на XI в. Однако более чёткую

хронологию рукописи можно установить только учитывая особенности тех букв, которые имеют датирующие признаки, т.е. б, ω, ψ. Так как в интересующей нас рукописи буква ψ не употребляется, то мы рассмотрим начертание букв б, ω.

Для буквы б характерны следующие особенности: мачта чуть-чуть выходит за верхний уровень строки. Коромысло немного приближается к верхнему уровню строки. Эти особенности начертания буквы б являются типичными для XII в.¹

Для начертания ω характерно наличие высокой середины. Омега с высокой серединой встречается ещё в рукописях первой половины XII в.² Таким образом, датирующие приметы начертания букв рукописи № 103 позволяют отнести её к первой половине XII в. Дополнительными данными к установлению написания интересующей нас рукописи служат архаические начертания некоторых букв.

Прежде всего следует упомянуть букву ж, которая пишется в три приёма, как в древнейших рукописях. Она исполнена небрежно, но симметрично: верхняя и нижняя часть буквы одинаковы. У буквы ч чаша округлая, местами довольно глубокая. Эти приметы букв ж, ч могут подтвердить указанную выше датировку Минеи № 103.

Наряду с датирующими приметами существуют и такие особенности почерка, которые – хотя встречаются и в других рукописях конца XI в. – скорее всего являются индивидуальными особенностями писца.

Своеобразной особенностью можно считать то, что некоторые буквы или сверху или снизу оканчиваются ограничительными штрихами. К буквам д, д, ц, с, х, а прибавляется сверху тонкая горизонтальная чёрточка. У некоторых букв мачта /левая или правая вертикальные линии/похожа на удлинённый овал /л. 16, строка

3; л. 16, строка 23; л. 26, строка 2/. Эти особенности почерка не чужды памятникам XI-XII вв. Так например, ограничительные штрихи употребляются писцом Минеи № 13 за месяц июнь. Подобным образом оба писца этой же минеи пишут горизонтальную черточку сверху у некоторых букв /л, п, с, е, в/³. Овальная мачта букв н, и известна из Русской части Саввиной книги.

Интересной чертой письма исследуемой рукописи является то, что некоторые буквы имеют два, три варианта. Буква ь обычно пишется без горизонтальной черточки наверху. Однако иногда мачта её покрывается сверху горизонтальной черточкой: общен емь 106, за пинанием 126. Несмотря на наличие этой черточки буква ь сильно разнится с буквой ѣ. Буква ѣ = ь встречается и в Минее 1096 г. Буква Ѧ имеет три варианта. У первого варианта наклонные друг к другу линии прямые. У второго варианта правая, составляющая букву, линия пишется с лёгким изгибом: Ѧ. У третьего отсутствует соединяющая наклонные друг к другу линии маленькая горизонтальная линия с ножкой. Таким образом, вертикальная линия /ножка/ отправляется вниз из точки соприкосновения наклонных друг к другу двух линий Ѧ : животыныѦ 12а, малѣениѦ 20а, сътварѦѦ 476, ѦвьсѦ 486.

Своеобразная буква встречается на месте Ѧ. Она похожа на сербскую кирилловскую букву Ѧ, только её язычок оформлен в виде запятой: конѦиноу 15а, непороѦнаѦ 22а. Есть вариант, у которого чаша является угловатой, и нижняя вертикальная черточка далеко выходит под нижнюю строку: :ѦрѦва 11а.

Обыкновенно у буквы х только та линия выходит под строку, которая идёт справа. Однако встречается и буква х, у которой обе составляющие букву линии выходят под нижнюю строку, как в Остромировом евангелии: ха 126.

Разновидности, варианты букв скорее всего объясняются влиянием протографа, ведь писец Минеи № 103, по свидетельству почерка, был опытным писцом, который хорошо усвоил письмо. Для этого письма даже характерна своеобразная манерность в оформлении некоторых букв. В рукописи употребляются буквы: а, б, в, г, д, ж, з, е, ѱ, и, ѿ, ѿ', к, л, м, н, о, ѿ, п, р, с, т, оу, ф, х, ц, ч, ш, щ, ю, ѿ, ѿ', ѿ' /редко/, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ /в числовом значении/.

Из важнейших графических особенностей обрадают наше внимание на себя следующие:

1/ Буква А по правилам древнерусской графики употребляется в двух категориях написаний:

а, А после букв, обозначающих гласные, передаёт сочетание й + а, подобным образом и в начале слов А обозначает сочетание й + а: непорочна^А 12а, ходата^А 12б, си^Ании 12, ^Ав^А 13а, ^Авления 21б, ^Ави са 26а.

б, а после букв, обозначающих согласные, передаёт сочетание мягкий согласный + а /с' + а/: зарѣми 1а, трыпа - хоу 2б, видаше 3а и пр.

Своеобразным графическим приёмом, причём довольно konsekventно проведённым, является то, что в тех написаниях, которые подходят под категорию а, над буквой А пишутся две диакритические чёрточки, которые иногда сокращаются до точки: въспри^атъ 1а, въпи^аше 1а, ^авиша с^а 2а, весели^а 9б, почи^а 12а и пр.

2/ Буква Ѥ употребляется реже, чем А. Как это известно из Новгородских миней, писцы старались избежать употребления буквы Ѥ. Наш писец придаёт определённую функцию этой потерявшей свое исконное звучание букве. В Минее № 103 буква Ѥ пишется на конце

строк для экономии места или в начале некоторых слов, с такой же функцией: младѣ| 4б, застѣ|пленіе 7а, теплотѣ| 9б, ѣстраши / в заглавии/ 8а, ѣкрѣплѣше /в заглавии/ 14а, ѣдалилъ ѣси 22а и пр. В первой своей функции употребление буквы ѣ напоминает употребление буквы ѣ, которая тоже пишется главным образом на конце строк с целью экономии места: ѣдиносоущьѣ|ю 12а, пѣ|тьмѣ 50б.

3/ Характерно для графической системы Миней № 103 широкое употребление написаний ч, ж, ш, щ, ц + ю, ѣе, которые в ней встречаются чаще, чем в других древнерусских рукописях XI-XII вв.:

оуеницю 5б, 8а,
оучѣница 6а,
творѣще 7б,
на|шю 8а,
рожаницю 8б,
чащю 9б,
рѣшюмоу 10б,
исходатаицю 10б,
трицю 12а,
соущю 12б,
ѣбѣчноуюцю 18б
чюдѣне 24б,
вашю 26б,
чюдесѣ 25б,
къ всеви|дцю 27б,
сѣтворѣшюмоу 29б,
полоущю 31а,
соущю 31б,
по ѣчении 33б,

ходатайцю 37а,
соущю 37а, 40б,
чюдесьниѣ 37а,
чюдесѣ 39б,
хлагодавьцю 39б,
прѣблѣ|жѣне 43б,
тоущю /2х/ 44а,
чюдесы 45б,
чюдотво|рьче 45б,
рожьшюю 45б,
бѣцю 47а, 51а,
въ нашю 47а,
тъльѣщюю 49а,
чювьства 49б,
пищю 49б,
моучѣниѣ 50а,
чювьствѣнаго 50а,
ѣѣлѣщю 50а,
чюдѣше 50б,

чювьства 33а,

въплѣть|щюмоу сѧ /иѧ/33а,

чашю 34а,

длю 34б,

бцю 34б,

срдцю 36б, 44б,

рожшюѧ 51а,

мечющаѧ 51а,

чсрцю 51а,

човьство 51б,

пищю 51б,

лоучю 53б и пр.

По примеру этих же написаний возникли у писца Минеи № 103 и написания с ѣ вместо е после букв, обозначающих другие согласные: искоренителѣ 6б, ѧ|малѣниѧ 19б-20а, землѣдела 23б, прогонтѣниѧ 24а, блаженѣ 54б.

4/ Буква ѣ встречается редко: имбюшюѧ 9а, рожшюѧ 51а. Вместо ѣ, как правило, пишется ю согласно древнерусскому произношению, в котором на месте носового гласного непереднего ряда после смягченных согласных произносился гласный [’у] и после гласных и в начале слова сочетание [’у]: оученицю 8а, стьзю 21а, подавають 27б, полоучю 31а, чашю 34а и пр.

5/ Для передачи сочетания ј + е после букв, обозначающих гласные, чаще пишется ѣ /под двумя черточками или точками/, чем ѣ согласно с тенденцией писать ѧ вместо ѧ в тех же положениях: ѣси 1а, 6б, 21б, 22а, ѣсте 2а, ѣже 2б, надениѣ 2б, животьной 5а, ра|зрѣшениѣ 9а, приснославниѣ 21б, самоѣ 23а, житиѣ 23а, ѣго же 26б, въздрѣжаниѣ 27а и пр.

Тенденцию избежать написаний с ю можно обнаружить в употреблении буквы у /’у/ вместо ю в нескольких случаях: всю 1б, своѣу 31б, соуцю 31б, славьноу 40а, вмѣстимю 32б, надею 54б, даже тырдыну 53а.

Эти особенности графики выдержанно соблюдаются писцом инте-

ресующей нас рукописи. Однако с листа 53а меняются как характер почерка, так и особенности графики: буквы становятся большими. Наряду с диакритическими точками проявляется и употребление знака ' : бжио 53а, ѣсно 53а. После букв, обозначающих гласные, и в начале слов пишется буква ѣ / а не ѣ /: ѣсно 53а, 55а, раѣа 54б. Несмотря на эти особенности почерка и графики, мы не решаемся высказаться в пользу того предположения, что с указанного листа мы имеем дело с работой второго писца. С листа 53 качество пергамента ухудшается. Изменение почерка и графических особенностей объясняется, по нашему мнению, плохим качеством пергамента и тем, что эти листы были списаны с другого протографа, чем лл. 1-53б.

В Минее № 103 встречаются и случаи сокращённых написаний, которые можно разделить на два типа: написание под титлом и написание с выносом. Под титлом пишутся такие слова, как: мѣнѣхъ 1а, мѣтлѣ 1а, двѣю 1а, двѣ 1а, хѣ 6а, блгдѣти 16б, спсѣнѣа 16б, дѣа 21б и пр. С выносом пишутся такие слова, как бѣ 10б, ерѣмо 10б, гла 12а, пѣ. Вынос встречается главным образом в заглавиях. Писец Миней № 103 был опытным писцом. Однако в его почерке можно отметить некоторую торопливость, поспешность. Этим предположением объясняются те ошибки, которые пропускались им. В рукописи сравнительно много ошибочных и неправильных написаний.

Что касается украшения рукописи, следует указать на то, что инициалы /большие и малые/ выполнены в геометрическом стиле. Однако нет написаний с киноварью, инициалы и заглавие написаны чернилами, что является характерной приметой древнейших русских миней.

Фонетика

Из области фонетики интересующей нас рукописи мы выделим только самые важные особенности.

1. Судьба редуцированных. Редуцированные гласные из-за недостатка времени изучаются нами в корнях и суффиксах.

А/ Редуцированные гласные не в сочетании с плавными в слабой позиции часто выпадают, что выражается пропуском букв ѣ, ѥ:
 Пропуск ѣ, ѥ в корнях: злыи|хъ 6а, 54б, злобоѡ 7а, многы 4б, многими 4б, зломъ 25б, многа 26а, многообразными 26б, многоѣбно 27а, многомъ 27а, злобноуѡ 27б, много 21б, мно|гыхъ 29а, злыи 29а, многихъ 29б, всѧ 1а, 1б, вси 12а, всюдѣ 12б, всю 3а, 4а, всѣхъ 4а, всеѧ 4а, всѣмъ 5а, всеѡ 6б, всѣхъ 21б, 24а, вси 22б, всѣмъ 23а, 23б, 24а, 27а, всѧкъ 25б, всегда 26б, 27а, всѧкого 26б, всѧко 27а, всего 37а, всѣхъ 39б, всею 40а, всечѣстне 46а.
 Пропуск ѣ, ѥ в суффиксах: вѣрнами 1а, милостивно 3а, прѣслажне 3а, вѣнчалъ 31а, ѧсно 19б, 31а, всечѣстне 32а, пѣснословесью 33а, вѣрно 33б, рожши 45а, вѣрно 54б, безмѣрно 54б, ѧсно 55а, дѣлжно 55а.

Б/ Редуцированные в сочетании с плавными:

а/ Контрипуанты общеславянских сочетаний тыrt, тыlt, тыrt, тыlt представлены двумя типами написаний. К первому принадлежат те случаи, которые передают характерные для древнеболгарского языка слогообразующие [r], [l] : миро|дрѣца 1б, ѡврьгъ сѧ 1б, твърдостѡ 1а,, оусрьдно 2а, съмрьть 2а, милосрьди|ѣ 2б, съврьшающе 4б, скрьбъ 7а, чрьтѡгъ 7а, врьховьндѡ 9а, ѡврьже сѧ 16а,

одръжимъѣ 176, съврѣшителя 186, прѣтрѣбнѣно 186, съмръть 186, врьсѣ 19а, въздрѣжа нѣ 196, оутврѣженіе 21а, скврѣны 22а, ѡврѣ-
зе 25а, сывлѣкъше 266, въздрѣжаниѣмъ 27а, тврѣдо 27а, бръзаго 31а,
оутврѣжѣшу 316, плѣкы 286, длѣзѣ 286, притрѣбѣша 306, ѡтврѣзи 306,
зръчапо 32а, дрѣзновеніе 32а, ѡтврѣженъ 326, трѣпаше 33а, съмрътъ
336, прѣстъ 346, почрѣпѣшоумоу 35а, съврѣшивѣша 366, почрѣпѣше 38а,
дрѣжимомъ 38а, врьхъ 38а, оудрѣжа 386, стлѣтъ 39а, почрѣпенъ 40а
и пр.

б/ Характерные для древнерусского языка и для языка писца
соответствия древнеболгарских написаний встречаются намного реже:
твь|рдо 9а, длѣгаѣ 266, тврѣднѣ 53а, наплѣ|нѣм са 53а, почрѣ-
паѣмъ 53а, миродърѣца 536, оутврѣдивъ 536, тѣрпа 54а, тврѣдо-е
546, въздрѣжаниѣмъ 546, въздрѣ|жаниѣ 546, длѣжно 55а, дрѣзнове|
ните 55а, въ жѣ|ртвоу 55а.

Особенно частыми бывают эти написания с л. 53а, что свидетель-
ствует о том, что эта часть рукописи № 103 была списана с другого
протографа, чем первые 52 листа.

Характерным для древнерусского языка написаниям следует при-
числить и те случаи, когда буквы *р*, *л* пишутся между двумя ерами:
длѣжнѣно 8а, твь|рдо 9а, оутвь|рѣдивѣше 276, жрътва 23а, ѡврѣзоша
486.

Тот факт, что характерные для древнерусского языка континуан-
ты общеславянских сочетаний *trt*, *tl*, *trt*, *tl* слабо отраже-
ны орфографией Миней № 103, свидетельствует о том, что оконча-
тельно ещё не оформились графико-орфографические традиции для переда-
чи древнерусских фонетических особенностей, попавших в норму цер-
ковно-книжного языка.

в/ Контипуанты общеславянских сочетаний *trъt, tьt, trьt, tьt* пишутся, как правило, с буквами *ъ, ь*: *плть* 2а, 10б, *плтьска* 2б, *плтью* 4б, 6а, 22а, *крвь* 18а, *стрьмлени* 10а, *бесплтьный* 25а, *крвьными* 30а, *брвьма* 32б, *плти* 3б, *въплти сѧ* 17б, *въплъаеъ сѧ* 25а, *въплъчено* 47а, *въплъщ сѧ* 47а, *крве* 16а, 18а, 47а, *въскръсение* 36б, *бесплтьнаго* 47а, *стръгахоу* 48б, *стрьмлени* и 49б, *плтьскихъ* 50б и пр.

Оценивая случаи этимологически правильных написаний с буквами *ъ, ь*, следует указать на то, что эти буквы сохраняются без изменения там, где редуцированные были в сильной позиции, например: *въплъ* 6б, *лжьный* 2а, 27б, *тъжно* 8а, *потъпътавъше* 13а, *чьсть* 25б, *прѣлъсть* 31а, *ражьгъ* 31а, *шьдъ* 37б, *сильнъ* 33б, *въшьль* 54б и пр.

Интересным исключением являются написания без *ь* в корне *въс-*, там, где редуцированный гласный был в сильной позиции: *въс* 1б, 13а, 29а, 34б, 42а, 44а, 46а, 54а и пр. Эти написания известны и из Русской части Саввиной книги. Они возникли графическим обобщением корня косвенных падежей в им.-вин.п. ед.ч. и восходят, по всей вероятности, к протографу Миней 103⁴.

Имеется в интересующей нас рукописи несколько случаев взаимной мены букв *ъ* и *ь*. Вместо *ь* пишется *ъ* в таких случаях, как: *донъдеже* 11а, *равъно* 27а, *горъный* 29а, *въсю* 31б, *прѣмоудръникъ* 45б. Эти написания, возникшие в результате влияния древнеболгарского протографа, встречаются и в других древнерусских рукописях: например: *донъдеже* /Русская часть Саввиной книги, *донъдеже* в Бычковской псалтыри/.

Вместо буквы *ъ* употребляется *ь* в слове *съсьць*: *съсьца* 53б. Подобное написание - нередкое явление в памятниках древнерусского

языка: отъ сьсьцю 5а - Бычковская псалтырь. По мнению, В. Ягича, написания типа сьсьцю чаще всего встречаются в памятниках южно-русского происхождения⁵. Однако в случае интересующей нас рукописи мену буквы ь буквой ѣ трудно объяснить южнорусским влиянием, поскольку случаи мены ц и ч свидетельствуют о северном происхождении рукописи № 103. Логичным объяснением наличия этой южнорусской черты являлось бы предположение о том, что Минейя № 103 была списана с южнорусского протографа, который, однако, довольно хорошо сохранил особенности своего древнеболгарского протографа. Рассматривая написания букв ь, ѣ, мы можем установить, что буквы ь, ѣ редко пропускаются в корнях и суффиксах там, где редуцированные были в слабой позиции. Не пишутся буквы ь, ѣ между буквами з-д, м-н, в-с / в корнях/ и в-н, ж-ш /в суффиксах/. Предполагая, что отсутствие ь, ѣ в этих случаях объясняется пропуском редуцированных в слабой позиции, можно прийти к выводу, что в интересующей нас рукописи отражается сравнительно архаическая фонетическая система, в которой процесс падения редуцированных в слабой позиции находится в начальной фазе. Это предположение подтверждается и тем, что на месте этимологических редуцированных в сильной позиции сохраняются написания с ь, ѣ, т.е. нет следов вокализации редуцированных.

Архаическое "поведение" редуцированных скорее всего объясняется особенностями живого языка писца данной рукописи, чем влиянием протографа или протографа, в котором имелись случаи неправильных написаний букв ь, ѣ. Архаическая система редуцированных в языке писца Минейи № 103, согласно данным палеографии, подтверж-

дает предположение о раннем происхождении интересующей нас рукописи.

2. Произношение гласного, обозначаемого буквой ѣ

Буква ѣ в большинстве случаев пишется этимологически правильно: вѣрнами 1а, побѣдникъ 1а, свѣдѣтель 1б, имѣа 2б, тѣлесе 3а, всѣхъ 4а, ѡвѣ 5б, просвѣтила 6а, прибѣжище 8а, размѣсно 8б, невѣста 10а, намѣстникъ 10б, проповѣдающе 12а, крѣпость 14б, въ оутробѣ 15б, грѣховна 17а, невѣжествомъ 17б, въспѣваѣ 18б, прѣзърѣ 18б, свѣта 20а, по срѣдѣ 22б, добродѣтели 23а, вѣчнаго 23а, дѣла 23б, въ дворѣхъ 24б, свѣтъ 27б, лѣтъ 28б, съсѣкоша 29а, въ съкровѣ 29б, рѣки 30а, тѣмъ 30б, съвѣдаемъ 33а, вѣрѣ 33б, тѣхъ 36б, съсоудѣ 37б, ѡ тѣла 38а, иѣблениѣ 39а, иѣрѣва 39б, заповѣди 40а, о тѣлѣ 42б, по рождествѣ 46а, 47а, крѣпко 47а, вѣнценосяца 50а, трыѣбниѣ 50а, просвѣтъ 51б, невѣжествиѣ 52б, оѣщение 54б, безмѣрно /ис/ 54б и пр.

Отклонения от этой нормы немногочисленны. Вместо ѣ редко пишется е в контигуантах общеславянских сочетаний *tert*: потребленийѣ 7б, преоудре 31б, пресѣхша ѣ 8а, прегрѣшени 21а, преиде 28б, премѣдре 36б, пресловоущи 39б и пр.

В падежных формах личных и возвратных местоимений: къ тебе 20а, 26б, къ себе 30б, 43б, въ тебе 42б и пр. Написания е вместо ѣ в этих случаях можно объяснить отражением церковно-книжного произношения, в котором гласный, обозначаемый буквой ѣ, звучал как гласный [е]. Буква ѣ пишется вместо е в нескольких случаях: прилѣжно 21а, 34б, 42а, 49а, 52а, прилѣжнаго 52б. В этой форме употребление буквы ѣ вместо е — характерная черта ряда древнерусских памятников⁶. Под влиянием норм древнеболгарской орфографии

возникли написания дрѣвле 5а, 37а, 37б, 39б, дрѣвнѣа 50б и пр. Написания бес|семене 14б, бес сѣмѣне 41а скорее всего проявились графическим путём под влиянием следующего слога.

В интересующей нас рукописи имеется несколько случаев написания с и вместо ѣ: прибате [прибогате] 2а, приподобѣне 12а, при-трѣлѣна 30б, пристави са 33б. Возможно, что в этих примерах приставка прѣ- была заменена морфологическим путём приставкой при-. Употребление буквы ѣ вместо и может быть опiskой в примере: млѣкомъ въспѣтѣнѣ / = въспитѣнѣ / 53б.

Рассматривая употребление буквы ѣ, мы можем убедиться в том, что гласный, обозначаемый его, отличался от гласного, обозначаемого буквой е. Церковно-книжное произношение гласного, обозначаемого буквой ѣ, в языке писца Минеи № 103 еще не сложилось окончательно, как об этом свидетельствует сравнительно редкое употребление буквы е вместо ѣ.

3. Из области консонантизма обращают на себя внимание следующие особенности.

а/ Частое употребление буквы ж на месте этимологического сочетания [ʃdʲ]: рождѣствомъ 2б, 6б, 34б, рождѣшоса 4б, рождѣши 6б, 25а, рождѣшааго 7а, рождѣна 10б, 11а, рождѣшю 21а, рождѣнными 23б, рождѣши 27б, 29а, 40а, рождѣнаго 29а, рождѣство 33а, 39а, 42б, въ|рождѣны|хъ 39б, рождѣсаа 40а, рождѣниа 44б, по рождѣствѣ 46а, 47а, 50б и пр., даждѣ 8б, 25а, вождѣ врѣховнѣаго 9а, осожѣна 9б, въсхождѣний 13а, наслаждѣний 19а, оутврѣждѣний 20а, обѣжажаѣ 24б, носажѣна 2б, оутврѣждѣниа 27б, ослажаѣа 32а, бо́насажѣна 34а, насажѣний 35а, побѣжаѣем(свѣсѣ) 35б, прѣже 36б, 37а /2х/, 38а, 48б, 55а, надеждѣю 42а, оутврѣждѣний 42а, въсхождѣниа 52б, наслажаѣтеши

сѧ 53а, 55а и пр.

Эти написания продиктованы тем, что во время возникновения интересующей нас рукописи в церковно-книжном произношении утвердилось произношение слов с согласным $[\tilde{z}]$, там, где в древнеболгарском языке звучал $[\tilde{z}d']$, т.е. на месте общеславянских сочетаний $[d\tilde{z}]$. При большом распространении написаний с ж вместо жд написание с ч на месте общеславянского $[t\tilde{c}']$ является единичным: мечюща бѣо 51а.

Анализ фонетики остался бы неполным без учёта данных об отсутствии начального $[\tilde{j}^+]$ в сочетании $[\tilde{j}u]$. Формы без $[\tilde{j}']$ отражают особенности живого языка писца, которые попали в церковно-книжный язык Минее № 103: ѣноша 3а, оуноша 14б, оуница 14б, ѣноша 26б, оуности 50а.

б/ Наряду с общими особенностями древнерусского языка в Минее № 103 можно отметить и такие звуковые явления, которые являются диалектизмами и таким образом делают возможной локализацию интересующей нас рукописи.

В эту группу особенностей входит употребление буквы ц вместо ч и ч вместо ц: очистивьше 4а, црѣва 6а, оцищение 43б, съконецавъща сѧ 47б, зръчало 32а, 34б, сѣдмичю 30а, обьщнице 32а. Немногочисленные примеры взаимной мены букв ц, ч свидетельствуют о том, что в произношении писца интересующей нас рукописи аффрикаты $[c']$, $[\tilde{c}']$ совпали в одном согласном, для передачи которого писец, как мы видим, употреблял своеобразное начертание буквы ц.

Наш писец затруднялся и в передаче древнерусского рефлекса общеславянского сочетания $[+zg\tilde{z}]$: дѣ|жгдѣ /дѣждѣ/ 45а, потому

что на месте этого сочетания он произносил сочетание [ʒj], которое он передал сочетанием букв жг: одѣжѣи 37б. Написание жг передаёт новгородское диалектное сочетание [ʒj] ⁷.

Мена букв ц и ч, написание жг на месте древнеболгарского жд дают возможность ближе определить место написания интересующей нас рукописи, так как эти особенности графики характерны для рукописей, возникших в Новгороде /или в его окрестностях/, Минее № 103 мы можем считать памятником новгородской письменности.

Следует указать ещё на одну особенность графики интересующей нас рукописи, которая может иметь значение для её локализации: это неправильное употребление буквы щ, которое проявляется во взаимной мене букв щ, ш: въпиѣще, видаще 1а, чѣтоушаѣ 17а, избавляѣши /мѣ / 30б, вѣшьство 36б, притекаѣша 45а, наѣю землю 55а. Данное явление встречается и в Минее за июль № 121, где мена букв щ и ш может свидетельствовать, по Л.Н. Карягиной, о новгородском происхождении рукописи ⁸. Если рассмотренные нами примеры на употребление буквы ш вместо щ возникли не графическим путём, как недописанные шт древнеболгарского протографа, то они могут свидетельствовать о диалектном изменении сочетания [ʒc] > [ʒj] ⁹. Подобные написания встречаются и в новгородских памятниках XI в.: съмоушаеть, живоушии – Мин. 1095 г. Возможно, что диалектное [ʒj] скрывается и за написанием с буквой ж в таких примерах, как ражѣгъше 28а, ражѣгъ 31а, ражѣгль 43а.

Таким образом, написания с ш вместо щ тоже указывают на Новгород и его окрестности как на место возникновения этого ценного памятника древнерусского языка.

Морфология

Из морфологической системы Минеи № 103 рассмотрим особенности склонения существительных и спряжения глаголов.

Из области склонения существительных заслуживает внимания наличие характерной для древнерусского языка флексии -ьмь, -ьмь в твор.п. ед.ч. существительных мужск. и среднего родов с основой на -ѣ: тврѣдѣй сѣмыслѣмь 35б, высокомѣ сѣда|ли -щѣмь 23б .

В склонении существительных можно выделить случаи взаимовлияния основ, которое даёт о себе знать в переносе флексий из одного типа в другой.

1. Перенос флексий из основ на -ѣ в основу ѡ-:

дат.п. ед.ч.: ѡбѣи 3а, 25а, хѣи 8а, 24а, хѣи молиса 37а, хѣи принеслѣ ѣси 51а, мирови 32б, 37а, 38а, 54б, родителеви 7а, мечеви поклонисте 15а, спсителиви 35а, пастыреви 45б;

род.п. мн.ч.: троудовѣ 7а, грѣховѣ 11б, 38а, ѡбсовѣ 15б, даровѣ 38а;

твор.п. мн.ч.: ликѣми 36б, дарѣми 27б.

В род.п. ед.ч. -ѡ- основ перенос флексии из основ на -ѣ является единичным: того престолау 28а.

2. Перенос флексий из основы на -ѣ в основу на -ї :

дат.п. ед.ч.: гѣи 8а, 9б.

3. Перенос флексии из основы на -ѡ в -ї основу: род.п.

ед.ч.: посрѣдѣ огна 25а, 35б;

дат.п. ед.ч.: огню 24а, къ огню 29а.

4. Перенос флексии из основ на -й в -ї основу: дат.п. ед.ч.:
огневи 24а.
5. Существительные с основой на -й сохраняют свои харак -
терные флексии: род.п. ед.ч.: медоу 40а, м.п. ед.ч.:
въ докоу 24б, 25б, 34б, однако можно выделить и случаи
переноса флексии из основ на -ѡ: на врьсѣ 19а /м.п.ед.
числа/.
6. Существительные с основой на согласные, за исключением
существительных с основой на ѡс| -ес, сохраняют свою
флексию в род., м.п. ед.ч.: бес семене 14б, бес сѣмѣне,
на... камене 49б, 53а.
7. Существительные с основой на -ос| -ес могут потерять
морфему -ес-и получить флексию -ѡ- основ: род.п. ед.ч.:
тѣла 3а, 38а;
твор.п.ед.ч.: словомъ 3а, 5б, 6б, тѣломъ 11б, 26б, 27б,
44а;
м.п. ед.ч.: о тѣлѣ 35б, 42б, 54б,. Но имеются и формы
с морфемой на -ес- : им.п. мн.ч.: чюдеса 20б, род.п.
мн.ч.: чюдесъ 26а, 38а, 39б, твор.п. мн.ч.: чюдесы
46б.

В области спряжения укажем на характерное для древнерусско-
го языка личное окончание -ть в 3.л. ед. и мн.чисел: принимать
3а, блажить 6а, спасаѣтъ сѧ 7а, посылаетъ 8а, ѡгонитъ 9б,
тѣдитъ 13б, призываетъ 14а, иѣѣ|летъ 15б, происходитъ 26б,
славить 33а, съвършаѣтъ 36б, приносѣтъ 1а, точать 15а, быва-
ють 24б, блистають 38а и пр.

Древнеболгарское личное окончание -тъ представлено церков-
но-книжными формами аориста 3.л. ед.ч.: приѣтъ 31б, 33б.

Аорист представлен сравнительно редко. Глаголы с основой на гласные образуют сигматический аорист без соединительного гласного: видѣхъ 1а, образова 11б, показа 11б, въспѣва 16а, оувѣдѣ 34б, 37б, съподобисте 13а, съвѣзасте 13а, двисте 13б, приѣша 14б и пр. Глаголы с основой на согласные образуют сигматический аорист с соединительным гласным: въведосте 15а, приведосте 15б, исхъоша 7а, 13б, съсъкоша 29а, просвъто сте 30а, быша 29б.

Для имперфекта характерно исключительно употребление стяженных форм: въпиѣше 1а /2х/, видѣше 3а, вѣдѣше 5б, съчѣше 17б, прославѣше 24б, трѣпѣхоу 2б, въпиѣхоу 14а, бѣстѣ /9с/ 14а. Употребление стяженных форм имперфекта является характерным для Саввиной книги ¹⁰. Возможно, что стяженные формы попали в интересующую нас рукопись из древнеболгарского протографа типа Саввиной книги, но они испытали на себе и влияние живого древнерусского языка.

Для перфекта характерно постоянное употребление связки: низложилъ ѿси 3а, пострадалъ ѿси 3б, проповѣдалъ ѿси 4б, въслѣдовала ѿси 4а, оувѣрида ѿси 6а, прѣтрѣплъ ѿси 12б, былъ ѿси 20а, 21а, приѣли ѿсте 2а и пр.

В области именных форм глагола следует остановиться на архаических формах причастия прошедшего времени с суффиксом -ѣ-, -ѣш- у глаголов на -ити: оуподобѣ 3б, оставѣши 6а, порождѣши 9б, наплѣньсѣ 9б, не ѿмочь сѣ 22а, съподобѣше сѣ 30б, сътворѣшаго 32б, наущъ сѣ 33а, въплѣдъ сѣ 34б, порождѣши 36а, ѿвѣль сѣ 48б, исплѣнь сѣ 53б, рождъ сѣ 55а и пр. Наличие этого типа причастий прошедшего времени является своеобразным архаизмом в

Минее № 103, который, несомненно, был принадлежностью церковно-книжного языка.

Наряду с церковно-книжными формами следует указать на наличие причастных форм с окончанием им.п. ед.ч. м. и ср. р.: - а: дхы прогониши всегда лоукавын^а живай по смырти боблѣне 196, 27а, на земли жива 33а, болѣзни плѣтскыи. не чюдѣше зова же въпи^аше 50б.

Эти формы, которые встречаются довольно редко в памятниках древнерусского языка, свидетельствуют о том, что некоторые морфологические особенности живого древнерусского языка могли попасть в церковно-книжный язык, употребляемый на Руси в XI-XII вв.

Подводя итоги нашим наблюдениям, мы можем сделать следующие выводы о Минее № 103.

1. Минее № 103 по палеографическим и языковым данным была списана в Новгороде в первой половине XII в. /включительно/.

2. Возможно, что Минее № 103 списывалась с южнорусского протографа, который, однако, во многих местах точно сохранил особенности древнеболгарского оригинала.

3. Рукопись отражает сложный процесс обрусения древнеболгарского языка на Руси и процесс возникновения некоторых форм церковно-книжного языка XI-XII вв. /передача древнерусских континуантов общеславянских *tyt*, *tylt*, *tyrt*, *tylt*, рефлексы сочетания ⁺ *dj*, произношение гласного, обозначаемого буквой *ѣ*/.

4. Изучение языка Минее № 103 навело нас на мысль о значении древнерусского языкового "субстрата", который регулирует как сохранение архаических черт, так и распространение некоторых ин-

новаций. Отражению архаического "поведения" редуцированных способствовало наличие этих же гласных в живом языке писца. Подобным же образом наличие стяженных форм имперфекта в живом древнерусском языке облегчало их распространение в рукописи, в протографе которой могли быть налицо такие стяженные формы имперфекта, которые известны из Саввиной книги. Всё это поднимает вопрос изучение закономерностей интерференции древнеболгарских и древнерусских элементов в ранний период истории русского языка.

Сноски

- ¹ В.Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 112.
- ² В.Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 117-118.
- ³ Л.Н. Карягина. Палеографическое описание служебной минеи конца XI - начала XII вв. Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962, стр. 5,7,9,15 /снимки/.
- ⁴ В.Н. Щепкин. Рассуждения о языке Саввиной книги. СПб., 1904, стр. 127-129.
- ⁵ В.Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 15, 26.
- ⁶ Н. Дурново. Русские рукописи XI-XII вв как памятники старославянского языка. Южнославянский Филолог, XC /1925/, стр. 49.
- ⁷ А.А. Шахматов. Очерк древнего периода истории русского языка. Пд., 1915, стр. 321-322.
- ⁸ Л.Н. Карягина. Ук. соч., стр. 3.
- ⁹ А.А. Шахматов. Ук. соч., стр. 321-322.
- ¹⁰ Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр.

ОЖИКИАБСННЕТНЛАТОДВААДНОБА
КАЗАХШН. **В**СЕУАГТАНААМАРИ
АМНН. АИГОЛОУН. АНОРЕАБЗКАЗА
СКАГАШНА. ГЕБТЛО. ФАНПАИКА
СТКАНОГОВР. ВЛОМКА. ТЛМВЦРА
ХАРОВШНХТГНДЮ. МНОГОМЕТКА
РЕ. КСЕХА. ЧАНОЕ СЛОКОЖНЕ.

СХЛЮДАЮШНЗАГОМКОЛЕЮРОЖАШАТО
ИЗАГОМХЕСТЬСТКА. ОКНОКЛАШАИ.
АКОВЕЗАГОМАНЗНАОУН. КА. ОРАЖ
АОВИНОУЧАА. ОЦА. НАШНКА.

РАДОВИСТАЕДНАРОЖШНА. РАДОСНА
АНГОМНУАКИАМ. УНСТАА. МУНГОМ
НАПАМЪПРКАЛА. НЕСЕЛМХХННЮШН
ИЛЪСЕМННЕ. ОЦА. НАШНКА.

СПЕ. И. ЕРМО. СЕДМЬСЕДМЦ.

СЗНАОУКОДОМХКХ. ГРАЦЕ. ЧВЕСКА
ШАЮШАГОКОВА. КСАУСКА. НАХЕМА.
ДОТАШАГ. ИНАНЕСНА. КАША. ГОВНА.
БТРОМАРИАМНН. КЗННЮШНАДН.

СХАРАКНЕШУРА. ПРЕСЛОВЦУИАНЕТ
ДЗНЗКАКЛЕНН. НЕСЕБОЖНЕ. ШТННОУ
А. ПОТРЕКЛЕНН. САТНННА. А. ПРО
ВЕРЕМЕТКОРАШН. ИНАГОТЧЕ.

И НЕКХИЕТННОУРОМХИЛЪ. ВЕРЮКЪ
ННЮШНКА. А. ЧТИКАРОСЛО.

ЯЛ. КЕ. А. ЧТИКОРН. ИУ. РОУ. БОУ. МАШЕЛЖ.
ЗАСВЕРШАЮЩАА. КР. ЛНО. НАЛА. Ч.
ТКОМКСЕУСТАНОУ. Ю. СЛАВНАА. ПАРЗ
ВАР. С. ТА. ГО. ПЛЕ. МЕНИ. А. НАМНОГОСЛОКЕ
СА. НА. ГО. НАЕ. Х. ЗКА. И. Ч. И. КР. БА. ЛЮ. Б. Ю. КИ.

ИНАЖЕНИТЕЛ. А. Ч. И. ПУ. Г. Х. А. Е. ТА. Т. И. С. А. НЕ
НЕСЕ. А. Р. А. Н. Г. А. Х. РА. ДО. Ч. НЕ. А. К. Х. Н. Ю. Ч. И. К. Х. И.
И. У. Р. Т. Ж. Е. К. С. Е. С. Е. Ч. Л. Х. И. А. В. Ж. Н. И. Ч. Е. Н. Е. Р. А.
Х. О. Р. И. М. Х. И. Н. Р. Х. А. А. П. О. Л. А. Т. О. П. Р. Е. Г. Т. О. Л. Е.
К. Х. И. О. Т. Х. И. Н. К. Х. И. О. Т. А. Г. О. Ц. Е. Р. А. К. О. С. М. О. К.
Ж. Е. П. О. Ф. М. З. С. П. Е. О. Е. Р. М. О. Ж. Е. Т. Р. А. Ш. И.

ИУР. К. П. О. Г. Р. А. Ж. Е. И. П. Р. И. К. Е. Ж. И. Ц. Е. И. З. А. С. Т. О. Ч.
НА. И. И. К. А. Г. А. И. М. О. Ч. И. И. Ж. Е. Н. Е. П. О. Ц. А. М. А.
И. И. К. О. Л. Е. Ю. И. М. Е. С. З. Ш. А. Г. О. К. Х. И. Е. Л. О. В. И. Н. Ж. Е.
И. К. Т. Е. М. О. У. К. А. С. Т. Р. О. К. Х. Е. П. Р. И. А. И. С. И. Л. О. У.
В. Р. А. Ж. И. Ю. М. А. Р. И. А. М. Н. И. О. Т. И. Н. О. С. Л. О. В. Е. Р. И. Е. X.

ВЕ. К. Е. Р. А. С. А. О. Ч. П. Р. О. Г. Р. А. С. И. Е. Н. А. М. А. Р. И. А. М. Н. И.
А. И. Т. О. О. У. Е. Н. И. Ц. Ю. К. Е. С. И. В. Е. Р. И. А. М. О. Ч. И. С. Е. А.
КА. У. О. С. Л. О. М. И. Н. Е. Ж. Е. Т. К. Х. И. А. И. П. И. А. П. Р. Е.
С. Х. Х. Ш. А. А. Ч. Х. Ш. А. М. О. Д. Ш. А. О. И. В. Е. И. А. Н. Е. С. Т. Е.
И. П. А. Д. О. М. О. С. И. К. Х. И. А. П. О. С. Т. Е. Ш. Е. Н. И. Е. X. А.
К. Ж. И. Е. Л. А. Т. Е. Р. З. С. В. Е. Р. А. Ш. Е. Н. И. Е. X. А.

СЗЛАТНОБЕИГЕН. ДЗЛЖАНОУПТЕЖ.

"ИЗОБРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ" В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИНОКОПИСИ /ИСТОРИЧНОСТЬ И ВНЕВРЕМЕННОСТЬ/

М. Надь

На иконах средневековья вообще изображаются события, написанные в Ветхом и Новом Завете или на них появляются христианские догматы, связанные с Библией. На большинстве икон можно видеть новозаветные события, потому что они показывают эпизоды из жизни Христа, отображают "идею спасения", которая является основным догматом восточного православия. Имеется также много икон, на которых появляются какие-нибудь христианские догматы.

В связи с изображением времени мы изучаем иконы в двух группах. Такое разделение икон не является нашей целью, мы не стремимся к тому, чтобы по определенным признакам включить иконы в одну или в другую группу, а такая классификация является средством того, чтобы лучше выявить специфические черты изображения времени.

В первой группе изучаются иконы, на которых события появляются в реальных условиях времени и пространства. Это иконы в историческом изложении.

В другой группе рассматриваются иконы, на которых события изображаются при абстрактных /отвлекаясь от всякого реального пространственного и временного условия/ условиях. Это иконы догматического начала.¹

---

¹ Г.К. Вагнер: Проблема жанров в древнерусском искусстве, М., 1974.

Эта классификация более или менее совпадает с общепринятыми в средневековые четырем толкованиями Писания. Первое "историческое" объяснение толкует Библию со стороны событий, то есть учит нас библейской истории. Этому толкованию служат иконы, на которых события изображаются в реальных временных и пространственных условиях. Другому "духовному" или "мистическому" толкованию, которое тоже имело три /аллегорическое, топологическое, аналогическое/ объяснения, служили иконы, на которых события изображаются в абстрактных пространственных и временных условиях.

События проходят в реальных пространственных и временных условиях на иконах Праздничного ряда /Благовещение, Рождество Христово, Сретение, Крещение, Вход в Иерусалим и т.д./. Эти иконы верно увековечили языком картины события, описанные в Библии. Например, изображенное событие на иконах типа "Вход в Иерусалим" можно читать в Евангелии Матфея под 21-ой главой:

"Вход Иисуса в Иерусалим

И когда приблизились Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, Сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязавши приведите ко Мне; ...

Все же сие было, да сбудется реченное чрез пророка ...

Ученики пошли и поступили так, как повелел им Иисус:

Привели ослицу и молодого осла и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их.

Множество же народа постилали свои одежды по дороге, и другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге;

Народ же, предшествовавший и сопровождавший восклицал: осанна Сыну Давиду!"

На иконах этого типа можно видеть людей, прославляющих, прини-

мающих Христа, две фигуры, покрывающих ветви и свои верхние одежды перед Христом, которые на языке древнерусской иконописи означали толпу². Событие изображалось в реальных земных условиях; на переднем плане видны Христос, сидящий на осле, напротив его стены Иерусалима, на заднем плане дерево, которое изображалось по законам обратной перспективы. Событие полностью реальное и в отношении времени: его можно читать с левой стороны на правую, согласно ходу новозаветного события.

События, появляющиеся на иконах Праздничного ряда, рассматривались как исторические, самостоятельные. Сцена "Благовещение" также описана в реальных условиях. Богоматерь стоя, склонив голову, одухотворенно принимает небесную весть, которая передается ей архангелом. Архитектурные элементы заднего плана означают, что событие происходит в здании. Сцена замкнута в себе, она показывает навсегда оконченную историю. Жесты и взгляды двух лиц составляют самостоятельный, замкнутый в себе круг. Фигуры обращены в круг, а не зрительно. Но внутри круга фигуры во всем обращаются к окружающей их среде, а не к самому себе. В общих чертах это характерно для фигур, написанных в реальных временных условиях. Внутреннее художественное время изображенного события характеризуется: идеей историчности и идеей диахронизма, то есть движением времени, развитием от раннего к позднему³. В сцене "Благовещение" ход событий, время читается тоже с левой стороны на правую.

Движение времени больше чувствуется на иконах типа "Рождество Христово", на которых разные этапы святой истории написа-

² Л.Ф. Хёгин: Язык живописного произведения, М., 1970.

³ Г.К. Вагнер: Проблема жанров в древнерусском искусстве, М., 1974.

ны на отдельных картинах: в середине Богоматерь и только что рожденный младенец, на других картинах пастухи, получающие хорошую весть, купание младенца, Иосиф, прославление Христа и ангелы, изображение вераси.

Третьей спецификой внутреннего художественного времени сцен в историческом изложении является вневременность. Задача состояла не только в том, чтобы показать историчность святой истории, но и в том, чтобы обозначать ее вечность и вневременность. Поэтому художники соединили события в историческом изложении с признаками вневременности и внепространственности, так как событие, изображенное на иконах средневековья в сознании человека, существовало как вечное, всегда присутствующее. Художники колебались между двумя полюсами, конкретизацией /история/ и абстракцией /вечность/. Но на иконах исторического начала осталась доминирующей реальная временность и пространственность. Понятие святой истории как историческое и как вечное приводит к некоторой неопределенности. Сцены развиваются и во времени, и вневременно. Лица движутся особенно замедленным темпом, а иногда кажутся застывшими. Интересные примеры этого чрезвычайно замедленного темпа времени видны на иконах типа "Усекновение главы Иоанна Предтечи". На иконе виден Иоанн, наклоненный немного вперед, за спиной меч, убивающий Иоанна. Перед Иоанном можно видеть его уже отрубленную голову. Первый момент /меч отрубает голову Иоанна/ и последний /отрубленная голова/ изображены так далеко друг от друга, что зритель не может соединить их визуально. Он читает их также раздельно /с левой стороны на правую/, поэтому все изображение для нас является как бы разрезанным и застывшим. Фигуры, движущиеся замедленным ровным темпом, и кажущиеся застывшими, буд-

то бы вечными, относятся не только к прошлому, но и к настоящему, и "в этом заключается их истинная культовая ценность".⁴

Чрезвычайно сложное внутреннее изображение времени мы находим на иконах, связанных с Богоматерью. Истории, связанные с ней, не из Библии, они остались лишь в апокрифах. Сцены, написанные по этим апокрифам, происходят или в земных условиях /"Положение ризы Богоматери"/, или на этих изображениях смешиваются два мира, земной и вечный /"Успение/.

Иконы типа "Покров богоматери" были написаны по видению Андрея Кроdivого и служащего ему Епифаниоса. Их видение было в византийском соборе Блахерна, сохраняющем одежду-реликвию Богоматери, во время военной опасности 911 года. В их видении они представляли Святую Деву, накрывающую свой плащ на христиан, беря их под свою защиту. На изображении Богоматерь или два ангела накрывают охранительный плащ под пяти куполами на верующий народ. С правой стороны можно видеть в группе и Андрея Кроdivого. Около него Святой Георгий, Дмитрий Солунский и напротив их Иоанн Предтеча с апостолами. В композиции только ссылка на историю, как на клеймах житийных икон. Эти типы икон не ставили перед собой цель - верное изображение событий, написанных в Библии или в апокрифах. Предметом изображения являются не сами фигуры и сцены по себе, а их толкование, объяснение. Эти иконы показывали, веровали в какой-нибудь христианский догмат. Например, икона "Покров Богоматери" выражала визуальным языком роль Богоматери, покровительствующую и охраняющую христианский собор, в более широком понятии всю христианскую вселенную. В защиту это-

---

⁴ Г.К. Вагнер: Проблема жанров в древнерусском искусстве, М., стр. 93.

го иконописцы обошли все обозначения, отвлекающие внимание зрителя-верующего от сущности изображенного догмата. Значит, эти сцены, написанные в догматическом изложении, изображаются в абстрактных временных и пространственных условиях.

Абстрактная среда также окружает Богоматерь в композиции типа "Деисус". В композиции изображены в середине Христос, сидящий на престоле, налево от него Богоматерь, направо Иоанн Предтеча. "Деисус" – слово греческое и означает молитву, прошение. Время и пространство – совсем условные, отвлеченные от всякой земной среды. Престол, лучше сказать, указание на престол, является единственным пространственным элементом; вся плоскость иконы одного цвета. Ибо сцена, в которой двое святых на Страшном суде молятся Христосу, покровительствуют в защиту человечества перед сидящим Христом, не читается в Писании. Икона выражает догмат роли Богоматери в покровительстве человека.

Очень часто в композициях "Деисус" нет единого масштаба. Высота, объём фигур определяется позицией, занятой ими в церковной иерархии. Фигуры Богоматери и Иоанна Предтечи намного меньше, чем фигура Христа, сидящего на престоле.

Жесткость, неподвижность фигур икон в историческом изложении при иконах догматического начала превращаются в строгую статичность: это вечная неподвижность небесного мира. Для выражения этого служат вместе с ранее уже упомянутым недостатком единого масштаба: строгая симметрия, результатом которой не является гармония; сильная абстракция во всех аспектах художественного выражения; несоборности; недостаток исторической связи между фигурами, результат которого – условный схематизм в размещении фигур. Больше всего верно то, что "общий" вид организуется не

в размещении фигур. Больше всего верно то, что "общий вид организуется не по правилам единства, а по случайности"⁵. Между ранними и поздними событиями не было, лучше сказать не заметна историческая непрерывность. Такой взгляд, не обращающий внимание на развитие, возникновение, размещает временные этапы в пространственной плоскости.

В искусстве православия характерно, что события исторического начала абстрагируются догматически. Такое переосмысление произошло с иконой "Троица" у Рублева. Иконы типа "Троица" изображают написанные в книге Мойсея, под главой № 18:

"Три мужа у Авраама

И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шахтер, во время зноя дневного.

Он возвел очи свои, и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шахтер и поклонился до земли.

И сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего. ...

И поспешил Авраам в шахтер к Сарре, и сказал: поскорее замеси три саты лучшей муки, и сделай пресные хлебы.

И побежал Авраам к стаду, и взял телянка нежного и хорошего, и дал отроку, и тот поспешил приготовить его.

И взял масла и молока, и телянка приготовленного, и поставил перед ними; а сам стоял подле них под деревом. И они ели".

На иконах типа "Троица" три странника сидят вокруг стола, около них стоит Авраам и Сарра. Перед странниками богато накрытый стол, на заднем плане очертания дома. Эти типы икон являются верными проявлениями ветхозаветного события. Их мастер поведал историю в историческом изложении.

⁵ А.Ю. Гуревич: Категории средневековой культуры, стр. 77.
/Гуревич цитирует Флоренского/.

Рублев выбрал следующие элементы ветхозаветного события: видны лишь три странника, стол, чаша с головой агнца, дом, дерево и гора. Фигуры трех странников вставлены в форму круга. Круговая композиция, внушающая истинную гармонию, нарушается склоненной налево головой среднего ангела. Икона все-таки не внушает дисгармонию, потому что на движение немного влево склоненной головы отвечает чаша на столе, не находящаяся в середине стола, а она подвинута немного вправо. Благодаря этому формальному решению на иконе восстановилось равновесие, и зритель мог включиться в "немой разговор" трех странников. Наше внимание привлекает к себе средний ангел. Он рукой благославляет чашу, в которой находится голова того агнца. Его пожертвовал Авраам в честь трех странников. Благославляющий жертвенника жест среднего ангела означает то, что он тоже готов взять на себя кресту, готов пожертвовать собой за спасение человечества. Свою голову он склоняет в сторону левого ангела, показывая, что хотя он и готов взять на себя кресту, ему все-таки нужно согласие. Без одобрения Вседержителя действие не совержаемо. Значит, средний ангел - Христос, а левый - Бог.

Фигура правого ангела органично вписывается в форму, обрисованную фигурами двух других ангелов. Не только его жест, но и все существо выражает отождествление с другими ангелами. Значит, этот ангел является Святым Духом.

Выбором подходящих элементов ветхозаветной истории Рублев для всех своих современников языком изобразительного искусства понятно выразил догмат Святой Троицы, который - если принять во внимание антитринитарные взгляды, особенно распространенные во времена Рублева - имел особую актуальность.

В средневековой иконописи существуют изображения исторического и догматического характера не только Троицы, но и, например, Благовещения и т.д. Несомненно и то, что не все догматические варианты можно сравнивать с рублевской Троицей.

Содержание

Д. Кришто: Выводы, сделанные на основе исследования названия поселений русской народности в Карпатском бассейне	3
Ф. Макк: К достоверности одного из сообщений Киевской летописи	9
М. Фонт: Важнейшие политические проблемы в Киевской Руси в XII в.	14
З. Ойтози: Данные к реконструкции кирилло-славянского книжного фонда бывшей монастырской библиотеки Мариаповчанских базилиан	21
Э. Хоргоши: Изучение водяных знаков в помощь палеографии	28
М. Павловская: Церковнославянские элементы в поэтическом языке	50
В.В.Лепяхин: К вопросу о теме "двойничества" в древнерусской литературе и фольклоре	59
Е. Дограмаджиева: Об этапах в развитии книжного древнеболгарского /т. наз. старославянского языка/.	74
И. Феринц: Литературные традиции Киевской Руси в литературе XIII-XV вв.	79
А. Золтан: К вопросу о восточнославянско-венгерских лексических связях XII-XIII вв.	92
М. Сарваш: Синхронный и диахронный подход к изменениям в склонении имен существительных	94
Г. Хорват: Данные к истории русского литературного произношения	103
Г. Кором: Явление цоканья в новых псковских грамотах XIV-XV вв.	129
И.Х. Тот: Служебная минея на месяц февраль первой половины XII в.	140
М. Надь: "Изображение времени" в средневековой иконописи /историчность и вневременность/	163

